ISSN 2658-7920
ВЕСИ № 10, 2020
СПЕЦВЫПУСК



ГЕРОИ «СМЕРШ»

ВЕСИ

№ 10 (168)` 2020
декабрь
спецвыпуск

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

75 лет Победе в Великой Отечественной войне

К 100-летию Службы внешней разведки России и 300-летию Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

Советским разведчикам и контрразведчикам посвящается

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация
Восточного управленческого округа
Правительства Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной информации»
(620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11–0139.

Выпущено в свет 30.12.2020 г.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий». 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз. Заказ № 5. Цена свободная.

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2021 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.
Сотрудничество с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ural-press.ru.



Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени



имени Н.К.Чупина



имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками



Российской академии естественных наук «Звезда успеха»



Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.





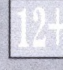


РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.





ГЕРОИ «СМЕРШ»



Александр БОНДАРЕНКО

Русский военный писатель, полковник. Член Союза ветеранов госбезопасности, Союза писателей России и Союза журналистов России, член редколлегии газеты «Красная звезда». Автор книг серии ЖЗЛ «Юрий Дроздов», «Алексей Ботян», «Герои СМЕРШ», «Милорадович», «Денис Давыдов» и ряда других; автор романа «Записки черного гусара», сборников «Юные герои Отечества», «Кавалергарда век недолог», «Утаенные страницы советской истории» (кн. 1–2) и проч., а также автор-составитель серии книг «Полки Русской армии» – в этом году в серии вышли 11-я и 12-я книги «Гвардейские казаки» и «Лейб-гренадеры». Лауреат литературных премий СВР (дважды), им. Александра Невского, «Щит и меч Отечества», «Имперская культура», премии журнала «Крокодил» и ряда других. г. Москва.

БЕССМЕННЫЙ НАЧАЛЬНИК «СМЕРШ»

(ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ АБАКУМОВ)

Если бы не Советская власть, то в жизни ему не светило бы ничего хорошего. Виктор Абакумов родился 11 (24) апреля 1908 года в Москве, в районе Хамовники. Теперь это центр города, а некогда была рабочая окраина – населенная ткачами «Хамовная» слобода.

«Отец мой до революции был некоторое время рабочим Московской фармацевтической фабрики, б. Келлер. После революции – уборщиком-истопником одной из больниц гор. Москвы. Заработок отец получал очень низкий, семья из 5-ти человек (брат, сестра и я) всегда находились в нужде. Проработав в больнице много лет, отец в 1922 году умер.

Мать до революции работала швеей по разным мастерским и, кроме этого, ей приходилось еще брать шитье на дом. После революции работала уборщицей...», – писал Абакумов в автобиографии в 1939 году. В ту пору ему был всего только тридцать один год, а он уже был начальником Управления НКВД по Ростовской области и пребывал в чине капитана госбезопасности, что соответствовало армейскому подполковнику; впрочем, весной 1940-го Виктору будет присвоено сразу же «генеральское» звание – «старший майор государственной безопасности». Казалось бы, путь до такого чина в его возрасте должен был быть стабильно восходящим, исключительно «вперед и вверх, а там...» (как у детей высокопоставленных чиновников), но на самом деле «дорожка» эта для него оказалась тернистой, извилистой и ухабистой.

Биографию Абакумова можно было бы назвать уникальной – если бы в те смутные послереволюционные времена подобным же необычным образом не складывались многие тысячи жизней. В 13 лет, даже не успев закончить четырехклассного городского училища (это было единственное его образование), Виктор отправился воевать, записавшись добровольцем во 2-ю Московскую бригаду ЧОН. ЧОН (части особого назначения) – это, как объясняет энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР», – «военно-партизанские отряды». Как раз в 1921 году, когда Абакумов стал чоновцем, они были включены в состав милиционных частей Красной армии. Войска это были серьезные: «В декабре 1921 года в ЧОН числилось кадрового состава 39 673 человека и переменного – 323 372 человек. В составе ЧОН были пехотные, кавалерийские, артиллерийские и бронечасти». О боевой биографии Абакумова известно, что он «выезжал на подавление волнений в Шиловском уезде Рязанской губернии» – однако не стоит думать, что он был «крутым спецназовцем», потому как в бригаде пребывал в качестве санитара, а в 15 лет вообще демобилизовался. Пришлось «вписываться» в мирную жизнь – без образования, без профессии. Отсутствие оных ему заменили энергия, трудолюбие, предприимчивость и, как кажется, недюжинная смекалка.

Работу Виктор выполнял самую низовую и тяжелую: упаковщик, грузчик – но выполнял ее добросовестно, требуя того же и с других. Он, как и многие, уверовал тогда в правильные лозунги новой власти и, в частности, объявил непримиримую войну «расхитителям социалистической собственности». Парень он был здоровый, задерживал и воришек, и ворюг,



Виктор Семенович Абакумов.

а потому за свои смелые и решительные действия был награжден ценным подарком. Вскоре ему вообще предложили работу «по профилю» – стрелком военно-промышленной охраны в ВСНХ[1] СССР. В 1927 году Виктор вступил в комсомол – по возрасту достаточно поздно, но уже через три года он стал членом ВКП(б). Явно, что вступал Абакумов в партию не из карьеристских побуждений – в то время он опять работал упаковщиком на складах Центросоюза – какие там могли быть служебные перспективы? Но тут, как говорится, подфартило. Советской власти требовались свои надежные кадры.

Возвратимся к знакомой нам автобиографии: «В этом же году, когда проходило выдвижение рабочих в советский аппарат, меня через профсоюзы выдвинули в систему Наркомторга РСФСР, где я работал зам. начальника административного отдела торгово-посыльной конторы и одновременно был секретарем комсомольской организации».

Как известно, в советские времена ВЛКСМ являлся серьезным «социальным лифтом». Абакумовская карьера по комсомольской линии развивалась стремительно: в сентябре 1930 года Виктор возглавил комсомольскую организацию штамповочного завода «Пресс», откуда вскоре перешел в Замоскворецкий райком ВЛКСМ, заведующим военным отделом. Честно говоря, это смущает: неужели после почти целого десятилетия войн не могли подобрать никого, опытнее чоновского санитара? Ну да ладно, тем более что отдел Виктор возглавлял недолго – в 1932 году был направлен на работу в органы НКВД. Кстати, следует отметить, что он неоднократно просил отправить его на учебу. Не направили – послали служить. Так тогда со многими поступали.

Сначала он был определен на должность штатного практиканта экономического отдела Полномочного представительства ОГПУ Московской области, затем, в 1933 году, стал уполномоченным 1-го отдела Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ.

...Несколько лет тому назад нам довелось не раз беседовать с ветераном ВЧК-ОГПУ Борисом Игнатьевичем Гудзем[2], который рассказывал, что именно ЭКУ явилось инициатором фабрикации сфальсифицированных – «липовых», как он их называл, – дел о «вредительстве» в различных областях жизни страны. Борис Игнатьевич говорил: «Дела по всем этим процессам вело Экономическое управление; даже по ложным обвинениям меньшевиков... дело вело это управление. Видимо, здесь аппарат и, соответственно, руководство оказались самыми неустойчивыми – вот и лепили дела, очень далекие от правдоподобия, добиваясь от обвиняемых показаний под диктовку»...

Молодому чекисту следовало вписаться в это, скажем так, совсем не простое подразделение. Не получилось. Вот что вспоминал бывший начальник отделения, в котором трудился Абакумов, Михаил Павлович Шрейдер[3]: «В течение первых двух месяцев Абакумов несколько раз докладывал мне о якобы развиваемой им огромной деятельности...

Через два месяца я решил проверить работу Абакумова.

В день, когда он должен был принимать своих агентов, я без предупреждения приехал на конспиративную квартиру, немало смутив Абакумова, поскольку застал его там с какой-то смазливой девицей. Предложил Абакумову посидеть в первой комнате, я, оставшись наедине с этой девицей, стал расспрашивать ее о том, откуда она знает, что такой-то инженер (фамилия которого фигурировала в подписанном ею рапорте) является вредителем. А также, что она понимает в технологии производства, являясь канцелярским работником? Она отвечала, что ничего не знает, а рапорт составлял Виктор Семенович и просил ее подписать. Далее мне без особого труда удалось установить, что у нее с Абакумовым сложились интимные отношения с самого начала “работы”.

При проверке двух других “завербованных” Абакумовым девиц картина оказалась такой же.

На следующий день я написал руководству ЭКУ рапорт о необходимости немедленного увольнения Виктора Абакумова как разложившегося и непригодного к оперативной работе, да и вообще в органах. По моему рапорту Абакумов был из ЭКУ уволен...»

Морализировать не будем: тут и серьезный должностной проступок – и все то же «липачество», то есть создание фальсифицированных дел. Хотя вполне возможно, что на «такого-то инженера-вредителя» ранее уже показали другие люди. Не нужно также забывать, что автор воспоминаний провел около четырех лет, с 1938-го по 1942-й, в тюрьмах и лагерях, вследствие чего явно не испытывал теплых чувств к бывшим своим коллегам.

Однако факт остается фактом: в результате произошедшего Абакумов оказался в ГУЛАГе – по счастью, в качестве оперативного уполномоченного 3-го отделения отдела охраны. Есть версия, ко-

[1] Высший совет народного хозяйства СССР.

[2] Гудзь Борис Игнатьевич (1902–2006) – полковник, резидент НКВД в Японии в 1933–1936 гг.

[3] Шрейдер Михаил Павлович (1902–1978) – сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД, заместитель наркома внутренних дел Казахстана по милиции, капитан милиции. Репрессирован в 1939 г., в 1942 г. освобожден, направлен на фронт, дослужился до старшины. Работал в народном хозяйстве, оставил воспоминания.

торую – к сожалению, ничем не подтверждая, – поддерживают некоторые авторы, что Виктора Семеновича связывали некие родственные отношения с Николаем Ильичом Подвойским[4], первым наркомом РСФСР по военным делам, руководителем Всевобуча[5] и ЧОН в 1919–1923 годах, членом ВЦИК и ЦКК[6] ВКП(б). Мол, он-то и пристроил родственника в ЧОН, затем содействовал его назначению в НКВД, вскоре переименованному в ОГПУ, а потом спас от неминуемого позорного изгнания «из рядов», если даже не большего наказания. Ведь произошедшее на конспиративной квартире можно представить и как «расшифровку объекта», а тогда вообще – пиши пропало, государственное преступление!

А так, можно считать, что Абакумов не только отделался «легким испугом», но и сумел пройти хорошую школу. «Та работа, которой занимался в ГУЛАГе Виктор Абакумов, не зря называлась оперативной. Секретно-оперативное отделение, а раньше третье информационно-следственное отделение обеспечивало руководство и проведение оперативно-чекистского обслуживания заключенных, спецконтингента и вольнонаемных работников исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД. <...>

Судя по тем задачам, которые пришлось решать В.С.Абакумову в ГУЛАГе будучи оперуполномоченным, и судя по его огромному влечению к оперативной работе, можно с уверенностью сказать, что те несколько лет, которые он провел там, не прошли даром. В любом случае он получил знания, умения и навыки в контрразведывательной практике по агентурной проработке заключенных с целью выявления не вскрытых в процессе следствия их прежней преступной деятельности и связей, а также по агентурной разработке лиц из вольнонаемного состава, подозрительных по шпионажу. Приходилось ему заниматься выявлением и предотвращением вредительства».

Все это уже было серьезно – не «липовые» дела в ЭКУ фальсифицировать!

В 1937 году Абакумов был переведен оперуполномоченным в 4-й (Секретно-политический) отдел ГУГБ[7], вскоре дорос до заместителя начальника отделения, а затем принял отделение во 2-м (Оперативном) отделе.

Об этом периоде своей жизни Виктор Семенович писал в автобиографии так: «Работая в органах НКВД... <далее следует перечисление известных нам должностей. – А.Б.> я все время был на низовой работе.

В 1939 году руководством НКВД СССР был выдвинут на руководящую чекистскую работу – нач. УНКВД Ростовской области».

Впрочем, он уже с 5 декабря 1938 года был исполняющим обязанности начальника Управления, а 27 апреля 1939-го занял эту должность официально. Почему произошло такое назначение, определенный ряд авторов не имеет ни малейших сомнений: «Надо полагать, что Абакумов, как и многие другие подлецы, взлетевшие в 1937–38 годы с головокружительной быстротой вверх по служебной лестнице, сделал свою карьеру с помощью здоровых кулаков и садистских наклонностей, которые по указанию Ежова[8], а затем Берии[9] с успехом применял против ни в чем не повинных людей...» – уверен Михаил Шрейдер.

«Особенно быстро пошел в гору Абакумов с 1938 года, когда во главе НКВД Сталин поставил Лаврентия Берию. Не ограничившись переводом в центральный аппарат наркомата ряда бывших своих сотрудников по преступлениям в Закавказье, Берия всюду выискивал подонков, готовых выполнить любое его распоряжение. Заметил он и прикомандированного к следственной части по особо важным делам Абакумова – как умелого фальсификатора грязных дел. Уже в 1939 году Берия назначает его на должность начальника Управления НКВД по Ростовской области», – утверждает некий публицист 1990-х годов.

Хлестко, жестко, но бездоказательно! Пишут: «надо полагать» – а может, совсем и не надо?

Биограф Абакумова рассказывает о том же периоде, ссылаясь на конкретного свидетеля: «По свидетельству чекиста А.Ведерникова, Абакумов даже пальцем подследственных не трогал: “Бывало, допрашиваешь какого-нибудь вредителя, а он врет, изворачивается, сочиняет всякие небылицы. Вот слушаешь, потом не вытерпишь и закатишь ему оплеуху, чтобы сказки не рассказывал. Бывало в моей практике и такое, чего греха таить. Молодой был, горячий. А вот Абакумов, тот нет, пальцем подследственного не трогал, даже голоса на допросах не повышал. Помню, один деятель из троцкистов так прямо измывался над ним. Развалится на стуле, как у тещи на блинах, и дерзит, угрожает даже. Мы говорим, что ты, Виктор Семенович, терпишь, дай разок этому хаму, чтобы гонор поубавил”. Он на нас глянул так, словно на врагов народа».

Кстати, этот же вопрос – участвовал ли Абакумов в пытках подозреваемых? – мы задали ветерану военной контрразведки генерал-майору Василию Афанасьевичу Кириллову[10]. Ответ был таков:

– Я ни от кого не слышал, чтобы он лично участвовал в избиениях. Наоборот, насколько я обратил внимание из его писем к Берии и Маленкову[11], он писал: «Да как же так, если мы знаем, что это враг, мы бы все равно доказали его ви-

---

[4] Подвойский Николай Ильич (1880–1948) – учился в духовной семинарии и Демидовском юридическом лицее, в 1901 г. вступил в РСДРП. В ноябре 1917 – марте 1918 г. – нарком по военным делам РСФСР, с сентября 1918 г. – член РВС Республики, наркомвоенмор Украины, октябрь 1919 – март 1920 гг. – член Реввоенсовета 7-й, затем 10-й армий; в 1924–1930 гг. – член Центральной контрольной комиссии РКП(б); с 1935 г. – на пенсии.

[5] Всеобщее военное обучение трудящихся.

[6] Центральная контрольная комиссия РКП(б).

[7] ГУГБ – Главное управление государственной безопасности НКВД СССР.

[8] Ежов Николай Иванович (1895–1940) – народный комиссар внутренних дел СССР (1936–1938).

[9] Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – народный комиссар внутренних дел (25 ноября 1938–30 декабря 1945 гг.).

[10] Кириллов Василий Афанасьевич (1929 г.р.) – генерал-майор, начальник Особого отдела КГБ СССР по Южной группе войск в 1983–1989 гг.

[11] Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988) – председатель Совета Министров СССР (1953–1955).

новность...» Это показывает, что подобные методы в то время применялись, но применял ли он сам – этого я, повторяю, ни от кого не слышал!

А ведь Василий Афанасьевич многие десятилетия работал бок о бок с ветеранами «Смерш», с сотрудниками, пришедшими в НКВД в 1930-е годы, так что является человеком очень информированным.

Серго Лаврентьевич Берия[12], сын Лаврентия Павловича, так объясняет причину симпатии своего отца к Абакумову: «Когда отца назначили наркомом внутренних дел СССР, Виктор Семенович работал в управлении НКВД по Ростовской области. В поле зрения отца он попал в период, когда началась массовая реабилитация людей, арестованных при Ягоде[13] и Ежове. Были созданы в краях и областях специальные группы по реабилитации, куда входили вместе с сотрудниками прокуратуры и работники НКВД. В одну из таких групп включили тогда и Абакумова. Именно там он и выдвинулся. При его непосредственном участии было освобождено до 60 процентов заключенных, арестованных в Ростовской области. Потом пошла гулять версия, что Абакумов "освобождал заключенных огульно", зарабатывая на этом авторитет.

Так это или нет, судить не могу, но доброе дело он сделал. Лучше уж карьеру делать на освобождении невинных людей, чем на арестах, как это делали до него его же коллеги...»

Очень здравая мысль! Вообще, если оценивать непредвзято, то Лаврентий Павлович умел подбирать кадры и не боялся назначать на высокие должности талантливых молодых сотрудников. Как мы знаем, Абакумов будет возглавлять военную контрразведку на протяжении практически всей Великой Отечественной войны, а другой ставленник Берии, Павел Михайлович Фитин[14], с 1939 по 1946 год возглавлял внешнюю разведку. Можно уточнить, что в военной разведке за тот же период времени сменилось пять руководителей!

Кстати, нижеприведенные слова в равной мере можно отнести и к Абакумову, и к Фитину: «Не думаю, что руководить управлением НКВД при Берии было легко. Только угождать и выполнять все указания из Москвы, было недостаточно. Ведь ветер мог подуть и в другую сторону и, наконец, с другой стороны. Время было такое, не совсем определенное».

У нас же, однако, как определили при приснопамятном Н.С.Хрущеве, что Берия – «нехороший человек», так до сих пор никто и не слушает никаких доводов в его пользу. К тому же, «тень» Лаврентия Павловича падает и на его окружение, без разбора очерняя всех, в том числе – и самых светлых людей...

Ладно, возвратимся к нашему герою, и уточним, что в марте 1939 года он был делегатом XVIII съезда ВКП(б): известно, что многие из присутствовавших на партийных съездах избирались туда в соответствии со своими должностями. В общем, Абакумову отныне светила успешная карьера – так оно и получалось.

25 февраля 1941 года Виктор Степанович был назначен заместителем наркома внутренних дел, то есть заместителем Берии. По своей должности «Абакумов курировал Главное управление милиции, Главное управление пожарной охраны и 3-й отдел НКВД – оперативное обеспечение пограничных и внутренних войск НКВД, пожарной охраны и милиции».

Про 3-й отдел следует сказать особо. 3 февраля 1941 года органы безопасности претерпели очередную реформу: из единого ведомства были выделены все разведывательные, контрразведывательные и оперативно-технические подразделения, ранее составлявшие ГУГБ, и из них был образован Наркомат государственной безопасности (НКГБ). При этом военная контрразведка – 4-й или Особый отдел ГУГБ – была вообще выведена из состава НКВД СССР и передана в различные ведомства. С 8 февраля были созданы 3 управления наркоматов Обороны и ВМФ, а также – 3-й отдел НКВД, курировавший, как мы уже сказали, войска НКВД. В общем, именно тогда Виктору Абакумову пришлось впервые соприкоснуться с военной контрразведкой, вскоре ставшей его судьбой.

На эту тему, однако, ничего конкретного мы сказать не можем, зато известно, что самым серьезным делом, которым занимался Абакумов в качестве заместителя наркома, были «мероприятия по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». Напомним, что прибалтийские республики добровольно вошли в состав СССР в 1940 году. Хотя за это проголосовала большая часть населения, но были и ярые противники вхождения, четко сориентированные на гитлеровскую Германию. Этих-то людей и было решено отправить «в глубь территории» нашей страны.

Сегодня подобные «мероприятия» НКВД нередко трактуются чуть ли не как геноцид, но это были вынужденные и тщательно продуманные меры по подготовке к грядущей войне. Нравится кому-то или нет, однако нельзя отрицать, что именно НКВД оказался самым подготовленным к войне ведомством.

На эту тему, кстати, мы разговаривали с Героем России Алексеем Николаевичем Ботяном[15], ветераном Второй мировой войны – речь шла о событиях, происходивших на территории Западной Белоруссии после ее возвращения в состав СССР: «Некоторые сейчас утверждают, что, мол, тогда повыселяли многих, в Сибирь отправили. Да, и это было, были та-

[12] Берия Серго Лаврентьевич (Сергей Алексеевич Гегечкори; 1924–2000) – советский ученый, инженер-конструктор в области радиолокации и ракетных систем, сын Лаврентия Берии.

[13] Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершенович Ягода; 1891–1938) – нарком внутренних дел СССР (1934–1936), первый в истории «генеральный комиссар государственной безопасности».

[14] Фитин Павел Михайлович (1907–1971) – генерал-лейтенант, руководитель внешней разведки в 1939–1946 гг.

[15] Ботян Алексей Николаевич (1917–2020) – полковник, Герой Российской Федерации. С первых дней Второй мировой войны – капрал зенитной артиллерии Польской армии; в годы Великой Отечественной войны – боец спецотряда НКВД «Олимп»; разведчик-нелегал.

кие случаи. Но не многих! Кстати, не тронули ни одного инженера, ни одного врача... Даже польских полицейских, которые у нас в районе были, и тех никого не арестовали. Зато забирали тех, которые были связаны с "двуйкой", то есть с контрразведкой польской; брали активных антисоветчиков, а также тех, кто воевал против Советской власти в 1920 году – тех людей действительно повывозили отсюда. Может, это и правильно было, потому что не знаю, как бы повели они себя в начале будущей войны... Но никаких репрессий, расстрелов, не было, абсолютно! Просто, сажали людей в вагоны, и отправляли. Куда именно, мне не известно. Я вам так скажу: поверьте, органы знали, кого забирать!»

«Кого забирать» было четко определено и в Белоруссии, и в Прибалтике.

Было решено «направить в лагеря на срок от 5 до 8 лет» с последующей ссылкой «в отдаленные местности Советского Союза» «следующие категории лиц»:

«а) активных членов контрреволюционных партий и участников антисоветских националистических и белогвардейских организаций;

б) бывших охранников, жандармов, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовых полицейских и тюремщиков, на которых имеются компрометирующие их материалы;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии;

г) бывших офицеров польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы;

д) уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью».

Заметьте – не всех «полицейских и тюремщиков», а тех, «на которых имеются компрометирующие их материалы»! Ну и так далее...

В Литву, Латвию и Эстонию были командированы нарком государственной безопасности СССР Меркулов[16], его заместитель Серов[17] и заместитель наркома внутренних дел Абакумов, успешно и в кратчайшие сроки выполнившие поставленную задачу. Если обратиться к нашему герою, то итоги его деятельности таковы: «В Эстонии (группа Абакумова) было арестовано 3178 человек, выселено 5978 человек – всего 9156 человек». Население республики составляло в ту пору порядка миллиона человек, так что было репрессировано (не казнено, об этом речи не шло!) порядка одного процента населения Эстонии.

Много это или мало? Не знаем. Но вот во Франции во времена Великой Французской революции[18] также было репрессировано порядка одного процента нации – только уже при помощи гильотины и иных «летальных» средств. Однако французы своей революцией гордятся, на день взятия Бастилии проводят грандиозный парад, а «Марсельеза» остается их гимном...

А дальше была война.

Уточним, что с августа 1940 года военной контрразведкой руководил Анатолий Николаевич Михеев[19], в недавнем прошлом – военный инженер, выпускник Академии им. В.И.Куйбышева. Сначала он был начальником 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, затем, с февраля 41-го – начальником 3-го Управления НКО СССР, а 17 июля, по личной своей просьбе, принял Особый отдел НКВД по Юго-Западному фронту. В тот же день, постановлением Государственного Комитета Обороны, органы 3-го Управления НКО были преобразованы в особые отделы НКВД СССР, и Виктор Семенович, оставаясь заместителем наркома, был назначен начальником Управления особых отделов. (Перед тем, 16 числа, он в качестве представителя НКВД был введен в состав Совета по эвакуации, который возглавлял Н.М.Шверник[20], а его заместителем был А.Н.Косыгин[21] – уровень высочайший!).

Вскоре, 20 июля, в лоно родного НКВД возвратился НКГБ – таким образом, вся безопасность страны и армии сосредоточилась в железных руках Л.П.Берии. Однако конкретно за важнейшее на тот период направление – обеспечение безопасности сражающейся армии – отвечал В.С.Абакумов.

«Перестройка работы с мирного на военный лад происходила в исключительно трудных условиях на фоне постоянного отступления советских войск, формирования новых частей и соединений и т.п. В некоторых органах военной контрразведки возникали проблемы выстраивания отношений с командованием. Неслучайно во второй половине 1941 г. представители руководства Управления особых отделов НКВД СССР неоднократно выезжали на места, где знакомились с организацией работы, давали указания по повышению ее качества и эффективности.

Так, к примеру, в начале октября 1941 г. начальник УОО НКВД СССР выезжал на Южный фронт, побывал в 9-й и 18-й армиях, в 150-й стрелковой дивизии. В ходе поездки В.С.Абакумов знакомился с оперативными материалами особых отделов, давал указания и проводил инструктажи с руководящим составом особых отделов по вопросам решитель-

---

[16] Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953) – народный комиссар госбезопасности в 1941, 1943–1946 гг., генерал армии; осужден и расстрелян по «делу Берии».

[17] Серов Иван Александрович (1905–1990) – с июля 1941 по февраль 1947 г. – зам народного комиссара (министра) внутренних дел СССР; первый председатель КГБ при Совете Министров СССР (1954–1958), начальник Главного разведывательного управления Генштаба (1958–1963); Герой Советского Союза (1945), генерал армии (1955). В 1963 г. понижен до генерал-майора и лишен звания Героя.

[18] Великая Французская революция – 1789–1794 гг.

[19] Михеев Анатолий Николаевич (1911–1941) – комиссар государственной безопасности 3-го ранга. С 23 августа 1940 г. – начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР; с 12 февраля 1941 г. – начальник 3-го Управления НКО СССР. С 17 июля 1941 г. – начальник Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта. Погиб в бою при выходе из окружения в ночь на 21 сентября 1941 г.

[20] Шверник Николай Михайлович (1888–1970) – член ВЦИК (1927–1938) и Президиума ЦИК СССР (1935–1938), депутат Верховного Совета СССР (1937–1966), член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1952- 1953 и 1957–1966 гг., Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1946–1953 гг. Герой Социалистического Труда (1958).

[21] Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) – председатель СНК РСФСР в 1943–1946 гг., председатель Совета Министров СССР в 1964–1980 гг.

ного пресечения дезертирства, шпионажа и “разболтанности на фронте”».

Вообще, жуткое было время! Казалось бы, что является главной задачей контрразведки в войну? Естественно, ловить вражеских шпионов, пытающихся проникнуть в боевые части! Но что стоит на первом месте в приведенной выше цитате? «Решительное пресечение дезертирства»! Кажется, что это самое дезертирство на тот период было страшнее любых агентов противника!

Вот справка, которую подготовил заместитель Абакумова комиссар госбезопасности 3 ранга Мильштейн[22]: «С началом войны по 10-е октября с.г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 846 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт».

По штату военного времени численность стрелковой дивизии составляла порядка 14 с половиной тысяч человек. Значит, получается, что за неполных четыре месяца было задержано более 40 дивизий дезертиров и беглецов! Но кто и когда видел полностью укомплектованную дивизию? Так что реально военные контрразведчики возвратили тогда на фронт не менее 60 соединений!

Но ведь были еще и почти 26 тысяч арестованных. Кто они? В том же документе указывается, что из этого числа оказались шпионами 1505 человек, диверсантами – 308, изменниками – 2621, «самострельщиками» – 1671, «распространителями провокационных слухов» – 3987. Ну и так далее. В итоге, «По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем – 3321 человек».

Можно ахнуть в изумлении – расстреляли целую дивизию! Но ведь за счет этого жесткого наведения порядка Действующая армия реально пополнилась 40–60 дивизиями. Да и под расстрел пошли не какие-то случайные жертвы (хотя, разумеется, и такие были – к сожалению, в любом деле всегда присутствует некая «погрешность»), но, в подавляющем своем большинстве, люди вполне этого заслуживающие. Абвер, военная разведка и контрразведка рейха, в ту пору массово «клепала» шпионов – наши контрразведчики называли это «мукой грубого помола». Тому в подтверждение – всего одна директива УОО НКВД СССР, датированная 28 июля 1941 года и подписанная Абакумовым: «Управление особых отделов НКВД СССР располагает данными, что германская разведка вербует в широком масштабе взятых в плен военнослужащих Красной Армии, затем перебрасывает их под видом побега из плена на нашу территорию. <...>

18 июля с.г. Особым отделом Юго-Западного фронта был задержан лейтенант Супрун, который на допросе показал, что он вместе с красноармейцами Овсянниковым и Ложкиным бежал из плена. Допросом Овсянникова и Ложкина было установлено, что немцы их завербовали и перебросили на нашу сторону для шпионской работы. Супрун также был завербован немцами.

25 июня попавший к немцам в плен и завербованный там для шпионско-диверсионной работы в Красной Армии красноармеец Данилов Ф.И. был переброшен на нашу территорию на германском самолете.

Задержанный мл. сержант Кашишян на допросе показал, что немцы освободили его из плена с заданием пропагандировать хорошую жизнь красноармейцев в германском плену и хорошее обращение там с ними. <...>».

И это – неизвестно сколь малая доля происходившего! В начале войны в германском плену оказались сотни тысяч наших военнослужащих – зачастую испуганных, дезорганизованных, морально сломленных. К тому же, не стоит считать всех советских граждан сознательными патриотами – немало было и сознательных врагов Советской власти, и обиженных на нее, и просто всякой уголовной сволочи, затесавшейся в ряды «несокрушимой и легендарной». Перед абверовскими вербовщиками открылось тогда широкое поле деятельности

«Наиболее характерным является упрощенный метод вербовки, – докладывал В.С.Абакумову 4 января 1942 года начальник Особого отдела НКВД Калининского фронта старший майор госбезопасности Н.Г.Ханников[23]. – После 2–3 допросов, обработки в направлении “неизбежного поражения Советского Союза”, обещания выдать хорошее вознаграждение вербуемый направляется для выполнения задания. В целом ряде случаев вербовка оформляется без подписки. У вербуемого предварительно отбираются все известные ему данные о частях Красной Армии. Имеются также факты, когда согласие на вербовку дается под угрозой расстрела».

Технология простейшая, и потому через линию фронта чуть ли не сплошным потоком шли воистину «одноразовые», неподготовленные агенты – мол, кто-то из них, да выполнит задание. Но ни его, ни, тем более, прочих – не жалко.

А ведь выполнение и одного лишь задания – типа подрыва склада боеприпасов или отравления колодца с питьевой водой – могло обернуться большой бедой. Вот и трудились военные контрразведчики, прекрасно сознавая, что если без разведки армия слепа, то без военной контрразведки она беззащитна.

Уточним, что «вновь образованное Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР представляло собой самостоятельную структуру

[22] Мильштейн Соломон Рафаилович (1899–1955) – генерал-лейтенант. В 1941–1942 гг. – первый заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР, затем – начальник 3-го Управления НКГБ СССР.

[23] Ханников Николай Григорьевич (1896–1948) – генерал-лейтенант. Начальник Особого отдела Калининского фронта, начальник УКР «Смерш» Калининского и 1-го Прибалтийского фронтов.

в составе Наркомата внутренних дел, которой подчинялись все особые отделы фронтов, округов (военных, пограничных, внутренних войск), армий, корпусов, дивизий, бригад и отдельных гарнизонов».

Комиссару госбезопасности 3 ранга Абакумову нужно было налаживать и курировать всю эту работу, руководить ею. Ясно, что эффективно делать это с Лубянки не представлялось возможным.

«На фронтах Виктор Семенович бывал часто, в кабинете засиживаться не любил и предпочитал лично знакомиться с работой своих подчиненных непосредственно в боевой обстановке. Такие поездки лишь добавляли ему авторитета, которого и без того хватало с лихвой. При этом Абакумов был сильным и смелым человеком, причем его смелость и, если хотите, даже храбрость не была показной...

В годы войны начальник контрразведки не однажды рисковал своей жизнью. Его машину атаковал "мессершмитт" в районе Великих Лук на Калининском фронте. И только чудо спасло Абакумова и его охрану от неминуемой гибели. Машина была в буквальном смысле изрешечена».

Впрочем, Великие Луки – это зима 1942/43 годов, а перед тем были не только победа под Москвой, когда пришедшая в себя Красная армия сумела отбросить на полторы сотни километров непобедимые, как казалось, гитлеровские полчища, но и Харьковская катастрофа, и прорыв немцев к Кавказу и Сталинграду. Именно тогда, 28 июля 1942 года, Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин подписал приказ № 227 «О принятии мер по укреплению порядка и повышению дисциплины в войсках», вошедший в историю как «Ни шагу назад!»

В этом документе, в частности, говорилось: «<...> Сформировать в пределах фронта от одного до трех (см. по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставить их на трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной. <...>

б. Сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отряда (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем самым помочь честным бойцам дивизии выполнить долг перед Родиной.

в. Сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной. <...>».

Обратим, во-первых, внимание на то, что в данном приказе не звучат ни аббревиатура НКВД, ни словосочетание «Особый отдел» – все это были чисто армейские дела, хотя и под соответствующим контролем; во-вторых, «штрафные батальоны», столь романтизированные поэтами-песенниками, таковыми, как видим, на самом деле не являлись. Теперь возвращаемся к нашей теме.

«На всех фронтах, за исключением Сталинградского, за формирование заградотрядов отвечали военные советы фронтов, которым они и были непосредственно подчинены. На Сталинградском фронте военные советы формировали заградотряды совместно с особыми отделами, поэтому последние имели двойное подчинение. Проблемой создания заградительных отрядов на Сталинградском фронте занимался лично руководитель Управления особых отделов НКВД СССР В.С.Абакумов. Он прибыл в Сталинград, ориентировочно, 3 августа 1942 г. с большой группой руководящих работников...»

Делаем паузу и уточняем, что в тот самый день, прорвав оборону 51-й армии, передовые части немецкой 4-й танковой армии вышли к реке Аксай, угрожая левому флангу и коммуникациям 64-й армии.

«После беседы с командующим фронтом и членом Военного совета В.С.Абакумов сформировал три оперативные группы, которые выехали в армии, чтобы выяснить обстановку на местах и проверить работу по созданию заградительных отрядов...

В период нахождения В.С.Абакумова в войсках противник 7 августа 1942 г. прорвал оборону и вышел на правый берег р. Дон в районе Калач – Камышин – Пятиизбянская. Ряд соединений 62-й армии оказался отрезан противником, который принимал меры к окружению всей армии и овладению переправами в районе Калача, подвергая боевые порядки наших войск непрерывной массированной бомбардировке с воздуха. <...>

О сложившейся обстановке, недостатках управления войсками, действиях органов военной контрразведки фронта В.С.Абакумов в течение 8–11 августа докладывал шифротелеграммами наркому внутренних дел СССР Л.П.Берии. Несмотря на трагичность сложившейся обстановки, превосходство противника в авиации и танках, части и соединения Красной армии, как следует из докладов, стремились до последнего удерживать свои позиции и не отступать без приказа... Перед возвращением в Москву В.С.Абакумов потребовал от подчиненных, чтобы информация о положении на Сталинградском фронте поступала в Управление особых отделов НКВД СССР ежедневно, при этом она должна была содержать исключительно правдивые и объективные сведения. Необходимо отметить, что руководство Управления выдвигало подобное требование и к руководству особых отделов других фронтов».

Сам Виктор Семенович в эти дни работал в войсках двух основных сталинградских армий – 62-й и 64-й.

Кстати, когда он находился в одном из корпусов, возник вопрос,

в чьих руках находится близлежащая станция: командир корпуса намеревался ее атаковать, но Абакумов видел, что над ней кружатся немецкие самолеты, а значит, наоборот, следовало ждать в том направлении атаки гитлеровцев. Комиссар госбезопасности решил самостоятельно прояснить обстановку – и отправился к станции на своей машине. При этом он сказал командиру корпуса, что если там находятся немцы, то он вступит с ними в бой, и в этом случае приказывает открыть по его машине артиллерийский огонь – попадать в плен ему было нельзя.

По счастью, станция была занята нашими войсками. Однако командир корпуса получил прекрасный урок того, как нужно организовывать разведку, и что следует знать абсолютно все, происходящее на вверенном ему участке.

Нет сомнения, что работа по контрразведывательному обеспечению войск была проведена очень серьезная и, что называется, с большим заделом: когда 19 ноября того же 1942 года началось контрнаступление советских войск под Сталинградом, для гитлеровского командования это оказалось совершенной неожиданностью. А ведь окажись один-единственный вражеский агент на должности какого-нибудь штабного писаря – и всё! Но таковых не было. Контрразведка надежно обеспечила безопасность сталинградских штабов.

Впрочем, «острые мероприятия» военным контрразведчикам приходилось проводить не только на фронте, но и в тылу – даже в Москве, и главный военный контрразведчик и тут не оставался в стороне. Анна Кузьминична Зиберова[24], сотрудница «Смерш», вспоминала, как в 1943 году, в центре Москвы, брали немецкого радиста: «Сделано все было молниеносно, так что прохожие не успели даже сообразить, что произошло. Абакумов и Збраилов[25] стояли на углу у Архитектурного института, Абакумов направился вслед за машиной – на Лубянку, а Збраилов подошел к нам, похвалил за четкую работу. Старший группы "наружки" поинтересовался у Збраилова, кто стоял с ним рядом. Когда услышал, что Абакумов, растерялся, что не узнал его, и сказал, что тот все время интересовался, как идут дела, а он послал его на три буквы. "Что теперь мне будет?" – загоревал он. Збраилов засмеялся и ответил, что ничего не будет, так как Абакумов и сам нервничал. Абакумов и Збраилов часто присутствовали при задержании особо опасных преступников».

Скажем честно: далеко не каждый начальник оставил бы без последствий подобное происшествие. Понять состояние сотрудника мог только настоящий профессионал и адекватный человек. Вообще, про положительные человеческие качества Виктора Семеновича вспоминали многие его подчиненные.

Старший лейтенант Зинаида Павловна Алексеева, бывшая во время войны секретарем Виктора Семеновича, говорила нам так:

– Он людей любил, о своих сотрудниках заботился, уважал их, какие бы должности они ни занимали. Он порядочный, человечный человек был!

Предельно просто и понятно.

И вот, кстати, информация, также характеризующая Абакумова – как, впрочем, и работу его ведомства: «Материалы военной цензуры часто служили основой для подготовки важных аналитических документов, характеризующих положение в тылу страны и на фронте. Органы безопасности неоднократно обращали внимание политического и военного руководства на неблагополучное положение в ряде районов страны, оказывавшее негативное влияние на боеспособность воинов Красной армии и флота. Так, в начале 1942 г. В.С.Абакумов в записке в ЦК ВКП(б) и НКО СССР на имя А.А.Андреева[26] и Л.З.Мехлиса[27] сообщал: "При проверке писем, идущих в Действующую армию, военной цензурой в конце декабря 1941 г. и начале января 1942 г. продолжают отмечать значительное количество жалоб семей военнослужащих на плохие материально-бытовые условия и отсутствие внимания к их нуждам со стороны местных гражданских и военных органов. Такие жалобы отмечаются по Ярославской, Московской, Ивановской, Калининской, Молотовской, Горьковской, Кировской, Свердловской, Омской, Челябинской и Чкаловской областям"».

К сожалению, подобные документы не вызывают интереса у тех, кто с пеной у рта «изобличает» сегодня «зверства» «Смерш» и всех вообще органов безопасности – а ведь чекисты немало сделали, чтобы помочь семьям воюющих командиров и красноармейцев, навести порядок в тылу.

Хотя, конечно, были и ретивые сотрудники – такие бывают во все времена, – спешившие обвинить в антисоветской агитации и авторов, и получателей писем, которые делились своим горем или сомнениями с товарищами. «Задокументировано» немало случаев отмены вышестоящими органами подобных необоснованных решений и даже привлечения к ответственности тех самых не в меру бдительных сотрудников...

Победа в Сталинградской битве положила начало коренному перелому в Великой Отечественной войне – война двинулась на запад. Между тем, советское руководство понимало, что перелом этот следует закрепить в сознании людей, четко отделить прошлое от настоящего и будущего. Именно по этой причине армия изменила свой внешний вид – были введены погоны, командиры переименованы в офицеров, осуществлен ряд оргштатных преобразований.

Еще более серьезные перемены произошли в органах безопасности. 14 апреля 1943 года НКВД СССР вновь был разделен на НКВД и НКГБ, а 19 числа того же месяца впервые прозвучало зловещее слово «Смерш». Именно – зловещее, так оно и было задумано.

Воистину хрестоматийным стал рассказ генерал-майора Сер-

---

[24] Зиберова (Овсянникова) Анна Кузьминична (1921–2013) – ветеран военной контрразведки, капитан в отставке.

[25] Збраилов Леонид Максимович (1912–1977) – полковник, начальник 10-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

[26] Андреев Андрей Андреевич (1895–1971) – член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б).

[27] Мехлис Лев Захарович (1889–1953) – начальник Главного политуправления Красной армии, заместитель народного комиссара обороны.

гея Захаровича Острякова[28] о том совещании у Верховного, где родилось это название.

«Предложения были разные. Большинство склонялось к тому, чтобы это наименование сделать максимально кратким и составить его из начальных букв широко известного тогда лозунга "Смерть немецким шпионам!" Получилось что-то вроде "Смернеш". В заключение Сталин отметил:

– А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах? Разве другие разведки не работают против нашей армии? Давайте назовем "Смерть шпионам", а сокращенно "Смерш"... »

Гораздо менее известно, что принятию решения о создании «Смерш» предшествовала серьезная подготовка, и что идея была не просто «спущена сверху», но изначально проработана на самых различных уровнях.

«За день до решения вопроса о создании НКГБ, т.е. 13 апреля 1943 г., кабинет председателя ГКО И.В. Сталина в одно и то же время посетили и провели там более двух часов члены ГКО В.М.Молотов[29], Г.М.Маленков[30], Л.П.Берия, заместитель наркома внутренних дел В.Н.Меркулов, заместитель наркома обороны и начальник ГлавПУ РККА А.С.Щербаков[31], только что назначенный заместителем наркома обороны по кадрам Ф.И.Голиков[32], а также семь руководителей особых отделов фронтов. Эту группу возглавлял замнаркома внутренних дел, начальник Управления особых отделов НКВД В.С.Абакумов. На заседании шла речь о выделении военной контрразведки из системы НКВД и придании ей определенного статуса в рамках военного ведомства».

К тому же, с начала апреля в Москве работала созданная по инициативе Абакумова комиссия УОО по решению вопросов по подготовке нормативных документов для реорганизации Особых отделов. В состав «группы разработчиков» вошло не только по одному представителю Особых отделов каждого фронта и военного округа, но и представители от каждой штатной должности – начиная от старшего оперуполномоченного до заместителя начальника Особого отдела фронта и округа, а также – представитель от Особых отделов Военно-морского флота.

«Комиссия работала десять дней. Заседания комиссии проходили ежедневно с 13.00 до 24 часов в кабинете И.Я.Бабича[33], иногда в этих заседаниях принимал участие и В.С.Абакумов. Обсуждения выносимых на заседания вопросов всегда проходили активно... Комиссия разработала все основные нормативные документы: Положения о военной контрразведке НКО "Смерш", необходимые приказы, наставления и инструкции, структуру органов военной контрразведки. Разработанная комиссией структура Главного управления контрразведки НКО "Смерш", фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных органов контрразведки и флотов была не громоздкой, эффективной, позволявшей обеспечивать четкую работу всех звеньев Военной контрразведки с верху до низу», – вспоминал полковник Иван Яковлевич Леонов, представлявший в той комиссии Карельский фронт.

«"Смерш" не появился из ниоткуда, он стоял в полном смысле слова на плечах своих предшественников, впитав в себя всё самое положительное из опыта российской и советской контрразведки, представляя собой сгусток концентрированной, направленной энергии мастерства, профессионализма, мужества, полной самоотдачи, отсутствия лишних бюрократических пут и ограничений, немыслимых для военного времени, где промедление – смерть не только одного оперативника, но тысяч солдат и офицеров, – считает доктор юридических наук А.Г.Шаваев. – До "Смерш" надо было дорасти не только военным контрразведчикам, а прежде всего военно-политическому руководству страны...»

Но что это такое – Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР?

Если в двух словах, то особая, совершенно автономная структура Наркомата обороны, обеспечивающая безопасность армии.

Если же официально, то в Постановлении ГКО было указано так:

«1. Главное управление контрразведки НКО ("Смерш" – Смерть шпионам), созданное на базе бывшего Управления особых отделов НКВД СССР, входит в состав Народного комиссариата обороны.

Начальник Главного управления контрразведки НКО ("Смерш") является заместителем народного комиссара обороны, подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения.

2. Органы "Смерш" являются централизованной организацией: на фронтах и в округах органы "Смерш" (управления "Смерш" НКО фронтов и отделы "Смерш" НКО армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов и других соединений и учреждений Красной Армии) подчиняются только своим вышестоящим органам. <...>».

Это очень важный момент: подчинение смершевцев только своему начальству. Ведь в первые два года войны, когда военная контрразведка входила в состав НКВД, в соответствующем постановлении ГКО было указано:

[28] Остряков Сергей Захарович (1905–1985) – генерал-майор, заместитель начальника 3-го Управления КГБ при СМ СССР в 1959–1968 гг.

[29] Молотов Вячеслав Михайлович (Скрябин; 1890–1986) – Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 гг., заместитель Председателя СНК с мая 1941 г., народный комиссар иностранных дел.

[30] Маленков Георгий Максимилианович (1901- 1988) – секретарь ЦК КПСС (1939–1946, 1948–1953), депутат Верховного Совета СССР (1938–1958). Курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности.

[31] Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) – первый секретарь Московского обкома ВКП(б) с 1938 г., с мая 1941 г. – секретарь ЦК ВКП(б). Начальник Совинформбюро с 24 июня 1941 года, в июле 1942 года также назначен начальником Главного политуправления Красной армии.

[32] Голиков Филипп Иванович (1900–1980) – Маршал Советского Союза (1961). С 26 июля 1940 г. – заместитель начальника Генерального штаба РККА – начальник Главного разведывательного управления РККА. Во время Великой Отечественной войны командовал рядом армий и фронтов. С апреля 1943 г. – заместитель Народного комиссара обороны СССР по кадрам.

[33] Бабич Исай Яковлевич (1902–1948) – генерал-лейтенант, заместитель начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР.

«Подчинить Управление особых отделов и особые отделы Народному комиссариату внутренних дел, а уполномоченного особотдела в полку и особотдела в дивизии одновременно подчинить соответственно комиссару полка и комиссару дивизии».

Вот и получалось, что если контрразведчики главной своей задачей считали противодействие спецслужбам противника, то политработников больше всего «интересовали спецсообщения о борьбе с дезертирством, членовредительством, иными преступлениями со стороны военнослужащих, об итогах расследований разного рода чрезвычайных происшествий, фактах морально-бытового разложения отдельных офицеров и генералов, недостатках в тыловом обеспечении войск и т.д.». Стоит ли объяснять, насколько осложняло работу такое двойное подчинение? Слава Богу, эти трудности остались позади!

Начальником ГУКР «Смерш» и, соответственно, заместителем наркома обороны был назначен комиссар государственной безопасности 2 ранга – это звание, соответствующее армейскому генерал-полковнику, было присвоено ему еще 4 февраля 1943 года – Виктор Семенович Абакумов.

«По рассказам секретаря-машинистки штабного отдела ГУКР “Смерш” Валентины Андреевны Воробьевой: “Многие сотрудники с неподдельной искренностью выражали чувство радости, что после расформирования Управления особых отделов НКВД начальником Главного управления контрразведки «Смерш» оставили Виктора Семеновича Абакумова, в которого была вера, как в строгого, требовательного, но заботливого «отца семейства».

Встречи с ним до сих пор стоят перед глазами, и в них он – высокий, стройный, подтянутый и яркий...”».

– В тот период отношение к нему было самое положительное, – вспоминает генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов[34]. – Все знали, что человек это очень решительный. Одна только ссылка на его фамилию – по любым документам – приводила к немедленному их исполнению не только нами, но и войсковым командованием. Сказано: «Указание Абакумова» – значит, делать надо. И никаких! Мы же знали, что он лично докладывает Сталину как его заместитель...

«Во многом секрет успехов “Смерш” таится в управленческих аспектах – быстродействующих формах и методах реагирования и воздействия на оперативную обстановку, неограниченные возможности концентрации и маневра силами и средствами контрразведки и армии, уход от формальной рутины и перебрасывающей ответственность переписки, исключение двойных стандартов мышления, искоренение оптимистической статистики, реальная, не приукрашиваемая оценка событий и фактов, нацеленность на результат и спрос за результат, нехарактерная для военного периода стабильность руководящих кадров». Эту работу наладил именно Абакумов, который не боялся «нестандартных методов», дерзко отходил от устоявшихся традиций.

К примеру, считается, что отношение к военнослужащим, побывавшим в немецком плену, было весьма негативным. Мол, во всех них лично товарищ Сталин видел предателей. Хотя факты свидетельствуют, что это не совсем так: даже ряд генералов, которые в 41-м не сумели пробиться со своими войсками из окружения и оказались в гитлеровских концлагерях, продолжали службу в послевоенное время. Разумеется, всех вышедших из окружения или освобожденных из плена тщательно проверяли, на что были вполне обоснованные причины. Немало говорится о людях, «сменивших гитлеровские лагеря на сталинские», но, обычно, без особых подробностей – между тем, думается, далеко не все они оказались на Колыме абсолютно безвинно... Так вот, «по инициативе В.С.Абакумова органы госбезопасности добились правовой возможности освобождать от ответственности за шпионаж тех агентов противника, кто добровольно явился с повинной, не желая выполнять задания германской и иных разведок». То есть, речь идет не просто о бывших военнопленных, но о людях, давших согласие работать на противника!

В результате, во-первых, была выиграна «война в четвертом измерении» – небывалое ранее противоборство в эфире, во-вторых, практически полностью была парализована деятельность гитлеровских разведывательных школ, выпускники которых, распропагандированные зафронтовыми агентами «Смерш», являлись в советскую контрразведку сразу по переброске через линию фронта.

«Всего со дня создания ГУКР Смерш НКО в апреле 1943 г. и до конца <этого же> года было проведено 30 радиоигр, о чем В.С.Абакумов доложил И.В.Сталину и В.М.Молотову запиской от 15 января 1944 г. В результате этих игр были арестованы 40 агентов противника, изъято более 500 килограммов взрывчатки, 13 ящиков винтовочных патронов и много других материальных средств для проведения шпионской и диверсионной работы в тылу Красной армии.

Свидетельством успешности действий военной контрразведки является тот факт, что участвовавших в радиоиграх агентов противника, перевербованных сотрудниками органов “Смерш”, немцы наградили орденами и медалями, а пятерых – даже дважды. Что касается ГУКР НКО “Смерш”, то около 10 секретных сотрудников из числа вышеуказанных агентов были удостоены советских наград».

«Всего за годы Великой Отечественной войны органами военной контрразведки было проведено свыше 180 радиоигр с противником, ставших, по сути единой “Большой игрой” в эфире. Во время радиоигр было выявлено и обезврежено свыше 400 агентов и официальных сотрудников немецкой разведки».

Не менее впечатляющие данные можно привести и в отноше-

---

[34] Устинов Иван Лаврентьевич (1920–2020) – генерал-лейтенант. Начальник 3-го Управления КГБ при СМ СССР в 1970–1973 гг.

нии зафронтовой работы:

«За первые десять месяцев существования ГУКР "Смерш" в германские разведывательные органы и школы было внедрено 75 агентов, из них 38 – то есть половина, возвратились, успешно выполнив свои задачи. Они представили сведения на 359 сотрудников германской военной разведки и на 978 шпионов и диверсантов, подготавливаемых для переброски в наш тыл. В итоге 176 разведчиков противника были арестованы, 85 явились с повинной, а пятеро завербованных сотрудников германской разведки оставались работать в своих подразделениях по заданию "Смерш". Под влиянием нашей агентуры ряды власовской "Русской освободительной армии" покинули 1202 человека».

«В период с 1 сентября 1943 по 1 октября 1944 г. фронтовыми управлениями "Смерш" было заброшено на вражескую территорию 10 групп, включающих в себя 78 человек (31 оперработник, 33 агента и 14 радистов). Им удалось привлечь к сотрудничеству 142 человека. Шестеро агентов внедрились в немецкие разведорганы. Было выявлено также 15 агентов противника».

Шестеро агентов, внедренных в разведорганы противника за год – это много или мало? Не вдаваясь в тонкости, уточним, что гитлеровцам не удалось внедрить в нашу разведку ни одного «своего человека» – в первую очередь, это, опять-таки заслуга сотрудников и руководства «Смерш».

Можно рассказать и о других направлениях работы контрразведки – «фильтрации» побывавших в плену военнослужащих, поиске вражеской агентуры в нашем тылу, но мы ограничимся такой весьма показательной информацией: «Количественные и качественные показатели работы "Смерш", даже после самой их тщательной партийно-прокурорской ревизии на предмет соответствия истине и закону, остались не превзойденными ни одной из спецслужб времен Второй мировой войны: 43 477 разоблаченных агентов противника, 183 радиоигры...»

Да, это, разумеется, успех всей службы, но это, в частности, и большая заслуга ее организатора и единственного руководителя – Виктора Семеновича Абакумова. Сталин не поскупился на награды для своего заместителя: три ордена Красного Знамени (впрочем, один – довоенный и один послевоенный), ордена Суворова 1-й и 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени и орден Красной Звезды. Хотя, высшую награду Страны Советов – орден Ленина – он не получил. А вот генерал-лейтенант Фитин, несмотря на очень серьезные успехи советской внешней разведки, к своему довоенному ордену Красного Знамени за все четыре года войны добавил лишь второй такой орден и орден Красной Звезды. И всё!

Что называется, «аппаратчиков», пребывавших в Центре, Верховный, награждал не слишком щедро – в отличие от тех сотрудников, которые находились в непосредственной близи от фронта. Хотя Абакумов, даже будучи заместителем самого Сталина (скажем так), на Лубянке не засиживался.

«В 1944 г. "Виллис" Виктора Семеновича обстреляли бандеровцы. Это произошло в тылу тринадцатой армии 1-го Украинского фронта. Но в этот раз ранили адъютанта начальника контрразведки. И снова Виктора Семеновича спасло чудо».

А может – возвращаемся к вопросу о наградах – это непосредственные начальники заботились о подчиненных? И тому вот пример: «В конце сентября 1944 г. начальник ГУКР Смерш НКО СССР В.С.Абакумов с личного согласия И.В.Сталина подготовил проект постановления Совнаркома СССР о присвоении воинского звания генерал-лейтенант (то есть на ступень выше, чем предусматривалось штатами по занимаемой должности) девяти руководителям военной контрразведки фронтов, а также УКР Смерш Московского военного округа. Еще три человека были представлены к званию генерал-майор. В.С.Абакумов указывал, что все перечисленные в документе сотрудники "за время Отечественной войны проявили себя как хорошие и опытные контрразведчики". Такая оценка базировалась на тех результатах, которые были достигнуты фронтовыми аппаратами "Смерш" в деле обеспечения стратегических наступательных операций советских войск...»

Далеко не каждый начальник рискнет обращаться «наверх» (тем более – к такому руководителю, как Иосиф Виссарионович) с предложением о «нестандартном» поощрении своих подчиненных. И вообще, многие начальники свято верят, что высшее счастье для подчиненных – служить под их руководством. Какие уж там награды при таком-то счастье?

Абакумов придерживался иной точки зрения.

Если же говорить непосредственно о его «функционале», то вот еще такой момент:

«Нельзя не сказать о том, что Виктор Семенович Абакумов показал себя талантливым организатором и руководителем военной контрразведки.

К числу его достижений следует в первую очередь отнести разработку в кратчайшие сроки ряда инструктивно-методических документов для действий оперативного состава подчиненных органов: Инструкции по организации ведения радиоигр с противником... и Инструкции по организации розыска агентуры разведки противника... Данные документы рационализировали работу военных контрразведчиков, способствовали повышению ее эффективности и результативности.

К числу важных информационно-аналитических документов, подготовленных в кратчайшие сроки ГУКР "Смерш" НКО, следует отнести и сборники справочных материалов "Органы германской разведки, действующие на советско-германском фронте" (август 1943 г.) и аналогичный справочник об органах финской разведки (март 1944 г.), которые также широко использовались в работе НКВД и НКГБ СССР».

«В первой половине 1944 г. под руководством начальника Главка В.С.Абакумова состоялось инструктивное совещание органи-

заторов работы в тылу врага во фронтовых и армейских аппаратах военной контрразведки. <...>

Указанное совещание можно считать этапным, поскольку обсуждались результаты работы за период от начала планирования зимне-весенней кампании и конкретных стратегических операций конца 1943 г. до первых месяцев 1944 г. и меры по повышению эффективности зафронтовой работы как составной части деятельности военной контрразведки по обеспечению безопасности войск Красной армии и прифронтового тыла. <...>

Одной из мер, выработанных на совещании и утвержденных В.С.Абакумовым, явилось расширение практики заброски в тыл врага оперативно-чекистских групп с включением в их состав опытных контрразведчиков, способных направлять и управлять работой конкретных агентов. Результаты, достигнутые на этом направлении 4-м управлением НКГБ СССР, подталкивали военных контрразведчиков к восприятию опыта коллег. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о достаточно активной реализации указанной выше меры».

Война, между тем, вносила в происходящее свои коррективы. После того как войска Красной армии пересекли государственную границу СССР возникла необходимость, как указывалось в документах, «обеспечить твердый порядок на освобожденных от фашистов территориях, нейтрализовать все попытки немецко-фашистских спецслужб активизировать разведывательно-подрывную работу в тылу Красной армии». Поэтому в начале января 1945 года было принято решение о создании на фронтах «института уполномоченных НКВД СССР». Таковыми были назначены высшие руководители НКВД и НКГБ. В частности, В.С.Абакумов был назначен уполномоченным на 3-й Белорусский фронт, а его заместители – генерал-лейтенанты П.Я.Мешик[35] и Н.Н.Селивановский[36] – на 1-й и 4-й Украинские фронты. Все это время, до начала марта, работой центрального аппарата «Смерш» руководил генерал-лейтенант И.Я.Бабич.

«Работа уполномоченных НКВД на фронтах велась примерно по одной схеме. Она просматривается на основе отчетных документов В.С.Абакумова, направленных в адрес наркома внутренних дел СССР Л.П.Берии. Так, согласно его докладу от 15 января 1945 г., в пределах 3-го Белорусского фронта было создано шесть оперативных групп для проведения чекистской работы на участке каждой армии фронта. Группы состояли из начальника, двух заместителей (один из них по войскам НКВД), 20 человек оперсостава и двух переводчиков. Каждой группе был придан полк НКВД. Кроме того, в распоряжении Абакумова находился резерв из оперсостава и войск НКВД для выполнения специальных заданий. Созданные оперативные группы приступили к выполнению приказа.

В органах военной контрразведки изменений не произошло...»

Ну а с 6 сентября 1945 года Виктор Семенович, уже переименованный из комиссаров госбезопасности в генерал-полковники, входил в состав Комиссии по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале по делу главных немецких военных преступников. Затем, после того как 25 февраля 1946 года ГУКР «Смерш» НКО СССР было переименовано в Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата Вооруженных Сил СССР, Абакумов был вновь утвержден его руководителем. Но ненадолго: 15 марта было образовано Министерство государственной безопасности СССР и 4 мая 1946 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР, генерал-полковник Абакумов был назначен министром госбезопасности. А «Смерш» выполнил свою задачу, и 5 мая 1946 года был включен в то самое МГБ СССР в качестве 3-го Главного управления.

«Принижать заслуги Абакумова в успешной работе ГУКР "Смерш" несерьезно, думаю, что этого не позволит себе ни один контрразведчик военного времени, – писал генерал армии Петр Иванович Ивашутин[37]. – Практические результаты деятельности "Смерш" оказались выше, чем у НКГБ, что и стало причиной выдвижения Абакумова».

Мог ли он, человек многоопытный, отказаться от «высочайшего доверия» – то есть от должности министра? Ведь знал, что в стране вновь начинают «закручивать гайки», весьма ослабшие в годы войны... А кому положено заниматься этим неблагодарным делом? Разумеется – спецслужбам, считавшимся «главным орудием советского народа в борьбе с иностранными разведками, с их агентами – шпионами, вредителями, диверсантами, террористами».

Вот только в послевоенное время этих «агентов» развилось на удивление много, причем, в самых неожиданных местах. Так что отказаться от того, чтобы выйти на передний край борьбы с ними – точнее, возглавить эту борьбу – Абакумов не мог. Мягко скажем, в Кремле не так бы поняли.

О том, что происходило далее, написано множество книг, хотя истина по большинству вопросов так до сих пор и не открыта. МГБ, как и положено «боевому отряду партии», выполняло приказы высшего политического руководства: «Дело врачей»... «Дело авиаторов»... «Ленинградское дело»... «Дело еврейского антифашистского комитета»... Наивно было думать, что чекисты вдруг самочинно начали «перетряхивать» верхушку стра-

[35] Мешик Павел Яковлевич (1910–1953) – генерал-лейтенант, заместитель начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО.

[36] Селивановский Николай Николаевич (1901–1997) – генерал-лейтенант, начальник Особых отделов ряда фронтов, заместитель начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО. В 1946–1947 гг. – начальник 3-го Главного управления МГБ СССР.

[37] Ивашутин Петр Иванович (1909–2002) – генерал армии (1971), Герой Советского Союза (1985). Начальник УКР «Смерш» Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов. Первый заместитель председателя КГБ СССР (1954–1963). Начальник Главного разведывательного управления – заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР (1963–1987).



Генерал-полковник В.С.Абакумов – руководитель ГУКР «Смерш» НКО СССР.

ны, людей, ближайших к самому Сталину.

«Отец считал, что Абакумов, да и, к сожалению, Меркулов позволили превратить себя в бездумных исполнителей, за что, в конечном счете, и поплатились. Партийная верхушка в очередной раз попыталась списать свои грехи на конкретных людей», – писал сын Берии.

Вскоре произошло нечто совершенно непонятное:

«2 июля 1951 года ЦК ВКП(б) получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина[38], в котором он сигнализирует о неблагополучном положении дел в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра Государственной безопасности Абакумова.

Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП(б) создал Комиссию Политбюро в составе тт. Маленкова, Берия, Шкирятова[39], Игнатьева[40] и поручил ей проверить факты, сообщенные т. Рюминым».

Кто бы знал, сколько подобных «сигналов» от подчиненных на начальников прямиком отправляется в мусорные корзины! Но в данном случае... «Если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно», – писал поэт. Вот и здесь – загорелось, да еще как! Была составлена комиссия из высокопоставленных функционеров и уже 11 июля 1951 года принято постановление ЦК ВКП(б) «О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР». Если сумели разобраться во всем за девять дней – значит все это, действительно, было кому-то очень и очень нужно.

(Уточним, что 19 октября того же года уже полковник Рюмин стал заместителем министра государственной безопасности, но расстреляли его раньше, чем Абакумова – 22 июля 1954 года. «Сам невероятно жестокий... он напоследок сознался, что всё в его доносе – неправда, он всё придумал от начала до конца». Что ж, «мавр сделал свое дело»...)

12 июля Абакумов, недавний фаворит Сталина, был арестован по обвинению в государственной измене и сионистском заговоре в МГБ.

– То, что глава военной контрразведки – а в то время уже руководитель Министерства государственной безопасности, всей контрразведки страны – был изменником Родине, это ни у кого в голове не укладывается! – рассуждает генерал Кириллов. – Поэтому у нас, ветеранов, разговоры идут о том, что это было сделано на потребу времени, кому-то нужно было найти крайнего. В том числе и самому Сталину, который ранее Виктору

[38] Рюмин Михаил Дмитриевич (1913–1954) – полковник, старший следователь Следственной части по особо важным делам МГБ СССР; заместитель министра государственной безопасности СССР (19 октября 1951 – 13 ноября 1952). Расстрелян.

[39] Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954) – член Президиума ЦК КПСС (1952–1953), председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1952–1954; с 1939 г. – заместитель председателя).

[40] Игнатьев Семен Денисович (1904–1983) – член ЦК КПСС (1952–1953, 1953–1961), член Президиума ЦК КПСС (1952–1953). Министр государственной безопасности СССР с 9.8.1951 по 15.3.1953 гг.

Семеновичу очень и очень доверял. Абакумов исполнял все его указания – за это он и пострадал...

А далее были три с половиной года Лефортовской тюрьмы – допросов, психологического воздействия, даже избиений. О его прежних заслугах, о званиях и государственных наградах никто не вспоминал. Одновременно с мужем была арестована и жена, тридцатилетняя Антонина Николаевна Смирнова, причем, самое страшное, что не одна, а с трехмесячным сыном Игорем, раннее детство которого – три года! – прошло в тюремной камере.

За эти три с лишним года многое изменилось в нашей стране. Умер Иосиф Виссарионович Сталин. Был расстрелян Лаврентий Павлович Берия. Первым секретарем ЦК КПСС стал Никита Сергеевич Хрущев, началась «оттепель». Это коснулось и Виктора Семеновича Абакумова – теперь его обвиняли в фабрикации «Ленинградского дела» и в принадлежности к «банде Берии».

Знал ли он, что других участников этой «банды» – его боевых соратников, недавних руководителей легендарного «Смерш» и органов государственной безопасности – уже покарала тяжелая рука новой власти? Были расстреляны генералы Всеволод Николаевич Меркулов, Павел Яковлевич Мешик, Сергей Арсеньевич Гоглидзе[41], скончался в тюрьме Лаврентий Фомич Цанава[42], лишены генеральских званий и боевых орденов Александр Анатольевич Вадис[43], Михаил Ильич Белкин[44], Николай Андрианович Королев[45], Николай Кузьмич Ковальчук[46] – много еще кого вспоминать можно...

В декабре 1954 года Абакумова привезли на суд в Ленинград.

«Виновным себя генерал-полковник Абакумов не признал и заявил в последнем слове, что он остается честным человеком, преданным Центральному Комитету. <...>

В 12 часов 15 минут 19 декабря 1954 года в Ленинграде сразу же после оглашения приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР бывший руководитель советских спецслужб был расстрелян. При исполнении приговора присутствовал Генеральный прокурор СССР Роман Руденко[47]. <...>

Абакумова я не оправдываю. Но расстреляли-то его за мифические преступления, а не за те, которые он по приказу ЦК и Сталина совершал. Он был обречен уже тогда, когда согласился возглавить органы государственной безопасности. Нисколько не сомневаюсь, что, убрав опасного свидетеля, партийная верхушка лишила историю очень многих признаний, которые мог бы сделать Абакумов. Думаю, о многом мы до сих пор не догадываемся...»

Его расстреляли по подлому – 19 декабря, в тот самый день, который считается днем образования военной контрразведки. В профессиональный праздник. Расстреляли и тайно похоронили в Левашовской пустоши, что под Ленинградом.

...Прошло более чем полвека – и 17 декабря 1997 года Президиум Верховного Суда Российской Федерации частично изменил давний приговор: так как несколько ранее уже была изменена статья обвинения, и «измена Родине», «террористический акт», «участие в контрреволюционной группе» и тому подобная ересь заменились «злоупотреблением властью при наличии особо отягчающих обстоятельств», то «смертную казнь» поменяли на «25 лет заключения в исправительно-трудовые лагеря». Честно говоря, подобная «замена» в голове не укладывается: какой смысл приговаривать к конкретному тюремному сроку уже расстрелянного человека? Не лучше ли было просто признать виновным – если так оно на самом деле – а далее по факту: «считать умершим». И всё, без приговора, который ни в коем случае нельзя назвать «неотвратимым» и... разумным.

...Место захоронения Виктора Абакумова затеряно на бывшем «расстрельном полигоне». Однако в 2014 году Межрегиональная общественная организация «Ветераны военной контрразведки» приняла решение о символическом перезахоронении праха, и это решение благословили представители Русской православной церкви. Капсула с землей, взятой на Левашовской пустоши, была привезена в Подмосковье, на кладбище Ракитки – туда, где в 1974 году была похоронена Антонина Николаевна, и где в 2004 году нашел свое упокоение их сын Игорь Викторович Смирнов[48]. Теперь на могиле стоят три памятника с портретами – словно бы, в конце концов, воссоединилась семья, более полувека тому назад разлученная по воле обстоятельств, чьему-то злому умыслу и другим многоразличным причинам...

[41] Гоглидзе Сергей (Серго) Арсеньевич (Арсентьевич) (1901–1953) – генерал-полковник, начальник 3-го Главного управления МГБ в 1952–1953 гг.

[42] Цанава (Джанджгава) Лаврентий Фомич (1900–1955) – в 1941–1942 гг. – начальник Особого отдела НКВД Западного фронта, руководитель оперативно-чекистской группы НКВД БССР, с июня 1942 г. – заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР, с марта 1943 г. – начальник Особого отдела НКВД Центрального фронта. С октября 1951 г. – заместитель министра госбезопасности СССР, одновременно с ноября 1951 г. – начальник 2-го Главного управления МГБ СССР.

[43] Вадис Александр Анатольевич (1906–1968) – генерал-лейтенант, начальник Особого отдела Брянского и Воронежского фронтов, начальник УКР «Смерш» Центрального – Белорусского – 1-го Белорусского фронта.

[44] Белкин Михаил Ильич (1901–1980) – генерал-лейтенант, начальник УКР «Смерш» Северо-Кавказского фронта, Отдельной Приморской армии, 3-го Прибалтийского фронта.

[45] Королев Николай Андрианович (1907–1986) – генерал-лейтенант, начальник Особого отдела Северо-Западного, Северо-Кавказского и Брянского фронта, начальник УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта; начальник 3-го Главного управления МГБ СССР (ноябрь 1947 г. – декабрь 1950 г.). Заместитель министра государственной безопасности СССР по милиции.

[46] Ковальчук Николай Кузьмич (1902–1972) – генерал-лейтенант, начальник УКР «Смерш» 4-го Украинского фронта; заместитель Министра государственной безопасности СССР, министр государственной безопасности Украинской ССР, министр государственной безопасности Латвийской ССР, министр внутренних дел Латвийской ССР – уволен в 1954 г.

[47] Руденко Роман Андреевич (1907–1981) – Действительный государственный советник юстиции (1953), Генеральный прокурор СССР (1953–1981), Герой Социалистического Труда.

[48] Смирнов Игорь Викторович (1951–2004) – российский ученый, доктор медицинских наук, занимавшийся разработкой технологий компьютерной психодиагностики и психокоррекции поведения человека. При рождении имел фамилию отца – Абакумов. В трехмесячном возрасте вместе с матерью был арестован и освобожден в 1954 г. с документами с фамилией Смирнов.

ТАЙНА ГЕНЕРАЛА КРАВЧЕНКО
(НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КРАВЧЕНКО)

Интригу заголовка продолжим цитатой из воспоминаний очень уважаемого в военной контрразведке генерал-лейтенанта Юрия Алексеевича Николаева: «Незаурядной личностью был заместитель начальника управления <Управления контрразведки МГБ СССР по ГСВГ> генерал-майор Н.Г.Кравченко. Его воинская судьба связана, с одной стороны, с неординарно быстрым продвижением вверх, с другой – завершилась незаслуженно жестким увольнением из рядов Вооруженных Сил».

Теперь – обо всем по порядку.

Разумеется, что изначально биография у него была самая обыкновенная. Родился Николай Кравченко 12 декабря 1912 года в селе Котовка Екатеринославской губернии в семье крестьянина-бедняка, окончил школу-семилетку и два курса Днепропетровского землеустроительного техникума, после чего работал практикантом окружного земельного отделения. В 1931 году он несколько месяцев, до октября, трудился грузчиком на заводе в Днепропетровске, пока его ни призвали в РККА. Срочную службу Николай проходил в 1-м кавалерийском полку 1-й кавалерийской дивизии Червонного казачества, в Киевском военном округе. Место службы было завидным: благодатная Центральная Украина, прославленная со времен Гражданской войны часть...

Кстати, официально его соединение называлось «1-я Запорожская им. Французской компартии Червонного казачества кавалерийская дивизия», но что именно связывало запорожцев с французскими «левыми», сказать сложно. Впрочем, в 1814 году наши казачки оставили о себе в Париже добрую память...

Служба не прошла для красноармейца Кравченко бесследно – на дисциплинированного, расторопного, исполнительного бойца обратили внимание товарищи из ГПУ Украины, так что вместо «дембеля» и возвращения к работе грузчиком на заводе в Днепропетровске, Николай отправился в город Харьков.

«После краткосрочных курсов был принят помощником оперуполномоченного спецотдела – секретно-политического отдела (СПО) Краснокутского райотдела ОГПУ Харьковской области. Здесь же обрел и первую самостоятельную должность – оперуполномоченного все того же отдела, но теперь уже НКВД».

А далее – служба рядового сотрудника, постепенный служебный рост... В мае 1938 года он окончил спецкурсы НКВД УССР в Харькове и вскоре, в июне, был переведен в Особый отдел Харьковского военного округа. Толковый сотрудник и здесь пришелся ко двору. В течение года он «прошагал» должности оперуполномоченного, помощника начальника отделения, начальника отделения, а в июле 1939-го стал начальником Особого отдела НКВД Одесского гарнизона. Работа ответственная – большой гарнизон, приморский город, да еще и весьма своеобразный. Но Кравченко справлялся вполне успешно, и потому в ноябре того же года он не только стал начальником отделения в Особом отделе НКВД по Одесскому военному округу, но и был избран секретарем партийного бюро. Партийный секретарь являлся очень уважаемым человеком и даже руководство не могло с ним не считаться. Хотя, звание у него было невысокое – в мае 39-го он стал младшим лейтенантом госбезопасности (равно старшему лейтенанту РККА).

Потом была война.

Вскоре (и тут, как часто бывает, видна некоторая путаница: вроде бы, 2 ноября, но есть версия, что уже в июле) Кравченко получает назначение на должность заместителя начальника Особого отдела НКВД по 34-й общевойсковой армии. Точнее, на должность начальника следственной части – заместителя начальника Особого отдела, но эту тонкость биографы Николая Григорьевича почему-то упускают. Между тем, «чистым», как говорится, заместителем был более опытный сотрудник – старший лейтенант госбезопасности Соколов[1].

Начальником же Особого отдела 34-й армии был такой ас, как капитан госбезопасности Михаил Ильич Белкин[2]. В мае 42-го он станет заместителем начальника Особого отдела по Крымскому фронту, будет возглавлять Управления «Смерш» ряда фронтов, закончит войну в звании генерал-лейтенанта и до августа 1951 года будет занимать высокие посты в системе МГБ, а затем его уволят, заключат в тюрьму, но освободят в 53-м, и с 1955 года, более двадцати лет, он станет трудиться на Московском автозаводе «ЗиЛ» – простым рабочим. Интересно, сохранились ли у этого «работяги» его награды – два ордена Ленина, шесть орденов Красного Знамени, ордена Богдана Хмельницкого II степени и Отечественной войны

---

[1] Соколов Андрей Иванович (1898 – ?) – подполковник, заместитель начальника Особого отдела 34-й армии.

[2] Белкин Михаил Ильич (1901–1980) – генерал-лейтенант, начальник УКР «Смерш» Северо-Кавказского фронта, Отдельной Приморской армии, 3-го Прибалтийского фронта.

I степени? Могли ведь и отобрать «по дискредитации», вместе с генеральскими погонами...

Вроде бы, такое «отступление» в нашем рассказе может показаться излишним, но как знать, как знать...

Изначально 34-я армия входила в состав войск Можайской линии обороны, затем, в начале августа, была передана в состав Северо-Западного фронта и получила задачу сосредотачиваться на реке Ловать, чтобы затем наступать в направлении городов Старой Руссы и Дно.

Но именно в это время, 8 августа, гитлеровцы нанесли по Ленинграду мощный удар с юга и юго-запада – были заняты Новгород, Чудово, перерезаны шоссейная и железная дороги, связывающие две советские столицы.

«В этой трудной обстановке главное командование Северо-Западного направления силами 34-й и 11-й армий осуществило контрудар под Старой Руссой. Сначала наступление имело успех. За 12–14 августа 34-я армия продвинулась на 60 км и совместно с 11-й армией стала угрожать тылу всей новгородской группировки противника. Немецко-фашистское командование было вынуждено перебросить сюда с новгородского направления и из-под Луги две моторизованные дивизии и сосредоточить здесь усилия 8-го авиационного корпуса. Одновременно оно спешно перебросило со смоленского направления на старорусское 39-й моторизованный корпус (танковую и две моторизованные дивизии) из состава 3-й танковой группы. Не выдержав ударов свежих сил врага, войска 34-й и 11-й армий Северо-Западного фронта к 25 августа отошли за реку Ловать. Противник получил возможность направить моторизованный корпус и бóльшую часть авиации в район Чудово для наступления на Ленинград».

После провала этого наступления, стараниями зловещего Мехлиса, командующий 34-й армией генерал-майор Качанов[3] был отозван, арестован, осужден и расстрелян (в 1958 году его реабилитировали). Армию принял генерал-майор Алферьев[4], которого в декабре сменит генерал-майор Берзарин...

Обстановка изначально была тяжелейшая – и очень долго такой оставалась. Впрочем, о событиях на Северо-западном направлении, «Демянском котле», «рамушевском коридоре» и боях за Старую Руссу мы уже рассказывали ранее, повторяться не будем, хотя все эти события очень интересны и недостаточно известны для широкого круга читателей.

Применительно к нынешнему нашему повествованию можно, не вдаваясь в излишние подробности, добавить, что 22 февраля 1942 года лейтенант госбезопасности Кравченко был награжден орденом Красной Звезды, а ровно через год, в феврале 1943-го, он стал капитаном государственной безопасности. Проходит три месяца – и Николай убывает к новому месту службы...

Закрывая тему, напомним, что город Старая Русса был освобожден от гитлеровских захватчиков только 18 февраля 1944 года. Месяц спустя, 24 февраля, гитлеровцы были выбиты из города Дно.

А вот как складывалась дальнейшая судьба Николая Кравченко – сказать непросто... Вроде бы, он был назначен помощником начальника Управления контрразведки «Смерш» Брянского фронта – в это время управлением руководил генерал-майор Железников, но есть вариант, что он был помощником начальника ГУКР «Смерш» НКО (в 1944-м он точно был таковым, подтверждено документами), а потому обратимся к совершенно иным событиям и для начала даже несколько повернем время вспять и переместимся на Ближний Восток – в Иран.

«Чем ближе была Вторая мировая война, тем сильней Реза-шах Пехлеви, диктатор Ирана, тяготел



Генерал-майор Н.Г.Кравченко.

к Берлину, к сближению с Германией во всех областях, в особенности в военной. Лишь за апрель-июнь 1940 года из Германии в Иран было поставлено свыше 3000 пулеметов и артиллерийских орудий. Поставки вооружения и боеприпасов продолжались и в 1941 году. На военных предприятиях страны тогда было занято 56 германских специалистов, в иранской армии, жандармерии и полиции работали десятки немецких советников и инструкторов. Накануне Второй мировой войны в Иран въехало более 6500 немецких граждан. <...>

25 июня 1941 года Берлин нотой потребовал от иранского правительства вступления в войну на стороне Германии. Реза-шах колебался, но созванный им высший военный совет отверг это требование – 24 голоса "против" и 16 "за". 17 августа посол фон Эттель предложил Реза-шаху военную помощь, но гитлеровцы одновременно развернули подготовку заговора с целью свержения иранского диктатора, не решившегося вступить в войну. Для подготовки переворота в Тегеран в начале августа 1941 года тайно приезжал шеф военной разведки (абвер) адмирал Канарис. Операция намечалась на 22 августа, а затем была перенесена на 28 августа...»

Но эти амбициозные планы не сбылись – советская разведка работала лучше. 26 августа, в пол-

[3] Качанов Кузьма Максимович (1901–25 сентября 1941) – генерал-майор, командующий 34-й армией.

[4] Алферьев Петр Федорович (1893 – июнь 1942) – генерал-майор. С сентября 1941 г. – командующий 34-й армией; с середины декабря 1941 г. – командующий оперативной группой войск 59-й армии Волховского фронта; с марта 1942 г. – заместитель командующего 2-й Ударной армией. Погиб при выходе из окружения.

ном соответствии с положениями советско-иранского договора 1921 года, на территорию Ирана были введены с северного направления советские войска. Одновременно, с южного направления, входили английские соединения. Союзники встретились в Тегеране в начале сентября.

«29 января 1942 г. в Тегеране был подписан договор между СССР, Великобританией и Ираном, устанавливавший союз между тремя странами. Договор гарантировал территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана...

Ввод советских и английских войск в Иран и англо-советско-иранский договор о союзе привели к ликвидации гитлеровской агентуры в Иране, к срыву планов Германии по вовлечению Ирана в фашистский блок и созданию нового театра войны на Среднем и Ближнем Востоке, к укреплению связей между Ираном и участниками Антигитлеровской коалиции...»

Все это так – да не совсем так... Виталий Чернявский[5], писатель и разведчик, гораздо более осторожен в оценках: «Ввод на территорию нашего южного соседа советских и английских войск в августе 1941 года привел к существенному ослаблению немецкой агентуры. Часть шпионов бежала из страны, некоторых союзники интернировали, но немало их осталось. Они сменили паспорта и прикрытия, перешли на нелегальное положение...»

И далее – о происходившем в Иране после ввода туда союзных войск: «В Тегеране и других городах Ирана вскоре возникли и начали быстро набирать силу и влияние прогерманские националистические партии и группы, через некоторое время число их достигло 20. Главными среди них стали "Голубая партия" и "Иранские националисты" ("Хезб-е-Кабут" и "Меллиюн-е-Иран"). Первую возглавил депутат меджлиса Ноубахт... Ему довольно скоро удалось собрать под свои знамена до трех тысяч сторонников и сколотить законспирированную, строго централизованную партию. Организационно она состояла из "пятерок", высшим руководящим органом была Центральная секция (ЦС), с которой были связаны только старшие "пятерок". Каждый член ЦС руководил деятельностью 50 "пятерок", т.е. 250 членов партии. Помимо ЦС, были еще секции военная, гражданская и по делам племен... Ноубахт так определил цели партии: "Захватить власть в свои руки у правительства, которое бессильно противостоять домогательствам союзников и делается игрушкой в их руках"».

Кадровые германские разведчики считались в Иране весьма авторитетными людьми. Мы может назвать Франца Майера (настоящее имя Рихард Август) – главного представителя VI управления Главного управления имперской безопасности (РСХА), политической разведки СД, штурмбанфюрера СС. После прихода в Тегеран союзных войск он, на время связь потеряв с Берлином, три месяца скрывался на армянском кладбище, работая могильщиком. Абвер представлял майор Бертольд Шульце-Хольтус, специалист по СССР. Когда из Тегерана был выслан трудившийся под «крышей» коммерческого атташе посольства Германии резидент Абвера Шпект, Шульце-Хольтус его заменил. Находясь на нелегальном положении, он проживал в районе города Исфаган, скрываясь под видом муллы...

Список резидентов и «авторитетов» можно продолжить, но это не имеет смысла. Понятно, что оперативная обстановка в Иране даже после ввода союзных войск и «смещения» шаха оставалась весьма напряженной. И все-таки, именно Тегеран был избран осенью 1943 года для давно назревшей встречи руководителей трех держав Антигитлеровской коалиции.

В некоторых трудах приходится видеть смелое утверждение, что подготовка к конференции была начата еще в 1941 году, с момента ввода на территорию Ирана наших войск: мол, уже тогда дивизионный комиссар Железников, начальник Особого отдела Среднеазиатского военного округа, ездил в Тегеран для, так сказать, «рекогносцировки на местности».

Но это – досужие домыслы, продиктованные элементарным совпадением.

Ну, кто тогда, осенью 41-го, думал о возможности и необходимости подобной встречи?! Потом, когда подобное общение стало реальностью, можно было сделать все и несколько проще. Премьер-министр Черчилль прилетал в Москву еще в августе 1942 года, затем был в октябре 1944-го – мог бы и президент Рузвельт прилететь, но мешало состояние здоровья. Вот почему и нужно было место, до которого ближе было лететь обходными путями – чтобы не встречаться с «асами люфтваффе». В перспективе договорившись о встрече, «Большая тройка» еще долго решала вопрос места ее проведения – чтобы и удобнее всем, и безопаснее. К тому же, Сталин реально был Верховным Главнокомандующим...

Сопредельный для Советского Союза Иран, на территории которого находились союзные войска, где были проложены разного рода коммуникации, представлялся наиболее удобным и оптимальным местом.

Встретиться в Тегеране Иосиф Виссарионович предложил союзникам 15 сентября, но вопрос обсуждался еще довольно долго – Черчилль и Рузвельт имели свои предложения. Так что и два месяца спустя, за месяц до конференции, 19 октября, Сталин писал американскому президенту: «К сожалению, я не могу принять в качестве подходящего какое-либо из предлагаемых Вами взамен Тегерана мест для встречи. Дело здесь не в охране, которая меня не беспокоит.

В ходе операций советских войск летом и осенью этого года выяснилось, что наши войска могут

[5] Чернявский Виталий Геннадьевич (1920–2005) – разведчик, журналист и писатель. С 1941 г. до начала 1944 г. – оперативный сотрудник Особых отделов НКВД; затем – во внешней разведке, работал в Румынии и Западной Германии. 1965–1968 гг. – председатель Иностранной комиссии Союза писателей СССР; до 1990 г. работал в редакции еженедельника «Новое время» – ответственный секретарь, заместитель и первый заместитель ответственного редактора.

впредь продолжать наступательные операции против германской армии, причем летняя кампания может перерасти в зимнюю. Все мои коллеги считают, что эти операции требуют повседневного руководства Главной Ставки и моей личной связи с командованием. В Тегеране эти условия могут быть обеспечены наличием проволочной телеграфной и телефонной связи с Москвой, чего нельзя сказать о других местах. Именно поэтому мои коллеги настаивают на Тегеране как на месте встречи».

Окончательное решение о месте проведения операции было принято 8 ноября 1943 года. Хотя конкретная работа по организации охраны «Большой тройки» началась ранее – нельзя же было откладывать ее на последний момент, да и товарищ Сталин верил в свои силы как политика...

«7 октября 1943 года со станции Мытищи Московской области отправился на юг секретный эшелон. Рядовой состав был в неведении, куда его везут. 12 октября 1943 года эшелон прибыл в Баку. А оттуда на автомашинах личный состав был доставлен в советский приграничный город Астара на азербайджано-иранской границе.

<Это был> личный состав 131-го мотострелкового полка пограничных войск НКВД СССР. Командовал полком Герой Советского Союза подполковник Никита Фадеевич Кайманов[6].

Эта воинская часть формировалась под личным контролем Лаврентия Берии, так как предназначалась для обеспечения безопасности Тегеранской конференции.

Через три дня полк погрузился в машины с гражданскими номерами, пересек государственную границу и направился вдоль Каспийского моря на юг.

В Тегеране полк разместился в военном городке 182-го горнострелкового полка. Именно здесь командир полка Н.Ф.Кайманов получает звание полковника и подписывает необходимые документы как “Командир гарнизона Советских войск в Тегеране”.

Командование полка первым делом провело рекогносцировку города для определения объектов охраны. Под охрану были поставлены, например, такие советские и иранские объекты, как: посольство, консульство, торгпредство, комендатура. Взяты были под охрану дворец шаха, почта, телеграф, военные склады, аэродром и прочее.

Оперативно обслуживать полк со всеми его подразделениями, несущими охрану вышеперечисленных объектов, было поручено сотрудникам ГУКР “Смерш” НКО СССР во главе с подполковником Николаем Григорьевичем Кравченко».

Что интересно, как раз в то самое время, 28 октября, Кравченко был награжден орденом Красного Знамени.

Однако возвращаемся к полку. Командир его был человеком героическим. Службу в погранвойсках Кайманов начал в 1929 году, на Кавказе, и в 1931 году был награжден орденом Красной Звезды за задержание опасного бандита. В 1939 году был переведен во вновь образованный Карельский пограничный округ, участвовал в войне с Финляндией. В конце июня 1941-го старший лейтенант Кайманов, будучи начальником отделения боевой подготовки погранотряда, во главе группы пограничников девятнадцать дней отражал на границе атаки двух батальонов финских егерей. Наши бойцы дрались в окружении, потеряв связь с командованием, но смогли прорвать кольцо и, пройдя более полутора сот километров по лесам и болотам, вышли к своим... За этот подвиг Никита Кайманов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Конечно, охрана Тегерана – в общем, и участников конференции – особенно, осуществлялась далеко не только одними пограничниками.

Рассекречен отчет Шестого управления НКГБ – охрана правительства – о мероприятиях по организации и обеспечению охраны Тегеранской конференции:

«По распоряжению народного комиссара внутренних дел СССР и народного комиссара государственной безопасности СССР в Тегеран была послана группа руководящих работников: заместитель народного комиссара внутренних дел СССР, начальник Второго управления НКГБ СССР и заместитель начальника Шестого управления НКГБ СССР.

Группа имела задачу – тщательно изучить обстановку на месте и в соответствии с этим организовать охрану.

Товарищи прибыли в Тегеран задолго до приезда туда охраняемых и, ознакомившись с городом, аэродромом, вокзалом, с порядком уличного движения и его регулированием, с общественным порядком в городе, расположением правительственных зданий, дворца шаха, зданий советского, английского и американского посольств, а также с территорией, занимаемой посольством СССР, разработали систему охраны...

В соответствии с местными условиями здание советского посольства было избрано постоянной резиденцией охраняемых, где они находились все время своего пребывания в Тегеране.

В этом же здании происходили совещания охраняемых с представителями американского и английского правительств».

С посольствами, как известно, не все было просто. Если Советское и Британское представительства располагались в центре Тегерана, напротив друг друга, то американское было на окраине города, поездки Рузвельта туда-обратно многократно повышали возможность покушения. Следуя элементарной логике, американского президента должны были разместить в одном из союзных посольств, а в каком именно – это, кажется, даже не вызывало вопросов.

23 ноября, менее чем за неделю до открытия конференции, Черчилль писал Сталину – лично и строго секретно: «Президент показал мне свою телеграмму на Ваше имя относительно нашей встречи. Мне известно, что Вы хотите разместить свою делегацию в Советском Посольстве. Для Президента поэтому кажется лучшим остановиться в Британской Миссии, которая находится поблизости. Обе Миссии затем были бы окружены

---

[6] Кайманов Никита Фадеевич (1907–1972) – полковник, Герой Советского Союза. Ноябрь 1942 – сентябрь 1945 гг. – командир 131-го отдельного мотострелкового пограничного полка НКВД.

охраной. Наиболее нежелательным для глав являются поездки по улицам Тегерана. Лучше установить подходящее место и не выходить за его пределы».

Но... Франклин Делано Рузвельт останавливается не в британском, а в советском посольстве! «Американская карта» была разыграна мастерски.

«Что же произошло? Перед прибытием Рузвельта в Тегеран Сталин через своего министра иностранных дел Вячеслава Молотова передал хозяину Белого дома приглашение остановиться в советском посольстве, где можно было бы проводить пленарные заседания и встречи лидеров между собой, а также организовать работу секретариата. Предложение мотивировалось не только соображением, что советское представительство располагает бо́льшим помещением, чем английское или американское. Самое важное состояло в том, что в союзнических кругах усиленно муссировалось сообщение советской секретной службы: немцы, мол, готовят покушение на лидеров союзных держав. Совпосольство же несравненно лучше отвечало требованиям безопасности, чем английское и американское. Его здания были обнесены высокой каменной стеной и усиленно охранялись».

Общеизвестно, что первые сведения о готовящейся гитлеровцами операции «Длинный прыжок» пришли в НКВД из «лесов под Ровно», где базировался спецотряд «Победители», которым руководил Дмитрий Медведев[7]. Генерал Судоплатов[8] так писал об этом в своей книге «Разведка и Кремль»: «Медведев и Кузнецов[9] установили, что Скорцени[10] готовит группы нападения на американское и советское посольства в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция "Большой тройки". Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева... Наш молодой сотрудник Николай Кузнецов под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт для борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против "Большой тройки"».

Подобный рассказ в различных вариациях можно найти и у ряда других авторов, но вот что смущает: тренировки перед поездкой в Тегеран лучше было бы проводить не в Виннице, а где-нибудь на территории Турции, союзной Германии – условия и обстановка гораздо более соответствуют «оригиналу»; за персидскими коврами совсем не обязательно ехать в Иран – их можно найти у состоятельных людей, проживающих гораздо ближе... Ладно, не будем вдаваться в подробности, об этом и без нас много написано, но все же «Длинный прыжок» напоминает большую «страшилку», в которую в качестве главного «пугала» приплели «Человека со шрамами», только что сумевшего похитить из рук восставших итальянцев их неудачливого «дуче» – Бенито Муссолини[11]. Можно полагать, что «страшилка» подействовала...

Вот только не нужно считать, что на иранской территории в то время царили «тишь, да гладь, да Божья благодать». Там и без Скорцени головорезов хватало.

«В середине 1943 года резидентура информировала Центр, что в результате оперативных мероприятий, в том числе путем внедрения в профашистские организации надежной агентуры, "выявлено более 200 наиболее значительных членов «Голубой партии», вскрыты основные ее филиалы в Тегеране, Резайе, Миане, Тавризе, Керманшахе, Ардебиле". Конкретную помощь в этом деле, наряду с другими, оказал иранский полковник, будущий генерал, наш агент Хан, который по заданию резидентуры внедрился в "Голубую партию" и во многом содействовал выявлению ее членов, разоблачению их деятельности. В августе того же года были арестованы 167 активистов этих организаций, но до конца 1943 года "Голубая партия" и "Меллиюне-Иран" оставались мощной силой, враждебной антигитлеровской коалиции и союзнической политике в Иране».

И вот о чем можно сказать. «Большую роль в ликвидации агентурной сети гитлеровских тайных служб в Иране сыграли действующие с нелегальных позиций помощники наших кадровых разведчиков. Благодаря им к осени 1943 года было обезврежено несколько сот гитлеровских шпионов, диверсантов и террористов, ликвидированы пункты радиосвязи резидентур Абвера и Службы безопасности с их центрами в Берлине. Особенно отличилась группа из семи-девяти юных подпольщиков, которую в тегеранской резидентуре назвали "легкая кавалерия". Ее возглавлял выдающийся разведчик-нелегал Геворк Андреевич Вартанян[12], ставший Героем Советского Союза.

Это Г.Вартанян и его "легкие кавалеристы" обнаружили в конце лета 1943 года сброшенную на парашютах гитлеровской Службой безопасности в районе

---

[7] Медведев Дмитрий Николаевич (1898–1954) – Герой Советского Союза, полковник госбезопасности; писатель.

[8] Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996) – генерал-лейтенант; в 1939–1946 гг. – заместитель начальника внешней разведки, во время Великой Отечественной войны одновременно руководил 4-м («партизанским») управлением НКВД.

[9] Кузнецов Николай Иванович (1911–1944) – легендарный разведчик, Герой Советского Союза.

[10] Скорцени Отто (1908–1975) – немецкий диверсант, оберштурмбанфюрер СС, получивший широкую известность в годы Второй мировой войны своими успешными спецоперациями. Известен как «Человек со шрамами»

[11] Муссолини Бенито Амилькаре Андреа (1883–1945) – итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922–1943 гг. Первый маршал Империи (1938). После 1936 г. его официальным титулом стал «Его Превосходительство Бенито Муссолини, глава правительства, Дуче фашизма и основатель империи».

[12] Вартанян Геворк Андреевич (1924–2012) – полковник, разведчик-нелегал, Герой Советского Союза.

города Кум (семьдесят километров от Тегерана) и пробравшуюся в иранскую столицу группу из шести радистов-диверсантов и помогли ее обезвредить. Считают, что провал этого авангарда команды, предназначенной для проведения террористических акций, заставил впоследствии отказаться Канариса и Кальтенбруннера[13] от попытки организовать нападение на "большую тройку" в Тегеране».

«Архивные дела внешней разведки беспристрастно свидетельствуют о результативности работы "семерки": за пару лет с ее помощью было выявлено не менее 400 лиц, так или иначе связанных с германскими разведслужбами. Понятно, что "кавалеристы" действовали по наводкам резидентуры, однако иной раз они самостоятельно выходили на немецких пособников и сообщали о них своим кураторам из резидентуры.

Примитивное снаряжение и юный возраст участников группы сослужили неплохую службу: объекты наблюдения, как правило, не обращали внимания на велосипедистов, и уж никак не могли предположить, что какие-то мальчишки следят за ними. Между тем было именно так. Военное время, помимо прочего, диктовало свои, подчас жестокие требования, и "кавалеристам" не раз приходилось идти на риск и участвовать в острых акциях».

Так что в Иране было очень неспокойно...

А чем в это время занимались бойцы 131-го полка? Можно сказать, они выполняли «демонстративно-представительские» функции – и это было очень важно для решения общей задачи. Объясняем подробнее, и вот выдержки из того же отчета Шестого управления – раздел первый «Работа по охране в Тегеране»:

«Охрана на аэродроме

Охрана на аэродроме была осуществлена силами оперативного состава Шестого управления НКГБ и офицерским и красноармейским составом 131-го полка войск НКВД.

Охрана на трассе

<...> На каждый участок был назначен начальник из начальствующего состава Шестого управления НКГБ, помощником начальника каждого участка был назначен офицер 131-го полка.

Сотрудники негласной охраны были одеты в штатское платье и выставлялись на посты по тротуарам улиц, у переулков, выходящих на трассу, и на углах перекрестков и площадей с интенсивным движением транспорта.

Главная войсковая охрана выставлялась парными постами в военной форме с повязкой на руке "КП" ("комендантский патруль") на всех перекрестках с интенсивным движением транспорта, а также между перекрестками по тротуарам с интенсивным движением публики.

На случай необходимости вмешательства вооруженной силы были созданы резервные войсковые группы (по отделению автоматчиков на автомашинах), дислоцировавшиеся в переулках вблизи охраняемой трассы. <...>

Охрана территории посольства СССР в Иране

Охрана территории посольства СССР в Иране осуществлена также силами негласного оперативного состава Шестого управления НКГБ с привлечением сержантского и красноармейского состава войск НКВД. <...>

У главных ворот с внутренней стороны охраняемого объекта был дислоцирован один парный круглосуточный оперативный пост в штатском... В помощь оперативному составу были выделены два парных красноармейских поста с внешней и внутренней сторон главных ворот и один парный офицерский пост с внешней стороны. <...>».

Нет сомнения, что рослые, физически крепкие, да еще и с красными повязками (на Востоке ценят символы!) бойцы-пограничники, стоящие на улицах, у ворот посольства и т.д. оказывали успокаивающее воздействие на всякого рода «нестабильный элемент» – и это была их главная задача. Вспомним, как в том же Тегеране толпой фанатиков был убит Грибоедов[14]! Если бы у ворот посольства толпу встретил жандармский пост, то все, возможно, могло быть по-иному...

Или еще проще: когда шпана видит постового милиционера, она обычно успокаивается. Вот и здесь – бойцы 131-го полка исполняли роль «постовых». А по более серьезным противникам профессионально сработали бы сотрудники охраны, которые были в штатском и окружающим в глаза не бросались. Охрана первых лиц – дело тонкое! И... закрытое.

Но что в то время делал и где был подполковник Николай Кравченко?

Этого никто не знает.

Зато известно, что Постановлением Совета Народных Комиссаров № 190 от 21 февраля 1944 года ему было присвоено воинское звание «генерал-майор». Хотя, вроде, генеральский мундир Кравченко, по распоряжению Сталина, надел уже в Тегеране. Иосиф Виссарионович как председатель Совнаркома мог давать такие распоряжения, понимая, что наркомы поддержат его единогласно.

«Существует версия, что благодаря деятельности Н.Г.Кравченко удалось установить реальный источник проникновения еще не задержанных немецких диверсантов через водоотводные каналы английского посольства, расположенного по соседству с нашим представительством.

Такое положение создавало возможность быстрой атаки со стороны террористов на троицу, часто гулявшую по территории советского дипломатического представительства или восседавшую на лавочках для фотографирования или отдыха после дискуссий на конференции.

Как бы там ни было, по одним данным, за одну ночь подполковника переодели в генеральский мундир – то ли пошили, то ли подогнали по фигуре, по другим – доставили самолетом из Москвы через двое суток».

---

[13] Кальтенбруннер Эрнст (1903–1946, Нюрнберг) – начальник Главного управления имперской безопасности и статс-секретарь имперского министерства внутренних дел Германии (1943–1945), обергруппенфюрер СС и генерал полиции.

[14] Грибоедов Александр Сергеевич (1795–30 января 1829, Тегеран) – дипломат, драматург, поэт, композитор и музыкант; статский советник.

Честно говоря, версия эта (равно как и прочие, время от времени появляющиеся) вызывает больше сомнение. Мы читали подробный отчет, подписанный заместителем начальника Шестого управления НКГБ (фамилия не указана) – там во все тонкости вникали, вплоть до системы регулирования уличного движения! А потом приходит подполковник из «Смерш» и заявляет: «Ребята, а вы что, про люки на территории посольства забыли?» И все тут же «прозревают», спешно докладывают товарищу Сталину (иначе как бы он узнал про допущенную ошибку и заметил Кравченко?) – вот, мол, мы прохлопали! – и вождь принимает беспрецедентное решение, сопоставимое с последующим присвоением звания «майор» старшему лейтенанту Гагарину.

Верховный ни орденами, ни генеральскими звездами не разбрасывался. Значит, подполковник действительно совершил нечто выдающееся. Но что?

Узнать об этом очень хотел и генерал-лейтенант Устинов. Впрочем, когда он делал первые «подходы» к генералу Кравченко, он был всего только майором, а Николай Григорьевич, приметив его как толкового сотрудника, понемногу ему «ворожил». Иван Лаврентьевич вспоминает:

– В начале 1950-х годов мы вместе трудились в Управлении контрразведки МГБ по Группе войск в Германии. Я был секретарем партийной организации, а он – первым заместителем начальника Управления. Порядочный человек был! Осталось у меня о нем очень положительное впечатление... Общение у нас постоянно было, доверительное. Но когда я хотел добыть у него хоть какие-то материалы по Тегеранской конференции – ничего не получилось! Убеждал его: «Вы хоть расскажите мне, как партийному руководителю – чего вы от меня скрываете?» – «Иван Лаврентьевич, не могу! Нельзя!» Тот же вопрос я ему задавал, будучи уже руководителем 3-го управления, но и тогда не добился откровенного с ним разговора... Видимо, он давал письменное обязательство скрыть истину. Когда он незаслуженно пострадал – я его выручал, даже возглавил комиссию по реабилитации – мне бы после этого его еще раз спросить, да вот, не успел! Не получилось... Потом я связывался с его сестрой – не оставил ли он каких-либо записей? Нет, ничего не оставил... А ведь всё знал!

...Страшно подумать, сколько тайн унесли с собой люди этого поколения! Давали подписку, давали слово – и потом клещами из них ничего не вытащишь!

Вот вам и «тайна генерала Кравченко» – почему и за что получил он внеочередное звание? Редчайшее поощрение! Из подполковников – в генералы!

...Кстати, другая тайна, которая вспоминается в связи с Тегеранскими событиями – присвоение звания Героя Советского Союза Геворку Андреевичу Вартаняну. Порой приходится читать рассуждения, что, мол, «разведчики расстарались, а в “Смерше” за “Тегеран” никто Героя не получил». Но это сродни пословице «в огороде – бузина, а в Киеве – дядька». Звание Героя Советского Союза было присвоено разведчику-нелегалу через сорок с лишним лет после Тегеранской конференции – и совсем за другие подвиги, не имеющие никакого отношения ни к «Большой тройке», ни, тем более, к нашему повествованию...

Так что закрываем тему «неизвестных подвигов» и продолжаем рассказ о судьбе теперь уже генерал-майора Кравченко.

В Постановлении Совнаркома от 21 февраля 1944 года он обозначен как «помощник начальника ГУКР “Смерш”». Затем, 8 июля того же года, Кравченко был назначен начальником ОКР «Смерш» Среднеазиатского военного округа, потом – Туркестанского, а в октябре 45-го возглавил Управление контрразведки «Смерш» Особого военного округа, просуществовавшего менее года на территории Калининградской области. После вхождения этого округа в состав Прибалтийского, Николай Григорьевич был отозван в Москву, работал в центральном аппарате контрразведки, учился на курсах переподготовки руководящего состава при Высшей школе МГБ СССР.

Он постепенно, но уверенно, «вставал на ноги» в качестве руководящего работника. Генерал Устинов, бывший начальник советской военной контрразведки, говорит так:

– Может быть, чего-то он не знал сам, может быть, опыта не хватало – но мы все тогда без опыта были, все с нуля начинали – но как человек, он был очень порядочный, и это главное. Поэтому у него постепенно все получалось...

В ноябре 1948 года Кравченко получил назначение на «передний край» – заместителем начальника УКР МГБ Группы советских оккупационных войск в Германии. В декабре 1952 года был переведен в Белорусский военный округ – заместителем начальника Управления контрразведки МГБ, вскоре преобразованного в Особый отдел МВД СССР.

Фактически через год, в январе 1954-го Николай Григорьевич стал начальником Особого отдела МВД, а вскоре – вновь учрежденного КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу. Тоже – передний край, сложная оперативная обстановка, остатки националистического движения...

К тому же, в 1956 году началось восстание в Венгрии, и часть войск округа была направлена для того, чтобы остановить кровавые события. Понятно, что в этой связи особистам пришлось проводить очень большую и серьезную работу...

Со своими обязанностями генерал Кравченко справлялся успешно, подчиненные относились к нему с уважением и доверием. При том в памяти у них Николай Григорьевич остался человеком, скажем так, нестандартным, не походившим на привычный образ генерала, тем более – генерала спецслужб.

Вспоминает генерал-майор Василий Афанасьевич Кириллов:

– Я его только по Прикарпатью знал, ни до этого, ни позже не встречались. У Кравченко был вид человека, который всегда о чем-то думает – задумчивый, сосредоточенный... А внешне, несмотря на свои сорок с лишним лет, он вы-

глядел очень привлекательно. Высокий, под два метра роста, представительный такой... Волосы черные, седины еще не было, волосы были длинные, он их зачесывал назад, а они все время опускались на лоб, и он их постоянно поправлял – такая привычка у него была. Курил трубку... Ходил он по улице очень интересно – саженками. Не метрами, а саженками! Всегда в генеральской форме, начищенный такой... Вел он, что называется, богемный образ жизни: жены у него не было, жил один. Но на обед обычно уходил домой, дома обедал – к нему младшая сестра приезжала, готовила, а жил он рядом с Особым отделом...

Совершенно необычным для генерала было и то, что в 1956 году Кравченко получил справку о среднем образовании – он экстерном прошел курс школьного обучения за восьмой – десятый классы и успешно сдал выпускные экзамены. В общем, в генеральском чине закончил десятилетку, чего не успел сделать до службы... Еще Василий Афанасьевич рассказал нам, что сотрудникам было известно, что к генералу иногда прилетает одна актриса – заслуженная артистка РСФСР. Кто именно, значения не имеет, но чтобы было понятен уровень, уточним, что в одной из киноверсий «Тихого Дона» она играла Аксинью. Но – от контрразведки ничего не скроешь – дама эта старалась в основном решать свои меркантильные вопросы, а когда Николай Григорьевич был уволен из органов, тут же прекратила с ним всяческие контакты. Не декабристка, в общем...

Да, генерал-майор Кравченко внезапно оказался изгнан (пожалуй, наиболее точно слово) из КГБ. Некоторые авторы пишут, что «коварный Хрущев» не мог простить Николаю Григорьевичу его внезапного возвышения по воле Сталина и видел в нем «Сталинского любимца». Но думается, что Никита Сергеевич про него и не слышал, а если и слышал, то давно позабыл. Судьбы людские у нас чаще всего ломаются по гораздо более прозаическим причинам.

«Финальная часть боевого служебного пути заслуженного генерала завершилась для него крайне несправедливым решением. Она связана с тем, что однажды во Львове, в узком кругу военнослужащих, Николай Григорьевич допустил нелестное высказывание о деловых качествах окружного военного прокурора, о чем тому стало известно. Будучи по натуре мстительным, прокурор стал искать компромат на Николая Григорьевича. По личному делу не составило труда выяснить, что до войны, в период массовых репрессий, Кравченко, начинающим сотрудником, проходил стажировку в одном из районных органов НКВД Белоруссии. Прокурор направил туда своего представителя для выявления местных жителей, подвергнутых необоснованным репрессиям. В одном из архивных уголовных дел им был обнаружен "Протокол допроса подозреваемого", который проводился сотрудником-стажером Н.Г.Кравченко. И хотя по тексту документа никаких нарушений закона не усматривалось, само участие в допросе человека впоследствии реабилитированного, было преподнесено как нарушение законности лицом, продолжающим занимать высокое служебное положение в органах госбезопасности. В период хрущевского руководства тенденциозное мнение прокурора не было подвергнуто должной проверке. В результате Кравченко был разжалован в рядовые и уволен из органов без пенсии. Правда, через несколько лет половину пенсии ему восстановили. Но жизнь уже была безнадежно надломлена...»

– И ведь скомпрометировали его ни за что ни про что! На допросе он, как стажер, присутствовал в качестве писаря – и за это его всего лишили! И звания, и пенсии. Это что, по-человечески?! – возмущается генерал Устинов.

В августе 1959 года генерал-майор – или рядовой?! – Кравченко был уволен. Не знаем, оставили ли ему награды, не совсем подходящие для статуса «красноармейца» – три ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды и нагрудный знак «Почетного чекиста».

Увольнение было несправедливым и подлым, Кравченко очень тяжело его переживал. Возможно, как-то утешало то, что не с ним одним так поступили – наверное, он не раз вспоминал своего бывшего начальника генерал-лейтенанта Белкина, также разжалованного в рядовые, других руководителей «Смерш», с которыми высшее руководство поступило очень и очень непорядочно.

Но что было делать? Жить дальше – других вариантов не предлагалось.

Он уехал в полюбившийся ему Калининград. К бывшим коллегам не обращался – в УКГБ по Калининградской области долго и не знали, что он тут есть, и кто он такой – зато нашел понимание в местных партийных органах и был принят на работу инструктором парткомиссии областного комитета КПСС. Конечно, с прежними его должностями не сравнить, но работа была важной и ответственной.

Однако не забывали Николая Григорьевича и в Москве. Как нам рассказывал Иван Лаврентьевич Устинов, в конце концов удалось его реабилитировать, доказав полную его невиновность... Но все равно, остались на сердце зарубки, которые, вполне возможно, и сократили его жизнь.

Николай Григорьевич Кравченко скоропостижно скончался в Калининграде 13 апреля 1977 года, не дожив до шестидесяти пяти и унеся в могилу тайну своего внезапного возвышения.

ЕГО НАЗЫВАЛИ «БАТЯ»
(НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЖЕЛЕЗНИКОВ)

Сначала – свидетельство очевидца: «Генерал Николай Иванович Железников, начальник Управления контрразведки 2-го Прибалтийского фронта, относился к тому типу руководителей, которые лично готовили и перебрасывали агентуру для внедрения во вражеские разведорганы. Для приема материалов от завербованного сотрудника немецкого разведоргана он мог осуществлять с ним встречу даже на нейтральной полосе фронта, проявлял заботу об оперативном составе, был доступен, демократичен, храбр, принципиален. В этом отношении весьма характерен такой эпизод.

1952 год. Новый министр МГБ С.Д.Игнатьев[1] вскоре после своего назначения на должность министра вместе с заместителем министра по следствию Рюминым... проводит совещание руководящего состава. В ходе своего «руководящего» выступления заявляет: «Военные контрразведчики – выкормыши Абакумова, с ними еще следует разобраться».

В зале встает со своего месте генерал-лейтенант Железников и в гневе заявляет: «Какие же мы выкормыши! Мы вместе с Красной Армией одержали победу над фашистской Германией и спасли страну. Какие мы выкормыши!» Игнатьев сделал вид, что не слышит, но выпады в отношении военных контрразведчиков прекратил».

Вот такой это был человек, оставивший о себе самые добрые воспоминания у сослуживцев и подчиненных. Рассказывает генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов, в начале 1950-х годов работавший с Николаем Ивановичем в Группе советских оккупационных войск в Германии. Железников тогда был начальником Управления контрразведки, Устинов – заместителем начальника отдела и секретарем партийного комитета:

– Впечатления о нем у меня остались только положительные! Это был очень порядочный человек, до мозга костей преданный Отечеству – и эту линию он отстаивал до конца...

Но обо всем – по порядку.

Он родился 22 марта 1906 года в селе Большая Липовица, Тамбовской губернии, в семье сельских учителей. Как жилось «сельской интеллигенции» после революции, в какой степени мог коснуться их «Тамбовский мятеж», знаменитая «Антоновщина»[2] – ничего этого мы не знаем. Зато известно, что в 1925 году Николай окончил профессиональную школу в Тамбове, был автослесарем, инструктором автотракторного дела, а в 1929 году поступил в Воронежский сельскохозяйственный институт, где учился до июня 1931 года, когда перешел в Орловскую бронетанковую школу – первое в СССР танковое училище. После его окончания был назначен командиром взвода Московских курсов усовершенствования командного состава, откуда вскоре переведен в батальон обеспечения учебного процесса Военной академии механизации и моторизации РККА, а в марте 1934 года он стал слушателем этой академии.

Сложно сказать, как бы сложилась армейская судьба Николая Ивановича, даже и то, по какой линии, командной или инженерно-технической, он бы пошел, но в 1939 году, когда Железников окончил академию, органы НКВД стали усиливаться коммунистами и комсомольцами с высшим образованием, студентами старших курсов. В военную контрразведку, соответственно, брали образованных армейских офицеров. Именно тогда в Управление особых отделов НКВД пришли Анатолий Михеев[3] – слушатель выпускного курса Военно-инженерной академии, Иван Серов[4] – выпускник Военной академии РККА им. М.В.Фрунзе, Петр Ивашутин[5] – слушатель Военно-воздушной академии...

Николай Железников был назначен начальником Особого отдела НКВД по Среднеазиатскому военному округу и в этой должности – правда, в первой половине 41-го она именовалась «начальник 3-го

[1] Игнатьев Семен Денисович (1904–1983) – член ЦК КПСС (1952–1953, 1953–1961), член Президиума ЦК КПСС (1952–1953). Министр государственной безопасности СССР с 9.8.1951 по 15.3.1953 гг.

[2] Крестьянские восстания против Советской власти на территории Тамбовской и частично Воронежской губерний в 1920–1921 гг. «Антоновщина» – название по имени руководителя «мятежа» А.С.Антонова (1888–1922).

[3] Михеев Анатолий Николаевич (1911–1941) – комиссар государственной безопасности 3-го ранга. В феврале 1939 г. с 4-го курса Военно-инженерной академии им. Куйбышева направлен в военную контрразведку. Начальник Особого отдела НКВД СССР Орловского, затем – Киевского особого военного округа. С 23 августа 1940 г. – начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР; с 12 февраля 1941 г. – начальник 3-го Управления НКО СССР. С 17 июля 1941 г. – начальник Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта, комиссар государственной безопасности 3 ранга.

[4] Серов Иван Александрович (1905–1990) – с июля 1941 по февраль 1947 г. – зам народного комиссара (с марта 1946 г. – министра) внутренних дел СССР; первый председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (1954–1958), начальник Главного разведывательного управления Генштаба (1958–1963); Герой Советского Союза (1945), генерал армии (1955). В 1963 г. понижен до генерал-майора и лишен звания Героя.

[5] Ивашутин Петр Иванович (1909–2002) – генерал армии, Герой Советского Союза. Начальник УКР «Смерш» Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов. Первый заместитель председателя КГБ СССР (1954–1963). Начальник Главного разведывательного управления – заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР (1963–1987).

отдела САВО», но вскоре вновь обрела прежнее наименование – он, постепенно дойдя до звания комиссара госбезопасности 3 ранга, пребывал до 29 апреля 1943 года.

Территория огромного округа включала в себя Узбекскую, Туркменскую, Казахскую, Киргизскую и Таджикскую Советские Социалистические республики. Штаб округа находился в Ташкенте, за две тысячи восемьсот километров от Москвы и две сто – от Сталинграда, если по прямой. Таковым было расстояние до фронта, до войны. Так что половину этой войны Железников провел вдали от нее.

Впрочем, хотя непосредственные боевые действия против немецко-фашистских захватчиков здесь не велись, от войны было не уйти и в Средней Азии. В марте 1941 года в районе города Мары было начато формирование 27-го механизированного корпуса, командиром которого стал генерал-майор Петров[6]. 27 июня началась погрузка частей этого соединения в эшелоны – таковых получилось тридцать четыре, и они двинулись по направлению к Воронежу...

Война, однако, велась не только на фронтах, куда отправлялись все новые и новые воинские части. «Тайная война» также разгоралась с особенной силой.

...В далеком уже 1965 году, в канун 20-летия празднования Великой Победы, газета «Известия» опубликовала большой материал «Поединок с фашистской разведкой», подписанный без лишних уточнений: «Н.Железников, генерал-лейтенант».

В тексте этом, в частности, была весьма интересная, хотя и не совсем конкретная информация про германские спецслужбы: «Эти разведывательные органы забрасывали в тыл Красной Армии тысячи



Генерал-лейтенант Н.И.Железников.

шпионов, диверсантов и террористов. В 1941 году заброска вражеской агентуры в наш тыл выросла по сравнению с 1939 годом почти в 14 раз, в 1942 году – в 31 раз, а в 1943 году – в 43 раза. Специальные школы и курсы немецкой разведки только в 1942 году выпустили свыше семи тысяч шпионов и около двух с половиной тысяч шпионов-диверсантов и радистов».

Знать бы данные по «исходной точке» – 1939 году, сколько их тогда было, от чего считать. Но все равно – впечатляет! Особенно последняя информация – про почти что десять тысяч вражеских агентов. И ведь все эти шпионы и диверсанты направлялись не только в прифронтовую полосу, но и, по возможности, как можно глубже в советский тыл – в том числе и на территорию Среднеазиатского военного округа. Свидетельством тому – письмо из резидентуры внешней разведки НКВД в Тегеране, пришедшее в «Центр» в начале войны, 23 июля 1941 года: «...Немцы усиленно интересуются Туркестаном с целью заброски туда разведчиков и диверсантов... они дали задание «Патриоту» <двойной агент резидентуры НКВД. – А.Б.>:

- ...Наладить связь из Тегерана до границы... подыскать на границе проводников... разработать способ связи с ними.

- ...Подыскать людей в Туркестане и наладить связь с ними.

- ...Выяснить, возможна ли организация вооруженного восстания в Туркестане.

- ...Выявить дислокацию советских войск. Немцев особенно интересуют железные дороги Красноводск-Ашхабад-Мерв, Мерв-Кушка и Мерв-Бухара...»

Планы у гитлеровцев, как видим, были весьма амбициозные – то есть чересчур завышенные, с излишней претензией. Но обратим внимание на то, что свою разведывательную работу по советской

---

[6] Петров Иван Ефимович (1896–1958) – генерал армии, Герой Советского Союза (1945). 5 октября 1941 г. принял командование Приморской армией; руководил эвакуацией советских войск из Одессы на Крымский полуостров, был одним из руководителей обороны Севастополя. С мая 1943 г. – командующий Северо-Кавказским фронтом; с 13 марта 1944 г. командовал 33-й армией Западного фронта, с 12 апреля – 2-м Белорусским, с 6 августа – 4-м Украинским фронтами. В марте 1945 г. назначен начальником штаба 1-го Украинского фронта.

Средней Азии они проводили с позиций Ирана.

Между тем, вскоре на территории САВО началось формирование 53-й армии, командование над которой принял генерал-майор Трофименко[7], причем, сохраняя свою должность командующего войсками округа. И он, и начальник контрразведки округа знали, какая не только ответственная, но и совершенно необычная по тому времени задача стоит перед войсками этого объединения.

Обстановка в Иране катастрофически ухудшалась. «Летом 1941 г. эта страна была буквально наводнена тайными агентами Германии. Под влиянием временных военных успехов гитлеровцев реакционные круги Ирана, имевшие большинство в правительстве, решили, что настал благоприятный момент для присоединения к фашистскому блоку. Они предполагали, что Реза-шах Пехлеви[8] поведет иранских солдат на Кавказ, навстречу немецким войскам и готовились к встрече «германской победоносной армии» как к величайшему празднику. <...>»

Праздника не получилось. Советское правительство не раз предупреждало соседа, чтобы тот успокоился и постарался избавиться от германской агентуры на своей территории, возвратился к традиционно дружественной политике по отношению к СССР. В конце концов, напомнив 25 августа иранскому правительству о статье 6-й договора 1921 года, которая «предусматривала право Советского правительства ввести свой войска в Иран в случае попыток третьих государств превратить территорию этой страны в базу для военных выступлений против Советского Союза или союзных с ним государств», СССР этим правом воспользовался и ввел свои войска на территорию сопредельного государства.

Это были 53-я армия Среднеазиатского военного округа, а также – 44-я и 47-я армии Закавказского фронта, которыми руководил командующий войсками фронта генерал-лейтенант Козлов[9]. А с южного направления на территорию Ирана вошли британские соединения. 8 сентября в Тегеране было подписано англо-советско-иранское соглашение, в соответствии с которым иранское правительство должно было выслать из страны дипмиссии Германии и ее союзников, и ничего не делать в ущерб интересам Великобритании и СССР.

«Несмотря на то, что меджлис утвердил англо-советско-иранское соглашение, Реза-шах продолжал прогитлеровскую политику, отказываясь выслать фашистских агентов. Такая позиция шаха вынудила правительства СССР и Англии дать приказ о дальнейшем продвижении войск вглубь Ирана. По инициативе Великобритании английские и советские войска в начале сентября 1941 г. вошли в иранскую столицу Тегеран. 16 сентября Реза-шах отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда[10] и бежал из страны».

Вряд ли мы ошибемся, полагая, что Железников также побывал тогда в Иране – слишком ответственной была задача контрразведывательного обеспечения войск, вводимых на территорию государства «со сложной оперативной обстановкой», чтобы передоверять ее кому-либо. По отзыву ветерана-контрразведчика, с которого мы начали рассказ, Николай Иванович брал решение наиболее трудных задач на себя.

По возвращении в Ташкент, он, разумеется, окунулся в ту же самую рутину тылового округа – формирование частей и соединений для действующей армии. Хотя, насчет «рутины», это еще как сказать... Войск на территории САВО формировалось много, в том числе и национальные воинские части. К примеру, в Казахстане были созданы 3 кавалерийские и 2 отдельные стрелковые бригады, в Киргизии – по 3 кавалерийских и стрелковых дивизий, в Туркмении – 2 кавалерийские дивизии и 2 стрелковые бригады, а в Узбекистане – 5 кавалерийских дивизий и 10 стрелковых бригад. И ведь в любом из этих соединений, среди тысяч патриотов, мог оказаться какой-нибудь негодяй, который начнет подзуживать сослуживцев – мол, зачем нам ехать воевать за Россию, что русские сделали для нас, чтобы нам за них умирать? Национализм никогда не был конструктивной идеей, хотя порой выглядит достаточно привлекательно и кружит слабые головы, а потому гитлеровские спецслужбы делали на него особую ставку – кстати, не без успеха.

«Противник также обратил повышенное внимание на национальные районы СССР, где им были запланированы мероприятия по провокации вооруженных выступлений в тылу. Немцами были осуществлены переброски вооруженных отрядов и групп в Калмыкию, Казахстан, на Северный Кавказ, в Крым...»

Но насколько нам известно, подобных вооруженных выступлений в период Великой Отечественной войны не произошло, в чем, очевидно, основная заслуга

---

[7] Трофименко Сергей Георгиевич (1899–1953) – генерал-полковник, Герой Советского Союза. С января 1941 г. – командующий войсками Среднеазиатского округа, одновременно, с августа по октябрь 1941 г. – 53-й армией. С декабря 1941 г. по март 1942 г. командовал Медвежьегорской оперативной группой войск на Карельском фронте, с марта по июнь 1942 г. – 32-й и с июля 1942 г. по январь 1943 г. – 7-й отдельной, а с января 1943 г. до конца войны – 27-й армиями.

[8] Пехлеви Реза (1878–1944) – тридцать четвертый шах Ирана с 1925 по 1941 гг. из династии Пехлеви. Отрекся от престола 16 сентября 1941 г. Умер в изгнании в Йоханнесбурге, в Южной Африке, в 1944 г.

[9] Козлов Дмитрий Тимофеевич (1896–1967) – генерал-лейтенант (1943 год). После начала Великой Отечественной войны в августе 1941 г. – командующий Закавказским фронтом; провел Иранскую операцию. С конца декабря 1941 г. – командующий Кавказским фронтом, руководил Керченско-Феодосийской десантной операцией. С января 1942 г. – командующий Крымским фронтом, руководил боевыми действиями на Керченском полуострове. В августе 1942 г. – командующий 24-й армией, принимавшей участие в Сталинградской битве. С октября 1942 г. – помощник и зам. командующего войсками Воронежского фронта; в мае – августе 1943 г. – уполномоченный Ставки ВГК на Ленинградском фронте, С августа 1943 г. – заместитель командующего Забайкальским фронтом. Участвовал в боях против Японии.

[10] Пехлеви Мохаммед Реза (1919–1980) – тридцать пятый и последний шах Ирана с 1941 по 1979 гг. из династии Пехлеви. Шах пытался порвать со многими исламскими традициями; в 1973 г. в Иране был установлен авторитарный однопартийный режим, всем гражданам было велено принадлежать к правящей партии, а все прочие общественные объединения были запрещены; была учреждена также тайная полиция. Исламская революция 1979 года свергла шаха, который был вынужден покинуть страну и умер в изгнании в Каире в следующем году. На волне реакции против реформ последних шахов к власти пришли исламские фундаменталисты во главе с аятоллой Хомейни.

принадлежит военной контрразведке тыловых округов и территориальным органам безопасности...

Гитлеровцы, стремившиеся к мировому господству и повсеместному установлению своего «нового порядка», пытались использовать и достаточно, скажем так, «нестандартные» методы войны. Поэтому летом 1941 года на всей территории СССР развернулась операция с экзотическим названием «Войсковая юрта». В таковой связи дивизионный комиссар Железников давал сотрудникам Особого отдела САВО следующие указания: «Имеющиеся в распоряжении НКГБ СССР агентурные и следственные данные свидетельствуют о том, что иноразведки, особенно германская и японская, в своей подрывной работе против СССР большое внимание уделяют вопросам бактериологической диверсии.

В то же время агентурно-оперативная работа особых отделов по этой линии до сих пор не организована так, чтобы своевременно вскрывать замыслы и предупреждать действия шпионско-диверсионных групп и организаций, насаждаемых иноразведками для осуществления бактериологической диверсии».

Сегодня все это может показаться экзотикой (ведь не произошло же тогда ничего подобного!), но в то время имелись реальные оперативные данные о подготовке немцев к использованию отравляющих веществ и бактериологического оружия. Например, перед самой войной, в июне 41-го, из НКГБ и НКВД Украины шли в Москву такие сообщения: «...известно, что германская разведка снабжает свою агентуру культурами бактерий эпидемических болезней, которые заделываются в различные лекарственные препараты и средства для тайнописи. <...>

В районе Сажина имеются заводы, вырабатывающие отравляющие вещества. <...>».

А вот несколько более поздние сведения, относящиеся, можно сказать, к другой эпохе – к октябрю 1941 года, когда война была уже в полном разгаре. Разведчики Особого отдела НКВД 16-й армии сообщали: «Со слов населения, немцы заявляют, что если советские войска не перестанут стрелять из орудий «РС»[11], то они будут пускать газы.

Последнее время все немецкие солдаты имеют при себе постоянно противогазы, чего раньше не наблюдалось <...>»

Можно понять, что вермахт и спецслужбы рейха готовились даже к такому развитию событий – с применением средств, давно уже запрещенных всяческими международными конвенциями.

Готовились, но ни газы, ни отравляющие вещества применить не решились. Помешали советские спецслужбы. Сначала ими была получена вышеприведенная информация (здесь она представлена далеко не вся!) Естественно, в войсках Красной армии была проведена соответствующая работа для организации защиты от этих средств. А затем, через возможности внешней разведки, эта информация была доведена до сведения англо-американской прессы, в которой появились соответствующие материалы о – простите за этот штамп! – «коварных планах гитлеровцев». Это вызвало возмущение не только широких слоев населения, но и предупреждение со стороны «верхушки» наших союзников, что в случае применения отравляющих веществ на советско-германском фронте, они, те же англичане, расконсервируют свои склады ядовитых газов, что сохранились со времен Первой мировой войны. Предупреждение было принято к сведению. Рисковать гитлеровцы не стали, а потому и операция «Войсковая юрта» была постепенно свернута – за ненадобностью...

Все-таки главные испытания для генерал-майора Железникова были еще впереди – 29 апреля 1943 года он был назначен начальником Управления контрразведки «Смерш» Брянского фронта. Войсками фронта тогда командовал генерал Рейтер[12], но в начале июня его сменил генерал Попов[13].

Время это было самое напряженное – противостоящие стороны готовились к решающей битве.

В июне 1943 года командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге[14] писал в телеграмме, адресованной в ОКХ: «...нам не избежать на Восточном фронте русского наступления. Так или иначе мы должны будем когда-нибудь покончить с ними. Для этого имеются три возможности...»

Далее, соответственно, фельдмаршал рассматривает эти варианты действий вверенных ему войск – «чисто оборонительные на всем Восточном фронте», «отражение русского наступления группой армий «Юг» и нанесение отвлекающего удара из Орловской дуги» и, наконец, приоритетный вариант: «проведение наступления по плану «Цитадель» группировкой сил, установленной приказом и в основном уже созданной. Это решение является, по моему мнению, наилучшим. Оно вынудит противника попасть под удар наших клещей. Само наступление будет развиваться быстро благодаря наличию крупных танковых сил в обеих группах армий. Имея большой размах, оно неизбежно вовлечет в свою орбиту основные силы всех русских войск, в том числе находящиеся севернее Орла. В случае удачи оно должно принести максимальный успех...»

План операции «Цитадель» «фюрер германской нации»

[11] Т.е. реактивных установок БМ-13 – «Катюша».

[12] Рейтер Макс Андреевич (1886–1950) – генерал-полковник (1943). С марта 1942 года командовал 20-й армией на Западном фронте, с сентября 1942 г. – Брянским фронтом. С июня 1943 г. – командующий войсками Степного военного округа; с июля по сентябрь 1943 г. – заместитель командующего Воронежским фронтом.

[13] Попов Маркиан Михайлович (1904–1969) – генерал армии , Герой Советского Союза (7 мая 1965 г.). В 1941–1943 гг. командовал армиями, войсками Резервного и Брянского фронтов. С 10 октября 1943 по 23 апреля 1944 гг. – командующий войсками Прибалтийского, 2-го Прибалтийского фронтов; затем – начальник штаба 2-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов.

[14] Клюге Ханс Гюнтер Адольф Фердинанд фон (1882–1944) – германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940). 18 декабря 1941 – конец 1943 г. – командующий группой армий «Центр»; переведен в резерв после автокатастрофы. Вскоре после провала заговора против Гитлера покончил с собой.

Адольф Гитлер утвердил еще 15 апреля. Фельдмаршал фон Клюге не был сторонником этого решения, но что теперь он мог сделать? Приказы, как известно, не обсуждаются.

Кстати, в том самом оперативном приказе германской ставки от 15 апреля 1943 года особый интерес для нас представляют следующие положения:

«2. Необходимо:

а) Как можно надежнее обеспечить внезапность и прежде всего оставить противника в неведении относительно дня наступления. <...>

7. В целях сохранения тайны ознакомить с намерениями только абсолютно необходимых лиц, расширяя их круг лишь постепенно и как можно позже. На этот раз в любом случае надо добиться, чтобы в результате неосторожности или небрежности противнику не стало что-либо известно о наших намерениях».

Но скрыть свои грандиозные планы гитлеровскому командованию не удалось. Маршал Советского Союза Василевский[15], тогдашний начальник Генерального штаба, вспоминал: «Советской военной разведке удалось своевременно вскрыть подготовку гитлеровской армии к крупному наступлению в районе Курского выступа с использованием в массовом масштабе новейшей танковой техники, а затем и установить время перехода противника в наступление. <...>

Анализируя многочисленные разведывательные данные о характере предстоящих действий врага и о его подготовке к наступлению, фронты, Генеральный штаб и Ставка все больше склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне...»

Прочее нас в данный момент не очень интересует. Главное, что противник пытался утаить свои замыслы, но не сумел. Однако хотелось бы уточнить: информация о планах гитлеровского командования поступала не только от военной разведки, но и от внешней разведки НКВД.

Генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко[16], первый заместитель руководителя советской внешней разведки, рассказывал нам, что «Джон Кернкросс[17] в конце апреля, за два с лишним месяца до начала Курской битвы, передал в Москву полную информацию о том, что немецкое наступление начнется в начале июля. Это была дешифровка телеграммы в Берлин немецкого генерала фон Вейхса[18], который готовил немецкое наступление на юге от Курска, в районе Белгорода. В телеграмме было совершенно точно указано, какими силами немцы предпримут наступление, когда, какие силы будут действовать от Орла, какие – от Белгорода, какая новая техника будет введена. Было обозначено расположение немецких полевых аэродромов и т.д., и т.п. ...

Но информация проверялась десятки и десятки раз! Начальник Генерального штаба Василевский дал указание проверять ее через резидентуры ГРУ, войсковую разведку, Центральный штаб партизанского движения, 4-е Управление НКГБ, занимавшееся разведывательно-диверсионной работой в тылу у немцев».

В общем, наше командование знало о планах гитлеровского командования и готовилось выдержать удар чудовищной силы, остановить неприятельские войска, а затем самим перейти в контрнаступление. Однозначно, наши спецслужбы переиграли противника... Но тут возникает вопрос: а так ли благополучно было все у нас самих? Имел ли противник какое-то представление о планах и намерениях советского командования? И вот – свидетельство историка:

«УКР «Смерш» Брянского фронта изучало в июне 1943 г. причины «утечки» информации о предстоящих наступательных операциях. Результаты расследования начальник фронтового управления контрразведки генерал-майор Н.И.Железников незамедлительно сообщил Военному совету и в ГУКР НКО «Смерш». Судя по тексту докладной записки, наблюдалась плохая маскировка в районах сосредоточения войск, особенно это касалось артиллерии. В итоге противник подверг авиаудару боевые позиции 7-го и 2-го артиллерийских корпусов. Контрразведчики установили и явные просчеты в работе штаба фронта. В частности, вопрос о скрытности всех подготовительных действий решался формально, не было даже разработано плана маскировки. Вместе с тем Н.Железников признал и недостатки в оперативном обслуживании штабов, а также факты, когда не удалось предотвратить переход на сторону врага некоторых военнослужащих – изменников Родины».

Вот что конкретно писалось по этому поводу в донесении Железникова: «Как установлено (агентурным путем), противнику стало известно о подготовляемой операции из допросов наших перебежчиков (изменников Родине) и захваченных пленных (красноармейцев) при проведенной им частной операции на участке 63-й армии, где разведкой боем противником было захвачено 11 человек красноармейцев».

Пусть не смутит это читателя: мол, что за нелепость, Красная армия наступает, гонит врага с родной земли, а кто-то из ее бойцов переходит на сторону противника? Пока еще не обреченного, но близкого к тому... Так вот, случаи дезертирства и даже перехода на сторону противника происходили до самого финала войны. Причин тому много, они разные – хотя

---

[15] Василевский Александр Михайлович (1895–1977) – Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. Начальник Генерального штаба в 1942–1945, 1946–1948 гг.; министр Вооруженных Сил СССР – военный министр СССР – 1949–1953 гг.

[16] Кирпиченко Вадим Алексеевич (1922–2005) – 1974–1979 гг. – заместитель начальника ПГУ КГБ СССР, возглавлял управление нелегальной разведки. 1979–1991 гг. – первый заместитель начальника ПГУ КГБ СССР. Генерал-лейтенант. Участник Великой Отечественной войны.

[17] Кернкросс Джон (1913–1995) – один из участников «Кэмбриджской пятерки»; в годы Второй мировой войны работал в британской дешифровальной службе и в штаб-квартире СИС.

[18] Вейхс Максимилиан фон (Максимилиан Мария Йозеф Карл Габриэль Ламораль райхсфрайхерр фон унд цу Вайкс ан дер Глон), (1881–1954) – немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал. Во время вторжения в СССР 2-я армия под его командованием действовала в составе группы армий «Центр». С июля 1942 г. командовал группой армий «В», наступавшей в направлении Волги; в июле 1943 г. назначен в резерв Главнокомандования, затем – командующим группой армий «F» на Балканах.

бы надежда попасть в плен к союзникам, чтобы скрыться от ответственности за преступления, совершенные на советской земле. Примеры тому можно увидеть в сообщении, направленном генерал-майором Железниковым в ГУКР «Смерш» НКО 3 августа 1943 года, в то время, когда войска Брянского фронта участвовали в Орловской стратегической наступательной операции, известной под кодовым наименованием «Кутузов»: «Арестован бывший старшина 16-й гв. танковой бригады – Монаенко Александр Федорович, 1906 г. рождения.

В 1938 г., работая на Рыбинском авиазаводе, Монаенко был связан с резидентом немецкой разведки Васениным, которому передавал ценные сведения о количестве выпущенных авиамоторов, за что получил вознаграждение – 2500 руб.

В 1942 г., будучи призванным в РККА, добровольно перешел к немцам, был перевербован и с разведцелью заброшен в тыл Красной Армии.

Выполняя задание, устроился на службу в гвардейскую танковую часть, где собирал сведения о наличии танков, их боеспособности и готовился перейти к противнику, но был арестован. <...>

Арестован Сафронов Дмитрий Макарович, 1908 г. рождения. В 1941 г., находясь в Красной Армии в 420-м артполку 13-й армии, добровольно сдался в плен противнику, бежал из лагеря к своей семье в дер. Кривцово Брянского района и через некоторое время добровольно поступил на службу в немецкую полицию.

Будучи полицейским, притеснял гражданское население, заставлял выполнять все грабительские налоги немецкого командования. <...>»

В том же сообщении говорится, что за время «активных боевых действий», начавшихся 10 июля, из частей Брянского фронта дезертировало 32 человека, арестовано «за изменнические намерения – 81, за дезертирство – 86».

Можно предположить, что «за изменнические намерения» задерживали, в основном, не самых умных и опытных, но тех, кто посвящал в свои сомнения чуть ли не всех и каждого. Люди же тертые и битые хранили всё в себе, общались лишь с себе подобными... Нет смысла объяснять, насколько опасен переход бойца на сторону противника. Контрразведчики понимали, что следует действовать на упреждение – и так возникла идея проведения оперативно-чекистских мероприятий под кодовым названием «Измена Родине».

Об итогах их проведения начальник УКР «Смерш» Брянского фронта докладывал 19 июня 1943 года комиссару госбезопасности 2 ранга Абакумову. Объектами для проведения операции были выбраны 415-я и 356-я стрелковые дивизии 61-й армии и 5-я стрелковая дивизия 63-й армии, «наиболее пораженные изменой Родине» (суровая формулировка!), из которых только в мае 43-го перешли на сторону противника 23 военнослужащих.

Для операций, которые проводились 2 и 3 июня в полосе обороны сначала 415-й, а затем 356-й дивизий (операция в полосе обороны 5-й дивизии проходила 2 июля) были отобраны наиболее надежные люди из разведчиков и штрафников, а также офицеров «Смерш». В спецсообщении приводятся даже характеристики некоторых из них – в подтверждение тщательности отбора:

«Юрин, 1917 г.р., уроженец Челябинской обл., русский, б/п, образование среднее, женат. В Красной Армии с 1938 г., имеет два ранения. В окружении и плену не был. В штрафную роту направлен после суда за членовредительство в декабре 1942 г. (взрывом модернизированного взрывателя оторвало один палец). Проявил себя как один из лучших красноармейцев, дисциплинированный и инициативный. При личном знакомстве произвел впечатление серьезного, умеющего выполнить ответственное здание».

Вот так судьба у человека повернулась... Ну, это для примера. А далее следует конкретное описание операций, представляющих интерес как «малоизвестные страницы войны»: «2 июня 1943 г. в районе обороны 415-й сд действовали первая и вторая <группы>. 3 июня с.г. в районе обороны 356-й сд действовала третья группа.

Операция первой группы (разведчики) 415-й сд.

2 июня с.г. в 4.00 группа после сосредоточения на исходном рубеже подползла к немецкому проволочному заграждению, встала и, подняв руки, начала искать проход в проволочном заграждении.

Немцы сразу же заметили идущих и стали звать их к себе. Три немца во главе с офицером вышли навстречу разведчикам, сблизившись с группой у проволочного заграждения на 30 м. Разведчики забросали подошедших немцев гранатами, уничтожив три немца, без потерь вернулись обратно.

Отход группы поддерживался огнем из всех видов оружия.

Операция второй группы 415-й сд (штрафники).

2 июня с.г. в 3.00 группа сосредоточилась на исходном рубеже в 100 м от противника, недалеко от нашего проволочного заграждения.

В 4.00 двумя партиями по два человека, с поднятыми руками, пошли к проволочному заграждению, один из первых держал в руках белый лист бумаги, означавший немецкую листовку.

При входе к проволочному заграждению немцев группа увидела двух немецких солдат, которые начали указывать место для прохода через заграждение.

Группа, пройдя немецкое проволочное заграждение, заметила, что от последнего к немецким траншеям идут два хода сообщения и в траншеях группу ожидают около 20 немецких солдат.

При подходе к скоплению немцев на 30 м группа забросала немецких солдат гранатами. И после использования всего запаса гранат, под прикрытием артиллерийского и минометного огня, отошла в наши окопы.

При отходе два человека из группы получили легкое ранение, и сейчас находятся в строю.

Операция третьей группы 356-й сд (разведчики).

3 июня с.г. в 3.00 группа вышла с исходного рубежа и дошла до проволочного заграждения немцев,

где была встречена одним немецким солдатом, который их остановил словом “хальт”.

Когда старший группы назвал пароль для перехода – “штыки в землю”, немец стал показывать дорогу к проходу, находясь от группы в 20 м.

В это время он был забросан гранатами, а группа вернулась в свои траншеи.

По группе был открыт противником огонь, однако никто из нее ранен не был.

Все группы поставленные перед ними задачи выполнили отлично, никаких происшествий за время операций не случилось.

Поставлен вопрос перед Военным советом 61-й армии о награждении участников операций, а также о снятии судимости с группы красноармейцев штрафной роты 415-й сд...»

Опыт был, что называется, взят на вооружение, а информация о «коварных большевиках» мгновенно разлетелась по всему германскому фронту. В результате этого гитлеровцы нередко встречали подлинных изменников автоматным огнем, что серьезно поубавило количество желающих «искать счастья» за линией фронта.

Понятно, что и у спецслужб противника были свои хитрости. К примеру, они достаточно активно использовали в своих интересах детей, проживающих на оккупированных территориях – где-то в возрасте от 8 до 14 лет. Для выполнения разведывательных заданий отбирали отнюдь не юных пионеров, но разного рода беспризорников, отдавая предпочтение «уголовно-хулиганскому элементу». «На сознательность», естественно, не давили, зато использовали принцип материальной или какой-то личной заинтересованности.

Вот – типичный тому пример, хотя и относящийся еще к 1941 году: «5 августа с.г. в районе скопления наших войск во время выбрасывания ракет были задержаны 12-летний Хомиков Петр и 15-летний Андреев Иван, которые на допросе показали, что ракеты им дали немцы, показали, как их пускать, предварительно угостили вином и сладостями, а затем указали место перехода на территорию расположения Красной Армии.

Хомиков и Андреев заявили, что немцы обещали им по возвращении дать деньги, угостить сладостями, вином и катать на машине, а если они не выполнят их поручения, то арестуют их родителей».

Почему мы сейчас о том вспоминаем? А потому, что Николаю Ивановичу не раз пришлось иметь дело с подобными юными диверсантами – в ходе войны их уже стали готовить в абверовских разведшколах. Известен случай, как вскоре после окончания сражения под Курском, 1 сентября 1943 года, в Управление контрразведки «Смерш» Брянского фронта заявились два мальчишки, 13-летний Петя Маренков и 15-летний Миша Кругликов, сказавшие, что они – немецкие диверсанты, пришли сдаваться и в качестве доказательства представили парашюты, на которых были сброшены в советский тыл. Задача у них была простая: подбрасывать взрывчатку, закамуфлированную под куски угля, в тендеры паровозов. А так как в разные районы, прилегающие к железной дороге, были сброшены три группы диверсантов по десять человек в каждой – но прыгали и «работали» они потом парами – то бед эти «детишки» могли наделать немалых.

Мы помним, что начальник ГУКР «Смерш» Виктор Семенович Абакумов добился отмены уголовной ответственности для германских агентов, явившихся с повинной. Вот так и Мишу с Петей, добровольно обратившихся к контрразведчикам, не стали сажать в камеру, но отвели в столовую, накормили, переодели в солдатское обмундирование... Так же получилось и с другими ребятами из той группы – все они пришли с повинной, никто не пытался выполнять задание Абвера.

Разумеется, генерал-майор Железников незамедлительно сообщил в Главное управление контрразведки о задержании юных диверсантов, после чего из Москвы была дана команда усилить охрану железных дорог. Судьбу же этих ребятишек окончательно решил сам Верховный Главнокомандующий, до которого непосредственно дошло сообщение Железникова. Иосиф Виссарионович сказал, что детям нужно не в тюрьме сидеть, но страну восстанавливать. По указанию вождя неудавшихся диверсантов определили в ремесленные училища...

Кстати, этот момент подтверждают в своих воспоминаниях и ветераны военной контрразведки: «В сентябре 1943 года он доложил Сталину об использовании гитлеровцами в диверсионных целях подростков. Имя Железникова известно чекистам».

В октябре 1943 года Брянский фронт был сначала переименован в Прибалтийский, а затем – во 2-й (из трех) Прибалтийских фронтов. До апреля 1944 года им продолжал командовать генерал Попов, затем его сменил генерал Еременко[19]. Войска фронта освобождали Новосокольники, Старую Руссу, Новоржев... Вместе с войсками шли контрразведчики «Смерш» – нередко они принимали участие в боях, находясь в рядах атакующих подразделений, но одновременно у них была и своя тайная война.

Об одном из таких «тайных сражений» Николай Иванович очень аккуратно рассказал в известной нам уже публикации в газете «Известия»: «В сентябре 1944 года советской контрразведкой была захвачена группа фашистских агентов с радиостанцией. По этой радиостанции, условно названной нами «Бандура», на ту сторону стали передаваться дезинформационные материалы. Для убедительности фашистскому разведывательному органу была даже послана «просьба» прислать подкрепление. Противник потребовал сообщить место для сброски четырех агентов. Оно было подо-

[19] Еременко Андрей Иванович (1892–1970) – в годы Великой Отечественной войны командовал 4-й Ударной и Отдельной Приморской армиями, войсками Брянского, Юго-Восточного, Сталинградского, Южного, Калининского, 1-го и 2-го Прибалтийских и 4-го Украинского фронтов; в 1945–1958 гг. – командующий войсками Прикарпатского, Западно-Сибирского и Северо-Кавказского военных округов; Герой Советского Союза (1944), Маршал Советского Союза (1955).

брано в пяти километрах восточнее Велье, в районе Андреаполя, где якобы протекала деятельность «Бандуры». Сообщив фашистам эти данные, сотрудники советской контрразведки начали подготовку к встрече. На место была направлена оперативная группа Управления контрразведки фронта из двадцати человек. В состав ее включили также и использовавшихся в «радиоигре» бывших вражеских агентов, которые не могли вызвать у «гостей» никаких подозрений.

16 сентября была принята радиограмма: «Сегодня с 23.00 до часа ночи ждите самолет. Жгите костры». В 23.00 в назначенном месте зажгли три костра. Через час появился самолет. Сделав два захода, он выбросил груз и людей.

По случаю радостной встречи «друзей» тут же была организована выпивка. От прибывших удалось выяснить всё, что интересовало советскую контрразведку. В частности, установили, что радист получил новый шифр для радиоточки и соответствующие указания на случай провала. Это могло пригодиться для дальнейшей игры «Бандура».

Когда все вопросы оказались выясненными, «друзей» повели на «базу», к шалашу. Вражеские агенты были обезоружены и связаны».

Два месяца спустя контрразведчиками был задержан еще один абверовский курьер, доставивший для группы оружие, боеприпасы, обмундирование, продовольствие и медикаменты. Это был уже финал «радиоигры»...

В это время войска Красной армии подошли к границам республик Советской Прибалтики. Начиналась масштабная Прибалтийская операция.

«К разгрому прибалтийской группировки немецко-фашистских войск советское командование привлекало силы левого крыла Ленинградского фронта и войска 3, 2 и 1-го Прибалтийских фронтов – 14 общевойсковых, 1 танковую и 4 воздушные армии...

Войска трех Прибалтийских фронтов 29 августа получили задачу сокрушить противостоящие силы противника и продолжить освобождение территории Литовской, Латвийской и Эстонской советских республик....

...2-му Прибалтийскому фронту под командованием генерала А.И.Еременко, наносившему основной удар в направлении Нитауре, Рига, предстояло во взаимодействии с другими Прибалтийскими фронтами разгромить противника непосредственно севернее реки Даугава и овладеть Ригой».

По счастью, боев в само́м этом прекрасном городе не было – почувствовав угрозу окружения, гитлеровцы отступили.

«Войскам, участвовавшим в освобождении Риги, приказом ВГК от 13 октября 1944 года объявлена благодарность и в Москве дан салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий».

Кто бы тогда знал, что первыми в столицу Латвии вошли сотрудники «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта! Накануне штурма города контрразведчики задержали и сумели разоблачить некоего Лангаса, немецкого агента, который рассказал, где в Риге дислоцируется подразделение «Абверштелле-Осланд». Возникла мысль захватить этот разведорган до начала наступления, пока гитлеровцы не успели вывезти или уничтожить документы. Для выполнения этой задачи был выбран капитан Михаил Поспелов[20], имевший опыт не только контрразведчика, но и комиссара партизанского спецотряда. С ним следовали еще четыре сотрудника и тот самый перевербованный агент...

Теперь вновь предоставим слово генералу Железникову, оставившему описание этой дерзкой операции: «Под покровом темноты Лангас провел группу в отдаленный уголок города, где на узкой старинной улочке стоял двухэтажный дом, в котором размещался один из отделов «Абверштелле-Остланд». Скрытно приблизившись к дому, разведчики бесшумно сняли часовых и ворвались в помещение. Казалось, что в доме никого нет, было темно и тихо. Разведчики подумали было, что операция пройдет без лишнего шума, быстро. Однако в некоторых комнатах оказались абверовцы, которые открыли огонь. Благодаря внезапности нападения группе удалось уничтожить гитлеровцев. Картотеку и сейфы с важными документами обнаружили быстро. Но или ночная стрельба привлекла внимание патрулей, или сработала какая-нибудь сигнализация – дом плотным кольцом окружили фашисты.

Завязалась жестокая, неравная схватка. Пятеро чекистов-смельчаков вели бой всю ночь. В ход пошли оружие и боеприпасы убитых в здании немцев и хранившиеся здесь же запасы патронов. Поспелов и сержант Любимов были ранены, но они продолжали драться».

Бой в окружении продолжался до рассвета и даже дольше, но потом, вдруг, явственно стали слышны приближающиеся автоматные очереди и разрывы гранат – Красная армия очищала улицы древнего города от фашистской нечисти. Немцы, окружавшие здание разведцентра, сняли осаду и бежали. В руках у сотрудников «Смерш» оказались ценнейшие документы, позволившие разоблачить агентурную суть, оставленную Абвером на территории Латвии.

Все участники боя были представлены к государственным наградам, однако Михаил Поспелов получил орден Красного Знамени лишь 30 лет спустя – за время его пребывания в госпиталях награда затерялась...

Боевые действия 2-го Прибалтийского фронта завершились в Прибалтике – его войска блокировали и уничтожали Курляндскую группировку противника, но 1 апреля победного 1945 года фронт был упразднен, а его войска вошли в состав Ленинградского фронта. Генерал-лейтенант Железников был тогда назначен начальником Управления контрразведки «Смерш» Горьковского военного

[20] Поспелов Михаил Андреевич (1921 – ?) – сотрудник Особого отдела Ленинградского фронта, УКР «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта; отличился в операции по захвату разведцентра «Абверштелле-Остланд» в г. Риге в октябре 1944 г. Проходил службу в Особом отделе Ленинградского военного округа до 1958 г. Майор, Почетный сотрудник госбезопасности.

округа, а в июле 1946 года – УКР МГБ по Северной группе войск, где пробыл четыре года, после чего возглавил Управление контрразведки МГБ по Группе советских оккупационных войск в Германии.

И вот как вспоминали о нем сослуживцы: «Николай Иванович пользовался большой любовью сотрудников и членов их семей, заботливо относился к ним, и, насколько мне известно, не было случая, чтобы он отказал кому-либо в житейской просьбе. Все любовно называли его "батей", и он действительно был для нас как отец родной. Любил спортивные мероприятия. Под его опекой были собраны лучшие футболисты из всей Группы войск, игравшие с классными командами ГДР. В Потсдаме на базе управления тренировалась команда ВВС, курируемая Василием Сталиным[21]. Была скомплектована сильная волейбольная команда из сотрудников. В выходные и праздничные дни волейбольная площадка никогда не пустовала. Для всех любителей этой замечательной игры на площадке не хватало места, и игра шла на «выбывание».

С большим уважением к Н.И.Железникову относилось и командование Группы войск. Главнокомандующий, он же Верховный комиссар в Германии от СССР, Маршал Советского Союза, герой Сталинграда Василий Иванович Чуйков[22] лично присутствовал на ответственных совещаниях руководящего состава контрразведки, глубоко вникал в их проблемы. В качестве примера можно привести эпизод, связанный с инспекционной проверкой работы управления в конце 1952 года центральным аппаратом МГБ под руководством полковника Выжлецова[23]. О ее результатах, как принято, докладывалось главкому. При этом упор Выжлецовым однобоко был сделан на недостатки и упущения. Но маршал не согласился с оценками проверяющих и взял под защиту контрразведчиков, заявив, что военный совет считает их работу удовлетворительной: они добились хороших результатов в борьбе с агентурой западных спецслужб, своевременно предотвращают изменнические проявления со стороны неустойчивых военнослужащих, оказывают необходимую помощь командованию в вопросах повышения боеготовности и боеспособности войск на всех уровнях. Главком выразил недоумение негативной оценкой труда контрразведчиков, назвав ее предвзятой. Далее заявил, что если в этом кроется какой-то скрытый умысел, то он сейчас же позвонит товарищу Сталину.

Выжлецову не оставалось ничего другого, как «дать задний ход» своим заявлениям. Из Москвы по результатам проверки никакого документа прислано не было».

В этом фрагменте воспоминаний прозвучало имя, чуть не ставшее для Железникова роковым: «Василий Иосифович Сталин».

Рассказывает генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов:

– Николай Иванович деловой человек был – в рабочем плане очень деловой! Мыслящий, смелый на решения – особенно по линии разведки. У нас тяжелейшая обстановка была, и мы на рискованные операции шли. Он всегда нас поддерживал. Кроме того, активно использовал сохранившуюся у него связь с Василием Сталиным – по Польше. Он там также был начальником Управления, а Василий – командующим ВВС. Поэтому когда он вылетал в Москву, Василий ему обязательно давал свой самолет. Я знаю, даже присутствовал при их разговорах по телефону на эту тему. Самолет Василия всегда отвозил его в Москву и обратно. Но, кстати, он никогда не подчеркивал свою связь с Василем Сталиным. Никогда! Это он мне, как партийному секретарю, упоминал, когда надо было лететь: «Наверное, мне Вася самолет даст», – в таком плане... Зато обстоятельство это было использовано Хрущевым для его компрометации – как человека, «близкого к верхам». Потому его тогда из Германии одним из первых и отозвали...

Но, несмотря на эту самую «близость к верхам», за которую тогда очень многие серьезно пострадали, «повесить» на генерала Железникова оказалось нечего и, сославшись на невыполнение каких-то формальных требований при предыдущем назначении, его направили начальником Особого отдела МВД – потом КГБ по Закавказскому военному округу.

В Тбилиси Николай Иванович провел без малого восемь лет, служил честно и добросовестно, передавал свой богатейший опыт молодым сотрудникам и не считал свое назначение какой-то «ссылкой на Кавказ». А вообще, Тбилиси был тогда замечательным городом! О том, как сейчас – трудно сказать, не знаем...

В 1961 году Железников получил назначение в Высшую школу КГБ при Совете Министров СССР, где он фактически создал и возглавил факультет военной контрразведки. При том, наладив командно-административную работу, Николай Иванович занялся еще научной и педагогической деятельности. На боевого генерал-лейтенанта, кавалера трех орденов Красного Знамени, ордена Кутузова II степени, орденов Отечественной войны I степени и Красной Звезды, Заслуженного работника НКВД, слушатели смотрели широко раскрытыми глазами.

Уволившись в запас в 1966 году, он работал в Научно-исследовательском институте технико-экономических исследований, где возглавлял научно-статистическое подразделение, был депутатом Ждановского районного совета.

Скончался Николай Иванович в 1974 году и погребен в Москве, на Введенском кладбище.

...Ветеран военной контрразведки генерал-майор Василий Афанасьевич Кириллов сказал нам о Железникове коротко и просто:

– Очень добрый человек был! Я его таким запомнил.

Скажем честно, редкая характеристика – особенно для начальника подобного уровня. Не случайно, значит, подчиненные называли его «батей».

---

[21] Сталин Василий Иосифович (с 9 января 1962 года – Джугашвили; 24 марта 1920–19 марта 1962) – военный летчик, генерал-лейтенант авиации (1949 г). Командующий ВВС Московского военного округа (1948–1952). Младший сын Иосифа Виссарионовича Сталина.

[22] Чуйков Василий Иванович (1900–1982) – Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза.

[23] Выжлецов Иван Витальевич (1908–1974) – полковник, помощник начальника 3-го Главного управления МГБ СССР.

ДЕСАНТ НА СЕЙСИН

(МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ КРЫГИН)

Сейчас уже мало кто скажет, что это за специальность – «наборщик ручного набора». А раньше именно наборщик был в типографии основным человеком, «аристократией». Хотя линотип, «строкоотливную машину», изобрели в конце XIX столетия, но и в XX веке, еще довольно долго, такая «роскошь» была только в больших типографиях, а в малых набор был ручной. Наборщик держал в левой руке «верстатку», а правой, со скоростью автомата, выбирал из «наборной кассы» необходимые литеры, выстраивая из них на «верстатке» строки, одну за другой. Работа требовала не только сноровки, но и грамотности, в противном случае чтобы подобрать правильные буквы пришлось бы по три раза перечитывать каждое слово в машинописном оригинале...

До призыва на срочную службу Михаил Крыгин трудился наборщиком в типографии многотиражной газеты, что выпускалась политотделом МТС. Чтобы узнать, что это такое, заглянем в Политический словарь 1940 года издания:

«Машинно-тракторные станции (МТС) – государственные производственные предприятия в деревне, обслуживающие колхозы новой, передовой техникой (тракторами, прицепными машинами и орудиями, автомашинами, комбайнами и т.д.). МТС – важнейший рычаг социалистической перестройки сельского хозяйства. Массовая организация МТС начата в 1929 г. по предложению товарища Сталина. Они помогают колхозам лучше организовать труд, повысить его производительность и поднять доходность колхозов... В 1938 г. в СССР насчитывалось 6 350 МТС, в которых было 394 тыс. тракторов, 127,2 тыс. комбайнов, 74,6 грузовых автомобилей...»

Все это – вводная информация, а теперь обратимся к нашему герою.

Родился он 18 июля 1918 года в селе Кабановка, Кинель-Черкасского района, Самарской области. Семья крестьянская, большая, пятеро детей... Как-то сумели пережить голод в Поволжье и в 1921–1922 годах, и в 1932–1933-м.

В 1929 году Крыгины вступили в колхоз – это осуществлялось тогда «добровольно-принудительным» образом, но, очевидно, польза от коллективного ведения хозяйства была, иначе пришлось бы гнуть спину на клочке земли с утра до вечера. А так Михаил сумел окончить семь классов и, видимо, с хорошими результатами – недаром же стал наборщиком. Работа при политотделе – даже на технической должности – подразумевала активное участие в комсомольской и общественной жизни. Известно, что Михаил входил в агитбригаду, занимался художественной самодеятельностью. Личная жизнь его тоже была успешной – женился довольно рано, но счастливо...

В 1939-м его призвали на срочную службу, и путь ему лежал дальний – в город Владивосток. В то время бурно развивались советские ВМС: совсем недавно, 11 мая 1937 года, Северная военная флотилия была преобразована в Северный флот, а немногим более чем двумя годами раньше, 11 января 1935 года, Морские силы Дальнего Востока были переименованы в Тихоокеанский флот. Туда, на Тихий океан, и получил назначение Михаил.

Можно думать, что ему пришлось пережить некоторое разочарование: вместо романтической службы на боевом корабле, ему была предложена (в армии «предложение» – это приказ и выбирать не приходится) служба на берегу. Краснофлотец Крыгин окончил курсы младших командиров во Владивостоке, а затем был направлен в 39-й отдельный батальон местной противовоздушной обороны Тихоокеанского флота. Но тут, очевидно, обратили внимание на его активность и грамотность, и Михаил был направлен на военно-политические курсы, откуда вернулся заместителем политрука. Что это такое – мы уже объясняли.

В 41-м, когда началась война, моряки-тихоокеанцы, как и все дальневосточники, с волнением слушали сводки Совинформбюро и ждали нападения японских милитаристов – но те гадали, кто кого возьмет на советско-германском фронте, а потому ограничивались разного рода провокациями и строили «амбициозные», весьма сомнительные по своей выполнимости, планы. Так, «в Японии продолжали надеяться на приход “благоприятного момента” для сокрушения Советского Союза. Планом операций против советских войск на Дальнем Востоке на 1943 г. предусматривалось наступление из районов Маньчжурии основными силами на восточном направлении (17 пехотных дивизий) и частью сил (5 пехотных и 2 танковые дивизии) – на северном.

Не менялись и установки на продолжение подготовки к войне против СССР военно-морского флота. В директиве начальника главного морского штаба № 209 от 25 марта 1943 г. предписывалось: “1. Объединенному флоту в самом начале войны силами авиации флота, используя и часть самолетов наземного базирования,



Герой Советского Союза старший лейтенант М.П. Крыгин.

подавить вражескую авиацию в районе Камчатки и южной части Сихотэ-Алиня... 2. Силы флота, основу которых составляет 5-й флот, должны во взаимодействии с сухопутными войсками внезапно захватить в самом начале войны порты Оха и Петропавловск"».

«Провокационные действия и угроза нападения со стороны Японии в ходе Второй мировой войны заставляли Тихоокеанский флот находиться в повышенной оперативной готовности с полностью развернутыми для действий командными пунктами и средствами связи. Все советские военно-морские базы обеспечивались с моря ближними дозорами.

Отработка боевых задач в соединениях и частях флота проводилась в обстановке, максимально приближенной к боевой. Тщательно изучался опыт обороны Таллина, Ханко, Одессы и Севастополя».

Понимая, что противник с нападением не торопится – и что там еще будет, бабушка надвое сказала, Тихоокеанский флот отправлял свои корабли на Север, где они дрались на Баренцевом, Карском и иных морях, а сражаться на сухопутье уходили морские стрелковые бригады – порядка 140 тысяч человек за все время войны. Остающиеся на берегах Великого океана писали рапóрты (моряки говорят только так), требуя направить на фронт. Одни просьбы удовлетворяли, другие – нет, у начальства были свои на то причины. В числе тех, кто оставался вдали от войны, был и Михаил Крыгин, хотя и просился на фронт регулярно.

Но, как мы знаем, он был человеком инициативным и активным и просто ждать у моря погоды – в прямом и в переносном смысле – не желал. Подумав, Михаил решил: ладно, не пускаете на явную войну, пойду на тайную, и (замполитрук – человек по должности своей осведомленный) подал рапóрт, чтобы его направили на курсы подготовки оперсостава при Особом отделе флота. Как раз тогда подходила реформа органов безопасности в целом и военной контрразведки в частности, а потому, говоря опять-таки флотским языком, на сей раз Михаилу «дали добро». Он был направлен на курсы и успешно прошел курс обучения, после чего стал оперуполномоченным Отдела контрразведки «Смерш» Владимиро-Ольгинской военно-морской базы.

Чтобы понять, какие задачи решает контрразведка, нужно знать, что представляют собой разведывательные органы противника и чем они занимаются.

«Разведывательная деятельность японцев против ТОФ направлялась русским отделением 3-го (разведывательного) отдела генерального штаба японского военно-морского флота и проводилась главным образом через японские военно-морские миссии, находившиеся в Корее и Маньчжурии (харбинскую, сеульскую и сейсинскую). Кроме того, против нашего флота действовали две резидентуры, непосредственно подчинявшиеся русскому отделению 3-го отдела морского штаба, созданные на Камчатке и Сахалине...

В задачи этих разведорганов помимо шпионско-диверсионной деятельности, направленной против Тихоокеанского флота, входило также ведение политической и экономической разведки.

Основную разработку японцы проводили через свою разветвленную сеть агентуры, нелегально перебрасывавшуюся на территорию СССР...»

Если же говорить о конкретной работе спецслужб противника, то вот, к примеру, что сообщали из УНКГБ по Хабаровскому краю: «С 25 сентября 1943 г. и по настоящее время нашими контрольными радиостанциями в районе г. Муданьцзяна и его окрестностях отмечается усиленная тренировка радистов, маскирующих свою работу под рации наших военных сетей, но применяющих старый (ныне отмененный) код связи Красной Армии. Характер этих тренировочных связей в районе г. Муданьцзяна аналогичен наблюдавшимся нами ранее тренировочным связям радиста рации "ЛВ", задержанного при переходе нашей госграницы.

Количество операторов, проходящих в настоящее время усиленную тренировку в районе г. Муданьцзяна, достигает 8 человек. Есть основания предполагать, что они готовятся для переброски на нашу территорию в самое ближайшее время».

А вот о чем сообщали из Главного управления пограничных войск: «1943 год дал некоторое снижение количества задержанной агентуры противника – 170 человек, против 222 в 1942 году. Однако это не может служить показателем снижения активности, так как количественное снижение перекрывается качеством перебрасываемой агентуры.

Истекший год является характерным тем, что японская разведка широко использовала на практической работе кадры квалифицированных агентов, подготовленных в прошлые годы, и значительно усилила подготовку их через специальные школы и курсы. Особенно тщательно готовились агенты из числа русских белоэмигрантов и изменников Родине.

Заслуживает внимания и то, что большинство агентов этой категории, как правило, при переходе на территорию СССР вооружалось и снабжалось хорошо технически оформленными документами, крупными суммами советских денег, радиопередатчиками, фотоаппаратами, компасами и схемами маршрутов движения по нашей территории».

Можно понять, что для военных контрразведчиков работы хватало.

Между тем «на Западе» – так дальневосточники именуют Российскую территорию, лежащую за Уралом, – про Дальний Восток и агрессивную Японию отнюдь не забывали.

С 4 по 11 февраля в Крыму, в Ливадии, близ Ялты, прошла вторая встреча руководителей держав Антигитлеровской коалиции – Сталина, Рузвельта и Черчилля, на которой, в частности, был решен вопрос о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке. Вот что говорилось в секретном соглашении:

«Руководители Трех Великих Держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к нему островов, <...>

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов...

Главы правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией. <...>».

С чего же это союзники оказались столь великодушны к СССР, что были даже согласны удовлетворить его территориальные притязания – вполне, как известно, справедливые? Ответ очевиден и прост.

«Стратегическая обстановка на Азиатско-Тихоокеанском театре войны к августу 1945 г. сложилась благоприятно для воевавших против Японии государств. Однако без вступления войск СССР в военные действия против Японии рассчитывать на быстрое завершение войны не приходилось. Будучи не в состоянии в короткий срок и без больших потерь разгромить противника собственными силами и заставить японцев капитулировать, США и Англия в феврале 1945 г. в очередной раз обратились к СССР с предложением выступить против Японии. В ходе работы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей союзных держав (17 июля – 2 августа 1945 г.) мнение американской стороны не изменилось. С учетом прочности позиций Японии на континенте Объединенный комитет начальников штабов США считал необходимым, чтобы "изгнанием японской армии с материка занялись русские"».

Понятно, что все те договоренности, о которых идет речь, не были известны дальневосточникам (кроме, разумеется, какого-то высшего уровня), а потому все были уверены, что война для них «стороной прошла». Но надо было служить – и служить честно, хотя бы для того, чтобы не услыхать презрительного: «Мы кровь проливали, а вы чем занимались?» Но все равно, было безумно обидно носить погоны и пребывать вдалеке от войны...

Крыгин добросовестно выполнял свои обязанности, так что на втором году офицерской службы получил чин старшего лейтенанта и был переведен оперуполномоченным Отдела контрразведки «Смерш» Островного сектора береговой обороны – Морского оборонительного района. Он также был награжден орденом Отечественной войны I степени. И, кстати, думая о перспективах, Михаил взялся за изучение английского и японского языков.

Война с Японией началась 9 августа 1945 года, о чем японский посол в Москве был проинформирован 8 августа. И в тот же день, 9-го числа, американцы сбросили вторую атомную бомбу на японский город Нагасаки, где погибло от 35 до 40 тысяч человек. Первая бомба, на Хиросиму, была сброшена 5 августа.

В отличие от «демократической» Америки, «тоталитарный» СССР с мирными жителями не воевал, и советская авиация получила совсем иные цели.

«Тихоокеанский флот начал военные действия массированными ударами авиации по японским портам в Северной Корее – Юки, Расин и военно-морской базе Сейсин.

Из корабельного состава активно действовали торпедные катера, потопившие в те дни несколько японских транспортов, а подводные лодки, развернутые в Японском море, почти не принимали участия в операции, так как японские корабли не заходили в зону действия Тихоокеанского флота.

Уже в первые два дня военных действий безраздельное господство в воздухе советской авиации, а также большие потери японского флота в транспортных судах привели к нарушению морских коммуникаций, связывавших Японию с Северной Кореей, Южным Сахалином и Курильскими островами.

Тихоокеанский флот активно содействовал войскам 25-й армии, наступавшим на корейском приморье. К исходу 10 августа части армии овладели городом Кейко (Кенхын) и начали преследовать противника, отходившего по дорогам вдоль восточного побережья Кореи. Командующий флотом адмирал И.С.Юмашев[1] принял решение, одобренное Маршалом Советского Союза А.М.Василевским[2], на высадку десантов в Юки, Расин и Сейсин, чтобы помешать отходившим войскам противника переправиться морем в Японию».

Вместе с десантами следовали оперативные группы ОКР «Смерш» Тихоокеанского флота – их задачей был розыск сотрудников и агентуры японских спецслужб, захват оперативных документов.

Михаил Крыгин входил в состав оперативной группы, которой была поставлена задача захватить японскую военно-морскую миссию в Сейсине <ныне – Чхонджин, Северная Корея> и ее руководите-

[1] Юмашев Иван Степанович (1895–1972) – адмирал (1943), Герой Советского Союза (1945). С марта 1939 г. по январь 1947 гг. – командующий Тихоокеанским флотом, затем – главнокомандующий ВМС и заместитель министра Вооруженных сил СССР.

[2] Василевский Александр Михайлович (1895–1977) – Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. Начальник Генерального штаба в 1942–1945, 1946–1948 гг. Во второй половине 1945 г. – главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке в войне с Японией.

ля капитана 1 ранга Минодзума[3]. Группа была включена в первый эшелон десанта.

«Особенно ожесточенные и кровопролитные схватки развернулись за порт Сейсин – укрепленную с моря и оборудованную в инженерном отношении военно-морскую базу японского флота. Первая группа советских десантников (около 200 человек) смогла захватить лишь небольшой плацдарм на побережье. Японцы провели мощную контратаку, которая едва не достигла успеха. Лишь мужество советских морских пехотинцев спасло положение. Бои продолжались здесь еще несколько дней. Но в конечном итоге Сейсин был освобожден. Японскому командованию так и не удалось эвакуировать на территорию метрополии сколько-нибудь значительные контингенты войск».

Старший лейтенант Михаил Крыгин погиб в первые сутки боев за Сейсин.

«13 августа 1945 года началась высадка десанта. Катер, на котором находился Крыгин, в силу сложившихся обстоятельств подошел к берегу в стороне от основных сил десантников.

Михаилу вместе с бойцами пришлось прорываться к своим через хорошо оборудованный укрепрайон японцев. Силы были неравные, и Крыгин приказал оставшимся в живых десантникам отходить к гавани, а сам, собрав оружие и боеприпасы погибших, остался прикрывать отход. В неравном бою он пал смертью храбрых. Контрразведчик с честью выполнил долг чекиста и своими действиями обеспечил успех операции по овладению военно-морской базой противника. Хотя Михаил Крыгин погиб в первый же день боев за Сейсин, задание по захвату миссии и аресту Минодзумы было выполнено. Выполнено его товарищами. Прах героя покоится в братской могиле на одной из центральных улиц Сейсина».

В наградном листе написано так: «Тов. Крыгин принимал непосредственное участие в высадке десантного разведывательного отряда в порт Сейсин. Вместе с отрядом принимал участие в боях против японских захватчиков. В бою тов. Крыгин показал пример бесстрашия и мужества, увлекая за собой бойцов разведотряда, 12 раз ходил в атаку на врага. В боях с японскими захватчиками, борясь за свободу и независимость нашей Родины, тов. Крыгин пал смертью героя 14 августа 1945 года».

...Известно, что японцы (есть у них такие «боевые» традиции) искололи тело погибшего штыками, вырезали на нем кровавые звезды...

В биографическом словаре «Герои Советского Союза» допущена неточность – там написано: «...старший лейтенант Крыгин во главе разведгруппы 13 августа 1945 года высадился в порту Сейсин... Группа заняла разведывательный центр противника и захватила ценные документы. Увлекая за собой бойцов, Крыгин 12 раз водил их в атаку на врага».

Нет, к сожалению, никаких разведцентров группа Крыгина не занимала и документы не захватывала – просто, эти парни геройски дрались и погибли в неравном бою, отвлекая на себя силы противника и тем самым помогая десанту. Оперативную работу за них выполнили другие, их товарищи. Эти ребята – такие же молодые, как Михаил Крыгин, которому всего-то было двадцать семь лет, сумели обнаружить, задержать и полностью изобличить аса шпионажа Минодзуму и всю его «команду». А ведь никто не знал не только того, где искать этого таинственного резидента, но даже и то, как он выглядел.

«Как классической пример розыскной работы можно привести масштабные оперативные мероприятия по розыску начальника японской венно-морской миссии в городе Сейсине капитана 1 ранга Минодзумы Дзюндзи. Работавшая в Сейсине опергруппа не обнаружила ни одного документа, проливающего свет на работу миссии и лично Минодзумы. Однако при осмотре принадлежащей ему квартиры, среди мусора, было обнаружено несколько частных писем...»

Найденные письма прямого отношения к Минодзуме не имели, их писала официантка, его обслуживавшая, но это оказалось той «ниточкой», потянув за которую, контрразведчикам постепенно удалось раскрутить весь «клубок». Одного за другим задерживали они сотрудников миссии, получали информацию, уверенно шли по следу – и, в конце концов, капитан 1 ранга, остриженный и обритый, переодетый в штатское, с документами на чужое имя, был опознан в лагере для беженцев в Гензане... Чтобы облегчить свою участь, «потомственный самурай» поспешил «сдать» находящихся вместе с ним в лагере двух агентов японской разведки и пятерых сотрудников своей миссии – в том числе шифровальщицу... Но это, в конечном итоге, не спасло его от вполне заслуженной «высшей меры» по приговору советского трибунала.

Можно также уточнить, что «С августа 1945 г. по январь 1946 г. оперативными сотрудниками ОКР "Смерш" ТОФ в Корее было задержано и проверено 1695 человек, из них 62 арестовано, 62 передано органам "Смерш" НКО и 33 – органам НКГБ СССР».

Но все это было уже потом, после той скоротечной войны и после капитуляции Японии. Однако разгром войск агрессивного дальневосточного соседа отнюдь не был бы таким молниеносным, если бы не героизм личного состава Красной Армии и Красного Военно-Морского Флота. А первые подвиги в этой войне – такие, как подвиг старшего лейтенанта Михаила Крыгина, – явились тем камертоном, что сразу настроил советских воинов на быструю и решительную победу, скорейшее завершение Советско-японской и всей Второй мировой войны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 года был установлен День победы над Японией – 3 сентября.

А менее чем через две недели, 14 сентября, старшему лейтенанту Михаилу Петровичу Крыгину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

---

[3] Минодзума Дзюндзи (1887–1947) – японский разведчик, капитан 1 ранга. Резидент во Владивостоке, начальник русского отделения 3-го отдела Главного морского штаба, руководитель военно-морской миссии в Сейсине.

ВОЙНА В ЭФИРЕ И ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
(ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ УТЕХИН)

Можно сказать, что на службу в органы безопасности Георгий Валентинович Утехин пришел в 1933 году из кино. С 1919 года он учился в театральном училище в городе Симбирске, в 1926-м поступил в Ленинградский фототехникум, после окончания которого в 1930 году работал помощником кинооператора на Ленинградской фабрике «Союзкино».

Впрочем, это только часть его биографии – были моменты и несколько иного плана. Родился он в Санкт-Петербурге в 1906 году (точная дата нигде не зафиксирована!) в семье военного врача. О служебном положении отца можно только догадываться, хотя – столичный Петербург, войска, в основном, гвардия, – так что, всего скорее, папенька пребывал не менее, как в штаб-офицерских чинах[1]. Потом, очевидно, Мировая война и последующие события вынесли семью Утехиных из Петрограда в провинцию, где во многих отношениях было несколько проще... Пятнадцатилетний Георгий стал «встраиваться» в новую жизнь и с 1921 года трудился делопроизводителем, а затем техническим секретарем, в комитете комсомола 3-го Симбирского патронного завода. Потом была служба в отряде ЧОН ГПУ, в Туркестане, где ему, вроде бы, пришлось драться с басмачами. Возвратившись в Симбирск в 1924 году, Утехин окончил школу 2-й ступени и работал кочегаром и помощником электромонтера на том же патронном заводе. Но через год его зачем-то занесло в далекий Андижан, где он трудился на маслозаводе «Красный Узбекистан», после чего возвратился в город на Неве, имея прекрасную трудовую, боевую и общественную биографию, что открывало перед ним все дороги, которые могли оказаться наглухо закрытыми при «неправильном», так сказать, происхождении. Все-таки, военврач считался «царским чиновником».

Ну а в 1933 году Утехин был приглашен на работу в ОГПУ, и вся довоенная его служба проходила в Ленинграде. Сначала – в Особом отделе Ленинградского военного округа, потом – в экономическом отделе Полномочного представительства ОГПУ/УНКВД по Ленинградской области. В конце 1940 года он стал начальником экономического отдела областного управления, а в марте следующего года возглавил контрразведывательный отдел УНКГБ по Ленинградской области.

После начала Великой Отечественной войны Утехин, как и многие «территориалы», был переведен в военную контрразведку. Майор государственной безопасности, он возглавил Особый отдел НКВД 23-й армии Ленинградского фронта. Точную дату его вступления в должность мы не знаем, так что кто именно командовал тогда войсками объединения – генерал-лейтенант Пшенников[2], генерал-лейтенант Герасимов[3] или уже генерал-майор Черепанов[4] – сказать трудно.

23-я армия была сформирована в Ленинградском округе в мае 1941 года и прикрывала установленную после Зимней войны границу с Финляндией, участок, проходивший по Карельскому перешейку севернее и северо-восточнее Выборга – от Финского залива за Ладожское озеро и город Сортавалу.

Подробно описывать ожесточенные бои, происходившие здесь в августе-сентябре 41-го, мы не станем, ограничившись обобщением из «Истории Второй мировой войны»: «Большого напряжения достигла борьба на северных и северо-восточных подступах к Ленинграду. Но и здесь враг не добился намеченных целей.

Наступление Юго-восточной армии финнов к 1 сентября было остановлено у государственной границы 1939 г. – в Карельском укрепленном районе. Войска 23-й армии под командованием генерала А.И.Черепанова во взаимодействии с силами Краснознаменного Балтийского флота, Ладожской военной флотилии и авиацией Северного флота отразили все попытки финнов прорвать оборону, нанесли противнику серьезный урон и в конце сентября вынудили его прекратить наступательные действия. Фронт на северных подступах к Ленинграду стабилизировался до июня 1944 г.».

«Фронт стабилизировался»... «противник прекратил наступа-

---

[1] Чины с VIII по VI класс по «Табели о рангах». Гражданский чин V класса – «статский советник», считался промежуточным между штаб-офицерскими и генеральскими чинами.

[2] Пшенников Петр Степанович (1895–28 декабря 1941) – генерал-лейтенант (1940). Командовал 23-й армией в составе Северного фронта до 6 августа 1941 года, затем – 8-й армией; 22 сентября назначен командующим Невской оперативной группой на Ленинградском фронте. 13 декабря 1941 г. – командующим 3-й армией Брянского фронта.

[3] Герасимов Михаил Никанорович (1894–1962) – генерал-лейтенант (1940). С 6 августа 1941 г. – командующий 23-й армии, 8 сентября 1941 г. – в распоряжении командующего войсками Ленинградского фронта. Затем – заместитель командующего войсками Калининского и 2-го Прибалтийского фронта. С 16 августа по 5 октября 1944 г. – командующий войсками 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, потом – главный инспектор пехоты РККА.

[4] Черепанов Александр Иванович (1895–1984) – штабс-капитан; генерал-лейтенант (1943). В августе 1938 – ноябре 1939 гг. – главный военный советник в Китае. Главный инспектор при главкоме Северо-Западного направления (с июля 1941 г.), командующий 23-й армией (сентябрь 1941 – июль 1944). С ноября 1944 г. – заместитель председателя, с мая 1947 г. – председатель Союзной контрольной комиссии в Болгарии и главный советник Болгарской армии.

тельные действия»... Звучит даже успокаивающе, но это совсем не значит, что на данном участке нет совершенно никакой войны и противостоящие стороны, не обращая внимания друг на друга, живут «параллельной» мирной жизнью. «Параллельной» – потому, что так расположены окопы по отношению друг к другу. Впрочем, о том, что происходило на фронте, можно узнать из боевых хроник и воспоминаний, а нам гораздо интереснее то, что такие условия весьма способствовали организации тайной войны. В тыл 23-й армии Абвер, «Цеппелин» и тому подобные «конторы», в том числе, разумеется, и финская военная разведка, направляли не «муку́ грубого помола», как в 1941-м, а достаточно квалифицированную агентуру. В докладной записке Особого отдела, адресованной представителю Ставки на Ленинградском фронте маршалу Ворошилову, содержатся тому примеры:

«Агент германской разведки Сигушин Тимофей Тимофеевич, русский, б/п.

В ноябре 1941 г. Липицо-Зыбинский район Тульской области, где проживал Сигушин до службы в Красной Армии, был оккупирован немцами.

Во время нахождения его на оккупированной территории за несколько дней до освобождения от немцев с. Воскресеновка Сигушин был завербован находящимся у него на квартире немецким офицером для разведывательной деятельности, от которого получил задание – остаться в селе, внедриться в Красную Армию и проводить там разложенческую работу среди красноармейского состава, создавая изменнические группы для перехода к немцам.

После освобождения с. Воскресеновка от немцев Сигушин был направлен в спецлагерь НКВД, откуда прибыл на Ленинградский фронт и зачислен в 98-й сп 10-й сд.

Выполняя задание немцев, Сигушин проводил контрреволюционную, разложенческую агитацию и совместно с другими агентами разведки противника Шадским и Осокиным сколачивал изменнические группы из числа малоустойчивых красноармейцев.<...>

В сентябре с.г. в 1025 стр. полку 291-й стр. дивизии ликвидирована изменническая группа в составе 9 человек, возглавляемая красноармейцем Савицким.

Активным участником группы являлся сержант Громов, член ВКП(б), неоднократно участвовавший в сборищах группы и обсуждавший в контрреволюционном духе решения правительства, извращая установки, полученные в партийной организации, а потом Громов дал согласие Савицкому на переход к противнику и готовился его осуществить совместно с группой. <...>».

Конечно, теперь кто-то может рассуждать, что все это на самом деле было придумано особистами и вышеуказанные «товарищи», приговоренные к высшей мере наказания, – невинные жертвы «незаконных репрессий». Но вот цифры из той же докладной записки: с начала войны и до 1 мая 1942 года на Ленинградском фронте перешли на сторону противника 1505 военнослужащих, с мая по 1 декабря 1942 года – 249 человек. Кстати, из этих 249-ти 32 человека относились к 23-й армии. (Малоизвестный факт, но в том же документе сказано, что в 1942 году в оборонявшей Ленинград 55-й армии были случаи «братания» с гитлеровскими вояками!) В общем, все было очень непросто... Но это понятно и без нас.

Георгий Валентинович работал хорошо и, что не менее важно, находился в контакте с командованием армии. Свидетельством тому – характеристика, очевидно, данная ему перед назначением на новую должность:

«Тов. Утехин оказывает энергичную помощь Военному совету и политотделу армии в наведении твердого воинского порядка, в насаждении железной воинской дисциплины и в борьбе с аморальными явлениями в армии... сочетает богатый практический опыт с умением глубоко анализировать и обобщать факты, доставляя ценные материалы Военному совету и политотделу армии. Отличительной чертой работы Утехина являлась прямая, острая постановка перед командованием армии актуальных вопросов. Пользовался заслуженным авторитетом среди начальствующего состава армии».

14 января 1943 года полковник Утехин был назначен начальником Особого отдела 2-й гвардейской армии Южного фронта. Армия, которой командовал генерал Малиновский, – вскоре его сменит генерал Крейзер[5] – отличилась в Сталинградской битве, сыграв решающую роль в отражении удара немецких войск, пытавшихся деблокировать окруженную группировку со стороны Котельниково. 13-го февраля части 2-й гвардейской освободили Новочеркасск и до июля остановились перед «Миус-фронтом» – оборонительным рубежом немцев на западном берегу реки Миус. Прорыв «Миус-фронта» произойдет уже после того, как Георгий Валентинович будет отозван в Москву, где его ожидало новое назначение.

21 апреля 1943 года Сталин утвердил положение о Главном управлении контрразведки «Смерш» и его органах на местах. В 5-м разделе, «Организационная структура органов “Смерш”», указывалось:

«3-й отдел – борьба с агентурой противника (парашютистами), забрасываемой в наш тыл;

4-й отдел – контрразведывательная работа на стороне противника в целях выявления каналов проникновения агентуры противника в части и учреждения Красной Армии».

Изначально Утехин возглавил 3-й отдел. Говоря о работе этого отдела, прежде всего, нужно отметить следующее: «Во время Второй мировой войны спецслужбы освоили новую сферу противоборства – радиоэфир. Здесь, в так называемом «четвертом измерении», разгорелась настоящая битва. Радиоигры с разведкой противника стали одним из направлений деятельности контрразведки. Первой на вооружение приняла их немецкая контрразведка, затем – контрразведка НКВД и ГУКР «Смерш».

«Война в эфире» с германскими спецслужбами была начата в 1942 году. Ее вели 4-е Управление под

[5] Крейзер Яков Григорьевич (1905–1969) – генерал армии (1962), Герой Советского Союза (1941). Командующий 2-й гвардейской и 51-й армиями.

руководством П.А.Судоплатова, 1-й (немецкий) отдел 2-го Управления, в составе которого функционировало отделение по радиоиграм, а также территориальные органы НКВД СССР»[6].

Нет смысла объяснять, что когда несколько структур занимаются одним и тем же делом, тем более – прикрытым завесой секретности, они, в конечно итоге, могут начать «играть» друг против друга. К тому же, дезинформация, подготовленная, допустим, Управлением особых отделов вполне могла противоречить тому, что передавала гитлеровцам военная разведка.

И вот – пример сказанному.

«Весной 1943 года при отступлении немецких войск из Краснодарского края орган германской военно-морской разведки оставил в станице Славянской двух своих агентов (Рашида Мухаммедова и Виталия Яковлева) с радиостанцией.

Продержались они недолго. После двух сеансов связи советские контрразведчики вычислили место, откуда велась радиопередача. Правда, без шума агентов задержать не удалось: Яковлев был убит, а Мухаммедов ранен в перестрелке.

Было решено начать радиоигру, при этом переместив радиоточку в новое место...»

Операция получила кодовое наименование «Салават». А дальше вышло именно так, как мы говорили: «Работа радиоточки «Салават» была замечена службами радиоперехвата и дешифрования НКГБ СССР, которые, естественно, не знали о радиоигре военных контрразведчиков. Руководство НКГБ СССР обратило внимание ГУКР «Смерш» на переговоры противника, в которых сообщалось о передвижениях войск в полосе ответственности Северо-Кавказского фронта, полагая, что это явится основанием для розыска немецкого агента. В свою очередь ГУКР «Смерш» запросил Управление контрразведки «Смерш» СКФ. 29 апреля 1943 г. начальник УКР СКФ генерал-майор М.И.Белкин доложил заместителю начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-майору П.Я.Мешику: «Сообщенные Вами данные по материалам «радиоперехват» о получении немцами сведений военно-разведывательного характера являются нашим «дезом», сообщенным германской военно-морской разведке по рации агента «Салават»... Для ориентировки по делу просим дать указание в дальнейшем о контроле в эфире за сообщениями германской военно-морской разведки, касающимся работы на рации «Салават» и результаты сообщать нам».

По этой причине Ставка и приняла решение передать почти все радиоигры, так сказать, в одни руки. (Заметим, что описываемое нами выше происходило уже в то время, когда «хозяин» у радиоигр был один – и то проблемы возникали...)

«Как известно, решение ГКО по указанному выше вопросу было принято в апреле 1943 г., практически одновременно с реорганизацией Управления особых отделов НКВД в Главное управление контрразведки НКО «Смерш». Как и предлагал Л.П.Берия, в Генеральном штабе создали специальную группу по подготовке дезинформационных материалов. Более того, вся работа по организации и проведению радиоигр с противником была сконцентрирована в ГУКР НКО «Смерш», куда в полном составе перешло одно из отделений 1-го отдела Контрразведывательного управления НКВД СССР, ранее отвечавшее за радиоигры. В штате вновь созданного Главного управления военной контрразведки Наркомата обороны предусматривался 3-й отдел с задачей организации войны в эфире – проведения операций литер «Э» (эфир). Начальником отдела стал полковник Г.В.Утехин, а затем генерал-майор В.Я.Барышников.

С этого времени и до конца Великой Отечественной войны за разработку планов радиоигр, координацию работы фронтовых аппаратов «Смерш» и соответствующих управлений и отделов военных округов отвечали сотрудники 3-го отдела Г.Григоренко, С.Елин, И.Лебедев, Д.Тарасов. Они же зачастую непосредственно работали с перевербованными агентами-радистами, участвовали в поимке немецких шпионов».

Уточним, что радиоигра «Салават» продолжалась до сентября 1943 года – и весьма успешно. В частности, 27 августа, «по приглашению» «Салавата», с самолета с парашютами были сброшены три немецких агента, которых «смершевцы» взяли без единого выстрела.

Но это, разумеется, отнюдь не «рекорд» по количеству арестованной агентуры врага. К примеру, в результате реализации операции «Арийцы» было сожжено два тяжелых самолета Ю-290, захвачен 21 и уничтожено 12 десантников и членов экипажей самолетов...

Закрывая тему, можем сказать, что «Всего за годы Великой Отечественной войны органами советской контрразведки было проведено 183 радиоигры с противником, ставших, по сути, единой «Большой игрой» в радиоэфире. На немецкие спецслужбы обрушилась масса умело подготовленной и выверенной дезинформации, значительно снизившей эффективность их работы. Франц фон Бентивеньи[7], в частности, отмечал: «По нашей оценке, исходя из опыта войны, мы считали советскую контрразведку чрезвычайно сильным и опасным врагом. По данным, которыми располагал Абвер, почти ни один заброшенный в тыл Красной Армии немецкий агент не избежал контроля со стороны советских органов, и в основной массе немецкая агентура была русскими арестована, а если возвращалась обратно, то зачастую была снабжена дезинформационным материалом».

В «войне в эфире» советские контрразведчики широко применяли новейшие оперативно-технические средства».

Кстати, «во время радиоигр было выявлено и обезврежено свыше 400 агентов и официальных

---

[6] Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1, М., 2008. С. 125.

[7] Бентивеньи Франц Арнольд Эккард фон (1896–1958) – один из руководителей Абвера, генерал-лейтенант (1945). С 1939 г. – начальник 3-го отдела в управлении Абвера. С 1944 – командир 81-й пехотной дивизии; дивизия была разгромлена в составе группы армий «Курляндия», а сам Бентивеньи был взят в плен советскими войсками 08.05. 1945 в Латвии.



Генерал-майор Г.В.Утехин.

сотрудников немецкой разведки.

Во многом это стало возможным благодаря тому, что по инициативе В.С.Абакумова органы госбезопасности добились правовой возможности освобождать от ответственности за шпионаж тех агентов противника, кто добровольно явился с повинной, не желая выполнять задания германской и иных разведок».

У истоков этой работы и стоял Георгий Валентинович Утехин, и в том, что были достигнуты такие успехи – немалая его заслуга. Наградой за эту работу полковнику стал орден Отечественной войны I степени, полученный в ноябре 43-го, а в феврале того же года он был награжден орденом Красного Знамени.

23 сентября 1943 года полковник Утехин был назначен начальником 4-го отдела, занимавшегося «зафронтовой работой» – внешней контрразведкой, как это называется в разведке.

«Ведением «контрразведывательной работы на стороне противника в целях выявления каналов проникновения его агентуры в части и учреждения Красной Армии» в ГУКР «Смерш» занимался 4-й отдел, которым сначала руководил генерал-майор Петр Петрович Тимофеев, а с февраля 1944 года и до конца войны – генерал-майор Георгий Валентинович Утехин. Отдел, численностью 25 человек, состоял из двух отделений: одно готовило агентуру для действий за линией фронта, другое работало с полученными материалами. В Действующей армии контрразведывательную работу в тылу противника вели 2-е отделы фронтовых управлений «Смерш».

Работа эта проводилась эффективно и по нарастающей: за первые десять месяцев существования ГУКР «Смерш» в германские разведывательные органы и школы было внедрено 75 агентов, из них 38 – то есть половина, возвратились, успешно выполнив свои задачи. Они представили сведения на 359 сотрудников германской военной разведки и на 978 шпионов и диверсантов, подготавливаемых для переброски в наш тыл. В итоге 176 разведчиков противника были арестованы, 85 явились с повинной, а пятеро завербованных сотрудников германской разведки оставались работать в своих подразделениях по заданию «Смерш». Под влиянием нашей агентуры ряды власовской «Русской освободительной армии» покинули 1202 человека».

И вот еще некоторые конкретные результаты.

«В апреле – мае 1944 г. во фронтовых управлениях военной контрразведки работали инспекторские группы центрального аппарата. Они предметно изучили зафронтовую работу подчиненных органов. В итоговом отчете указывалось, что с 1 октября 1943 г. по 1 мая 1944 г. всего органами «Смерш» переброшено в тыл противника 345 агентов, включая 50 перевербованных разведчиков и диверсантов врага. Из общего числа переброшенных вернулись 102 агента, то есть менее одной трети. А в спецслужбы германской, румынской и финской армий внедрились всего 57 агентов, из которых 31 человек продолжал выполнять задания в тылу врага. Те, кто сумел проникнуть в разведывательные, контрразведывательные органы, в школы по подготовке агентуры, перевербовали в наших интересах 69 германских разведчиков, а еще 29 немецких агентов явились с повинной в органы госбезопасности по заранее оговоренным паролям. В результате чекисты смогли задержать 43 агента врага. Кроме того, зафронтовая агентура представила информацию на 620 официальных сотрудников разведорганов и 1103 их агента. Все они были объявлены в розыск, и к исходу апреля 1944 г. 273 разведчика и диверсанта оказались в руках «смершевцев» и сотрудников НКВД-НКГБ».

Сколько же интереснейшей информации и удивительных человеческих судеб стоит за этими, как говорится, сухими цифрами!

Приведем всего лишь один пример.

Еще в июне 1942 года Особым отделом НКВД 20-й армии Западного фронта был переброшен через линию фронта красноармеец Алексей Семенович Соболев. Он попал в Вяземский лагерь для военнопленных, сумел заинтересовать своей «легендой» немецких вербовщиков и оказался в Смоленской диверсионной школе, подчиненной абверкоманде-203.

Абверовцы и не подозревали, что под влиянием Соболева двенадцать курсантов, после переброски их через линию фронта, прямиком направятся в особые отделы. Один из них передаст особистам письменный отчет «Михайлова». Доверяясь своим «соученикам» по разведшколе, он смертельно рисковал, но выбор его оказывался безошибочным. Все те курсанты, кому Соболев открылся, были если не беззаветными советскими патриотами, то хотя бы людьми, искренне желающими искупить свою вину перед Родиной.

Наверное, наибольшим риском была попытка «Михайлова» привлечь к сотрудничеству бывшего начштаба батальона РККА капитана Петра Марковича Голокоза, сотрудника абверкоманды-203. Как правило, персоны такого ранга являлись патентованными предателями, законченными сволочами. Но, очевидно, Алексей Соболев обладал особым даром понимания людей: капитан Голокоз стал ему верным и надежным помощником.

В конце января 1943 года Соболев, при содействии партизан, перешел через линию фронта и передал в Особый отдел НКВД Калининского фронта ценнейшую

информацию. Голокоз, пользуясь «наработками» товарища, также связался с партизанами и сумел вооружить на борьбу с гитлеровцами двадцать восемь «народных мстителей». В июле 1943 года, уже на территории Белоруссии, он умудрился завести карателей, отряд из 84 человек, в партизанскую засаду. Немцы сложили оружие, а Петр благоразумно отправился через линию фронта...

В итоге работы Соболева и Голокоза двадцать девять выпускников Смоленской школы после переброски их через линию фронта явились в отделы «Смерш», а двадцать один курсант отправился к партизанам... В каждую диверсионную группу Голокоз включал «своего человека», который должен был связаться с контрразведкой и сдать туда своих «товарищей».

Работа агентов получила высокую оценку «Центра» – они были награждены орденами Красного Знамени.

В феврале 1944-го Соболев-«Михайлов» был выведен в тыл противника в составе оперативно-чекистской группы. Он погиб 8 мая, возвращаясь с задания.

Подобных примеров героической работы агентов и сотрудников «Смерш» во вражеском тылу можно привести немало. Впрочем, они есть и в нашей книге.

...Люди непосвященные порой представляют себе разведку в несколько упрощенном варианте: мол, пришел разведчик к немцам и успешно действует. Но все было гораздо сложнее и, главное, далеко не так результативно, как бы хотелось. Вот выдержки из справки о результатах зафронтовой работы УКР «Смерш» фронтов за период с 15 февраля по 20 ноября 1944 года, подписанной генерал-майором (только что присвоили, в начале месяца) Утехиным:

«За отчетный период... переброшено в тыл противника с контрразведывательным заданием 160 агентов...

За этот же период возвратилось из тыла противника 99 агентов...

Из числа возвратившихся из тыла противника агентов: а) выполнили задание – 34; б) не выполнили задание – 65. <...>

Не возвратилось из тыла противника наших агентов из числа переброшенных в отчетном периоде – 106, из них:

а) внедрилось в германские разведывательные органы и выполняют наши задания в тылу противника – 15 агентов;

б) явилось в органы «Смерш» связников от нашей агентуры, выполняющей задание в тылу противника, – 3;

в) находится в лагерях военнопленных, угнано в тыл Германии и репрессировано немцами – 20 агентов;

г) неизвестна судьба переброшенных в тыл противника – 71 агента».

Не будем говорить об успехах, в этой же справке перечисленных: названо 208 официальных сотрудников и 479 агентов германской разведки, перевербовано 18 агентов и 54 «обработано на явку с повинной»... Между тем пятнадцать человек внедрились в разведорганы, трое дали о себе знать, но двадцать оказались в лагерях, угнаны в Германию или расстреляны, а где еще семьдесят один человек – вообще вопрос. Кто-то мог погибнуть при переходе линии фронта, кого-то расстреляли потом, но это осталось неизвестным, а кто-то не понравился товарищам по лагерному бараку – уж слишком перед «фрицами» выслуживается (а у него «легенда» такая!) – вот и проломились под ним доски в лагерном нужнике. Кстати, это был испытанный способ жуткой смерти: новые досочки приколотить недолго – и никаких следов...

В России говорят, что «на миру и смерть красна». Разведчик, уходивший за линию фронта, прекрасно понимал, что если что не так, то ему «красной смерти» не будет – ему суждены неизвестность и забвение. Но люди шли, потому что это было надо. Потому что они защищали Родину.

Красивые, высокие слова? Безусловно! Только иной мотивации тут не было.

И был еще человек, который отправлял этих бойцов почти на верную смерть. Вспомним: пятнадцать и три (но при том никакой гарантии, что они вернутся!) – двадцать и семьдесят один (дай Бог, чтобы они появились хотя бы после победы!). Такое вот жуткое соотношение. Георгий Валентинович руководил всей этой работой. Не будем гадать, что чувствовал он и думал, и направляя за линию фронта молодых ребят и девчонок, и получая потом сообщения, что они остались верны Военной Присяге или же бесследно исчезли ...

4-м отделом ГУКР генерал-майор Утехин руководил до преобразования «Смерш» в Третье управление МГБ СССР. Потом работал в центральном аппарате МГБ, два года руководил его Первым управлением – внешней контрразведкой, однако 29 октября 1951 года его постигла та же судьба, что и многих руководителей «Смерш»: был снят с должности и арестован по пресловутому «делу Абакумова». Конечно, на него навесили много разных грехов – «антисоветская деятельность», «вредительство», «заговор в МГБ». И кому хватало ума обвинять в антисоветской деятельности людей, которые, не щадя своей жизни, защищали Советскую власть на фронтах Великой Отечественной войны?

Потом все обвинения сняли. Его даже восстановили на службе – правда, чуть-чуть подержав в Центре, отправили от греха (вернее – от Москвы) подальше, и с серьезным понижением. В генеральском звании Утехин возглавлял отдел сначала в Управлении МВД, а затем – в Управлении КГБ по Челябинской области. Но то ли действительно здоровье оказалось подорвано, то ли все настолько надоело, однако в ноябре 1955 года Георгий Валентинович уволился в запас по болезни и возвратился в столицу. В Москве он почти тридцать лет трудился на разных должностях в Госкомитете СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды (названия менялись, учреждение оставалось тем же).

В мае 1985 года Утехин вышел на пенсию, а скончался он в сентябре 1987 года.

«ПОСЛЕДНИЙ БОЙ – ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ»
(АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ МАТВЕЕВ)

Утром 22 июня 1941 года первому секретарю Запорожского горкома комсомола Украины Александру Матвееву позвонили из областного комитета – и звонок этот напрочь изменил всю его жизнь. Нет, разумеется, все переменила война, а вызов в обком являлся следствием того. Матвееву было приказано немедленно прибыть в Одессу, в Особый отдел Одесского военного округа...

Пять дней спустя, после короткой подготовки, он уже именовался старшим оперативным уполномоченным Особого отдела 253-й стрелковой дивизии.

30 июля Матвеев впервые увидел немцев. Так получилось, что из-за поломки транспорта они с комиссаром полка и политотдельцем из дивизии оказались посреди степи, а мимо шли прорвавшиеся танки, затем – колонна мотоциклов. Гитлеровцы сидели по трое, в расстегнутых мундирах с засученными рукавами, и у них был вид победителей. Александр упер свой ППШ диском на кочку и, подпустив передний мотоцикл метров на 30–40, прицелился. Очередь! Мотоцикл перевернулся, на него наскочил другой, на дороге образовалась «куча мала» – кто-то падал, кто-то в испуге бежал прочь... Все произошло за считанные секунды, ведь в бою диск на 71 патрон расходуется очень быстро.

Потом они укрылись на поле посреди подсолнухов, а немцы стреляли наугад, но видеть их не могли и никого не задели... В тот день Матвеев понял, что фашистов можно бить. Но главные бои были, разумеется, еще впереди.

Вот что когда-то рассказывал нам Александр Иванович: «Еще в августе на Днепре, когда мы занимали оборону в районе населенного пункта Балки, был получен приказ любой ценой задержать продвижение противника. Ежедневно шли исключительно тяжелые бои, наши позиции непрерывно атаковали танки, самоходки, артиллерия, пехота... В конце концов мы выдохлись, противник обнаглел: немцы подошли к нашим позициям вплотную, началась рукопашная. "Ну что ж, Саша, теперь настала наша очередь", – сказал мне комиссар полка Слесаренко. Он поднял Боевое Знамя полка – и нас всех как ветром вынесло из окопов, была такая драка, что трудно себе представить. Все перемешалось! Дрались, чем могли – винтовками, автоматами, сапогами, кулаками, душили друг друга, били головой о камни... Наконец немцы не выдержали, побежали, а мы их преследовали километров, наверное, 6–7. Причем они бежали, мы – за ними и не стреляли, вот что интересно! Стремились догнать и доколотить... Но потом они выдвинули танки и нас немножко отрезвило. Как видите, мы и в 41-м году не всегда драпали...»

Так начиналась для него война. А ведь был Александр человеком сугубо штатским. Родился он 28 июня 1916 года в бедной крестьянской семье в деревне Верховина Новоладожского уезда Петроградской губернии – в то время, когда еще гремела Первая мировая война, а Российская империя, ведомая слабым «кормчим», шла к своему неизбежному концу... Революция открыла новые возможности для широких народных масс – нужно было хотеть и не лениться, чтобы этими возможностями пользоваться.

Матвеев не ленился. Закончил неполную среднюю школу, учился в школе ФЗУ, с четырнадцати лет работал слесарем... С января 1935 года оказался на комсомольской работе: был секретарем комитета ВЛКСМ «Ленпромстроя», потом – военного строительства № 548, в июле 1937 года стал инструктором Волховского райкома. И все время, что называется, тянулся к образованию: 1938 году окончил комвуз – нечто типа позднейшей высшей партийной школы, учился в школе политпросвета. Был замечен и «выдвинут» – тогда очень любили «двигать кадры», так что в 1939 году он был направлен на Украину – секретарем райкома комсомола в городе Запорожье, где вскоре возглавил горком.

Ну а потом – война... Об этом времени генерал-лейтенант Александр Иванович Матвеев оставил книгу воспоминаний «1418 дней и ночей Великой Отечественной. (Записки фронтового контрразведчика)», изданную в 2002 году и несколько раз переизданную.

Вот как описал автор этой книги разоблачение первых вражеских агентов в начале сентября 41-го: «Ночью на участке первого батальона при переходе через линию фронта нашим боевым охранением было задержано трое вооруженных автоматами и гранатами военнослужащих (один в форме старшины и двое красноармейцев). Я срочно прибыл в штаб батальона и, приказав разоружить задержанных, приступил к допросу.

Старшина заявил, что, вырвавшись из окружения, идут к своим. Эту же версию подтвердили и оба красноармейца.

Далее я стал спрашивать их, откуда они родом, давно ли служат в армии и т.д. Один из задержанных красноармейцев рассказал, что он из г. Запорожья, работал на заво-

де “Интернационал”, комсомолец, даже был секретарем первичной комсомольской организации. Я обрадовался, что встретил земляка. Завод такой действительно в Запорожье есть. Спрашиваю, не знает ли он, где теперь находится секретарь комитета комсомола завода, которого я хорошо знал... Смотрю, мой “земляк” начинает волноваться...»

Боец стал путаться в фамилиях, отвечать невпопад, а когда Матвеев с деланным интересом спросил, не встречался ли он с секретарем Запорожского горкома, то получил утвердительный ответ – мол, встречался и не раз. И тут Александр предъявил задержанному сохранившееся у него удостоверение секретаря горкома! Тот обомлел, расплакался, признался, что в Запорожье отродясь не бывал, но теперь они, трое, идут к этому городу с разведывательно-диверсионным заданием Абвера. Задержанных Матвеев передал в Особый отдел армии.

Кто бы знал, сколько агентов и шпионов придется разоблачить Александру Ивановичу на своем долгом пути военного контрразведчика! Но эти были первые и, как первая любовь, запомнились навсегда... Впрочем, история эта имела продолжение, но уже на уровне крутых «военных приключений».

Генерал Матвеев вспоминал подробности произошедшего: «Мне выделили трехосную полуторку со счетверенным зенитным пулеметом, пятерых солдат. Передал задержанных и протоколы допроса в Особый отдел армии, сразу же возвращаться мне не советовали: мол, не стóит на ночь глядя. Утром уточнил обстановку, мне сообщили, что полк стоит на прежнем месте в районе хутора Трудовой – туда мы и отправились... Когда же подъехали к хутору, то увидели, что он занят немцами. Что делать? Командую водителю, тот – по газам. Пока немцы разобрались, мы пулей промчались по главной и единственной улице. Вслед нам ударили из миномета, не попали...

Но это было только начало приключения, потому как следующий населенный пункт Ивановка тоже был занят противником. Мы оказались в “мешке”. Обочины заминированы, а бросить машину и пешком выбираться – не дело... Решили идти на прорыв. Я дал команду подготовить установку к стрельбе по наземным целям, рассадил соответствующим образом автоматчиков – и мы промчались через Ивановку на полном ходу с ураганным огнем».

...В далеком 1812 году, командир 2-й сводно-гренадерской дивизии граф Воронцов[1] сказал после Бородинского сражения, что его дивизия не отступила, но исчезла на поле боя... То же самое можно было сказать про 253-ю стрелковую дивизию и еще про многие соединения Великой Отечественной войны...

[1] Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – граф, князь (1845), светлейший князь (1852); генерал-фельдмаршал (1856). Герой Отечественной войны 1812 года.



Генерал-лейтенант А.И.Матвеев.

В конце октября 41-го ее остатки вошли в состав 99-й Краснознаменной дивизии – соединения, отличившегося в самые первые дни войны. Вечером 22 июня она выдвинулась к государственной границе, утром 23-го, совместно с пограничниками 92-го отряда нанесла контрудар по гитлеровским войскам, освободила город Перемышль и удерживала его до 27-го числа. 22 июля 1941 года 99-я дивизия была награждена орденом Красного Знамени – это была первая коллективная награда в Великой Отечественной войне. Но вскоре дивизия оказалась в Уманском котле, где в ожесточенных боях погибла большая часть ее личного состава, однако прорвавшиеся из окружения вынесли Боевые Знамена, и дивизия была восстановлена. Младшему лейтенанту госбезопасности Матвееву было поручено оперативное обеспечение 187-го стрелкового полка.

Тем временем войска Южного фронта генерала Черевиченко[2] готовились к наступлению.

«В начале ноября создалась угроза прорыва противника через Ростов на Северный Кавказ. В связи с этим Ставка усилила Южный фронт. С развертыванием 56-й отдельной армии на подступах к Ростову и с выдвижением на фронт 37-й армии силы советских войск, действовавших между рекой Северский Донец и Таганрогским заливом, увеличились примерно в два раза.

Маршал С.К.Тимошенко 8 ноября обратился в Ставку с просьбой санкционировать подготовку и проведение силами Южного фронта наступательной операции с целью разгрома вражеской группировки на ростовском направлении...»

И вот тогда, во время подготовки к наступлению, Матвееву пришлось встретиться с немецким агентом, оказавшимся покруче всех тех трех «земляков», вместе взятых... Перед началом операции 187-му полку был придан для усиления бронепоезд, стоявший в тупике одной из станций. Экипаж спешно формировался на месте, в том числе из «окруженцев», даже не успевших пройти проверку – времени на то не было. Особисты внимательно присматривались к людям, ориентировали личный состав – чтобы, если что не так, сообщали. Бойцы понимали их правильно. Как говорил Александр Иванович, «воины видели в нас и боевых товарищей, и бескорыстных защитников от тайных врагов».

Вскоре это дало конкретные результаты. Александр Иванович вспоминал: «Вначале поступил сигнал о том, что красноармеец Борков осторожно, но систематически и настойчиво распространяет изменнические настроения. Мы, на доверительной основе, усилили контроль за его действиями и вскоре уже располагали данными, что Борков пытается сколотить группу для захвата бронепоезда и угона его к немцам. Ввиду боевой обстановки и в целях пресечения преступных намерений, Борков за три дня до начала нашего наступления был арестован.

...На первом допросе Борков "чистосердечно", как мне показалось, рассказал о приготовлении к совершению преступления, но скрыл главное. Он раскаивался и выражал готовность "кровью искупить свою вину". Это, видимо, притупило мою бдительность, что чуть не привело к трагическим последствиям.

Шестого ноября, перед тем как отправить арестованного в Особый отдел дивизии для дальнейшего следствия, я вызвал его, чтобы оформить необходимые документы. Это было вечером, на улице было уже темно. Допрос происходил в одной из комнат небольшого домика, где располагалась охрана штаба полка. Часовой привел арестованного и по моему указанию вышел за дверь и стал ждать моего вызова. В соседней комнате в это время отдыхали человек пять военнослужащих в шинелях и с автоматами.

Я закончил допрос, оформил документы. Встал из-за стола и открыл дверь, чтобы вызвать часового. В этот момент Борков в одно мгновение оказался в смежной комнате, где спали бойцы, выхватил у одного из них автомат и направился в мою сторону. Я сделал прыжок и стволом пистолета ударил бандита в живот. Удар оказался настолько сильным, что он сжался от боли и выпустил из рук автомат. На шум прибежал часовой, проснулись бойцы, схватили преступника, связали и доставили по назначению. При докладе о случившемся я получил строгое замечание от начальства...»

И снова – бои, бои, бои...

Как-то, в разговоре об этих днях, мы задали Александру Ивановичу такой вопрос: мол, командир в бою – впереди, «на лихом коне», комиссар – «в массах», а вот где во время боя находится контрразведчик? Ответ был такой: «Он всегда находился вместе с войсками, там, где была оперативная необходимость в его присутствии. Вообще его место там, где его подразделения, и если полк участвовал в бою, оперативный работник не мог просто наблюдать за этим. Кроме контрразведывательного обеспечения войск, он при необходимости еще непосредственно участвовал и в боях. Как свидетельствует опыт, чаще всего оперативный работник находился рядом с командиром полка.

Именно поэтому, кстати, наши оперативные работники пользовались большим уважением и авторитетом среди личного состава. Офицеры и рядовые часто сами приходили с информацией, которая была полезной в оперативном плане. Это как раз подчеркивает необходимость того, чтобы оперативный работник был в гуще личного состава, который воюет, и чтобы он сам, если надо, воевал с оружием в руках...

Наши работники обычно играли большую цементирующую роль – например, по предотвращению паники, когда попадало подразделение в окружение. Ведь паника – самое опасное, самое неуправляемое поведение, которое может привести к тяжелым последствиям. Оперативные работники – это бойцы».

...Порой приходится слышать досужие рассуждения о том, что военных контрразведчиков – особистов, «смершевцев» – в войсках боялись и ненавидели. Понятно, люди были разные, и отношение к ним было различным, но нельзя чесать всех под одну гребенку. Подтвердить сказанное Александром Ивановичем не сложно. Ведь сколько раз бывало, что первым поднимался в атаку военный контрразведчик и вел за собой бойцов – а если бы те самые бойцы смотрели на него как (используем терминологию того времени) на «врага народа», то никто за ним бы не поднялся. Кстати, метод, «отработанный» еще в Первую мировую войну, когда нелюбимый офицер, размахивая шашкой, первым выскакивал из окопа, мысленно примеряя на грудь «Георгия», а потом обнаруживал, что в наступление он идет в гордом одиночестве... Про то, что в атаке и пулю в спину можно ненароком получить – уже и не говорим...

Потом, в 1942-м, были бои под Славянском, был «котел» под

[2] Черевиченко Яков Тимофеевич (1894–1976) – генерал-полковник; командующий Южным фронтом с 5 октября по 24 декабря 1941 г.

Барвенковым, из которого от всей дивизии смогли вырваться чуть более тысячи человек... Тогда, в ночь на 26 мая, военнослужащие, с боем пробившись через немецкую позицию, вышли на берег Северского Донца – вода в реке была холодной, но главное, что многие не умели плавать. Заместитель начальника Особого отдела дивизии лейтенант госбезопасности Матвеев – это специальное звание и «шпалу»[3] на петлицах он получил в самом конце 41-го – проявил инициативу и отыскал высохшие деревья, мобилизовал бойцов на изготовление плотиков... Когда же кто-то пустил слух, что на том берегу немцы, особист, позвав с собой добровольцев, первым переплыл через реку. Выбрались на берег, осмотрелись, вышли на открытую местность – никого. После того, по сигналу Матвеева, началась переправа... Чего тут было больше – ответственности чекиста или задора комсомольского вожака – сейчас уже не скажешь.

«Котел» под Барвенковым оставил серьезную зарубку на сердце и профессиональном самолюбии Александра Ивановича. Как потом стало известно, начальник штаба 187-го полка майор Лавринов и полковой инженер майор Кутергин добровольно сдались в плен и служили во власовской «Русской освободительной армии». В конце войны они будут осуждены Военным трибуналом. Александр досадовал, что проглядел в свое время двух предателей – хотя близких отношений с Кутергиным и Лавриновым у него не было, и вообще они у него особых симпатий не вызывали, но все-таки...

А после был Сталинград. В сентябре 1942 года 99-я стрелковая дивизия вошла в состав 66-й армии Сталинградского фронта. Армией командовал генерал Малиновский, фронтом – маршал Тимошенко.

Нет смысла объяснять, что для сотрудников спецслужб это было напряженнейшее время. Еще при движении к Сталинграду были обнаружены и задержаны два «сигнальщика», наводивших немецкие бомбардировщики на военные объекты; был задержан агент, пытавшийся проникнуть в 197-й полк – якобы, он возвращался из госпиталя в Сталинград; два других немецких шпиона были задержаны при ведении визуальной разведки... Как выяснилось, все они в свое время добровольно сдались в плен, прошли обучение в Минской школе Абвера, а затем были сброшены с парашютами в наш тыл.

Контрразведчикам приходилось решать и другие задачи. «За период с 25 по 30 августа Особым отделом НКВД Сталинградского фронта за трусость, дезертирство и паникерство расстреляны 12 бойцов и командиров». Да, было и это – но не нужно считать это основной «работой» особорганов. Вот выдержка из другого спецсообщения Особого отдела НКВД Сталинградского фронта: «Нашими контрразведывательными мероприятиями в августе были: посылка агентуры с задачей внедрения в разведорганы противника; оставление агентуры при отходе наших частей на новые рубежи.

Всего в августе в тыл противника направлено 30 агентов, из них 22 – с контрразведывательными заданиями и 8 – с другими заданиями.

В числе переброшенных 27 агентов были завербованы вновь и 3 – из числа возвратившихся из тыла противника.

Кроме того, при отходе наших частей на новые рубежи оставлено в тылу противника 46 резидентов, агентов и связников, перед коими поставлены задачи – внедрение в аппарат и разведку противника и сбор контрразведывательных данных.

Возвратились из тыла противника 3 агента, которые доставили ценные сведения по войсковой разведке».

28 августа части 99-й стрелковой дивизии сосредоточились на ближних подступах к Сталинграду.

«Сталинградский фронт, выполняя указания Ставки, силами 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армий, во главе которых находились генералы Д.Т.Козлов, С.К.Москаленко и Р.Я.Малиновский, при поддержке авиации 8-й и 16-й воздушных армий и авиации дальнего действия не раз предпринимал наступление с целью уничтожить прорвавшегося к Волге врага, ликвидировать образованный им коридор и соединиться с 62-й армией в районе Сталинграда. Войскам не удалось полностью выполнить эти задачи, однако своими наступательными действиями они заставили немецко-фашистское командование повернуть значительную часть сил 6-й армии на север. Это ослабило ее ударную группировку и позволило 62-й армии задержать противника на внутреннем оборонительном обводе до 13 сентября».

Какие задачи решали в этих условиях контрразведчики? В принципе, те же, что всегда – перечислять не будем. Но, пожалуй, важнейшей была задача скрыть от противника планы командования по подготовке к генеральному наступлению.

«В целях убеждения противника в том, что наши войска готовятся к длительной обороне, Особый отдел дивизии провел с разрешения Особого отдела армии удачную операцию по закреплению дезинформации с использованием немецких военнопленных.

В лагере военнопленных, который размещался в селе Дубовка, был выявлен фашистский офицер Мирке, который был фанатично предан гитлеровскому режиму и склонял группу военнопленных солдат к побегу из лагеря и переходу линии фронта. Мирке удалось сколотить небольшую группу из пяти пленных для побега.

По согласованию с командованием было принято решение использовать возникшую ситуацию в наших интересах. Некоторая часть военнопленных стала привлекаться к земляным работам по оборудованию третьей линии обороны на значительном удалении от переднего края. В число выделенных для этих работ военнопленных была включена группа, возглавляемая Мирке. При строительстве обороны у фашиста окончательно созрел план побега.

Во время одного из налетов немецкой авиации, воспользовав-

[3] Прямоугольник (обиходное наименование – «шпала»), обозначающий звание «капитан» или специальное звание «лейтенант госбезопасности».

шись замешательством охраны, Мирке со своей группой укрылся в соседней балке. На вторые сутки им "удалось" добраться до переднего края и ночью перейти через линию фронта. Правда, при переходе ее двое из них погибли от пулеметного огня, но главарь и еще трое добрались до своих.

Как и предполагалось, они сообщили данные о ведущихся оборонительных работах в глубине обороны советских войск, что и требовалось для подтверждения запланированной дезинформации. После "побега" Мирке над позициями строящейся обороны появились немецкие разведывательные самолеты и потом до ноября 1942 года они систематически вели разведку этого района».

Работа контрразведчиков участвовавших в Сталинградской битве фронтов – Юго-Западного, Донского и Сталинградского – обеспечила желанный результат.

«Контрнаступление Красной Армии под Сталинградом началось 19 ноября 1942 г. Следует отметить, что благодаря усилиям Ставки ВГК, всех звеньев фронтового и армейского командования советская сторона смогла сосредоточить под Сталинградом не просто бо́льшую по численности, чем у немцев и их союзников группировку сил и средств, но и сделать это скрытно от противника, предопределив тем самым внезапность и успех первого удара. На сталинградском направлении советские войска имели 1134,8 тыс. человек против 1011,5 тыс. у противника; 1560 танков против 675; 14,9 тыс. орудий против 10,3 тыс.; 1916 самолетов против 1216».

В том, что в данном тексте не названы главные исполнители этой задачи – военные контрразведчики – не вина историка, но не то традиция, не то этическая норма «не поминать всуе». Да, можно осуществлять под покровом ночи и непогоды скрытные перемещения войск; можно сооружать ложные аэродромы или позиции, где по ночам ярко горят костры, а днем с воздуха хорошо видны фанерные танки, самолеты или пушки. Однако достаточно всего одного агента или перебежчика, чтобы напрочь разоблачить все эти хитрости, осуществленные трудом многих тысяч человек... Именно военные контрразведчики обеспечили стопроцентный режим секретности всех проведенных мероприятий.

Боевая работа теперь уже капитана госбезопасности Матвеева в декабре 42-го была отмечена орденом Красной Звезды, а в феврале 43-го – Красного Знамени.

Кстати тогда же, по окончании Сталинградской битвы, 99-я стрелковая дивизия стала 88-й гвардейской и, в составе теперь уже 62-й армии, переименованной в 8-ю гвардейскую, была передана в Резерв ВГК.

Как известно, большие перемены произошли и в военной контрразведке, превратившейся в грозный для противника «Смерш». Вспоминается наш давний разговор с Александром Ивановичем. Отвечая на вопросы, он рассказывал: «– С начала и до конца действия "Смерш" я был начальником отдела контрразведки 47-й гвардейской стрелковой дивизии.

– А командиры армейские после переподчинения на вас не пытались влиять, давить?

– Нет, это сложно было бы. Хотя был у меня один такой случай, когда командир дивизии Рахимов, человек недалекий, попытался освободить арестованных... Хотел лично, от своего имени, доставить их в штаб армии – мол, задержал шпионов своими силами. В общем, выслужиться хотел! Я пошел к нему и потребовал, чтобы он немедленно отменил свой приказ. А то он уже и автоматчиков прислал, чтобы забрать арестованных. Я сказал, что выставлю своих автоматчиков и доложу Чуйкову о его неправомерных действиях... Так что крупный был тогда разговор, и он отменил-таки свое решение...

– "Смерш" выполнял те же задачи, что и особые отделы раньше?

– Основное внимание теперь было сосредоточено на оперативном контрразведывательном обеспечении наступательных действий войск. В первую очередь – на обеспечении ликвидации диверсионно-разведывательных групп.

– Как отразилось создание "Смерш" на противнике? И отразилось ли вообще?

– Еще как отразилось! Создание "Смерш" значительно сузило вербовочную базу противника. Изменники Родины и дезертиры на вербовку стали идти с еще большей неохотой...

– Почему?

– Что такое "Смерш"? "Смерть шпионам!", и этот лозунг претворялся в жизнь. Раньше такого открытого призыва не было, а теперь попасть в руки "Смерш" для гитлеровских агентов значило идти на верную смерть...

– Расстрел на месте – без суда и следствия?

– Нет, их уничтожали исключительно в законном порядке... Так что теперь немцам пришлось подбирать агентуру только из числа скомпрометированных, тех, которые принимали участие в карательных операциях, у кого руки в крови были. Таким образом был нанесен серьезный удар по Абверу. Не только сузилась вербовочная база, но и началось разложение в разведшколах, из агентуры, которая была заброшена, многие пришли с повинной, а часть просто перестала действовать – сами себя законсервировали, чтобы мы их не уничтожили как шпионов, и чтобы немцы их не наказали».

В составе 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Глазунова[4] 47-я гвардейская дивизия участвовала в освобождении Южной Украины и Донбасса, форсировании Днепра, освобождении Польши. В Польше, летом 1944-го, произошел один памятный случай...

Когда дивизия вышла в район Люблина, из УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта поступило указание сосредоточить внимание на противодиверсионной деятельности: гитлеровцы всячески стре-

[4] Глазунов Василий Афанасьевич (1895–1967) – первый командующий Воздушно-десантными войсками, генерал-лейтенант; Дважды Герой Советского Союза (19 марта 1944 г. и 6 апреля 1945 г). С 23 июня 1941 г. – командир 3-го воздушно-десантного корпуса; 29 августа 1941 г. назначен командующим Воздушно-десантными войсками РККА. С июня 1943 г. – заместитель командира 29-го гвардейского стрелкового корпуса (8-я армия), с ноября того же года – командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса.

мились задержать продвижение советских войск... Контрразведчики задумались, какие именно объекты в ближнем тылу могут быть выбраны немцами для совершения диверсии?

Во все уязвимые места были направлены оперативные группы по 7–10 человек. Группа, которую возглавлял старший оперуполномоченный капитан Голубцов, контролировала железнодорожный узел. Буквально на следующий день сюда прибыла «трофейная команда» – семь бойцов и офицер, который предъявил оперработнику требование за подписью начальника штаба фронта, чтобы все командиры оказывали им помощь в выполнении поставленной задачи.

«Хорошо, – сказал Голубцов, у которого "трофейщики" вызвали подозрение. – Поедем в штаб, там договоритесь, как будете действовать...»

Бойцов и командира капитан привел в землянку к Матвееву. Проверив документы, тот сразу обнаружил в них подозрительные признаки – нержавеющие скрепки, некоторые буквы были написаны не так... В общем, четыре признака. Сомнений не было – это диверсанты! И они, вооруженные автоматами, сидели в землянке вокруг начальника Особого отдела. Что делать?

Подумав, Матвеев сказал, что в дивизии есть склад трофейного оружия – может, там будет что-то нужное? И добавил, что так как дивизия буквально на днях готовится идти в наступление, то можно, продвигаясь вместе с войсками, собирать все, что душе угодно... Такая откровенность успокоила «трофейщиков».

Александр вызвал начальника хозчасти, приказал разместить «гостей» в соседней палатке, поставить на все виды довольствия. Таким образом удалось вывести диверсантов из землянки... Но что дальше? Матвеев быстро созвал всех оперативников, чтобы обсудить возможные варианты действий.

Идею подсказал тот же начальник хозчасти, заглянувший в землянку: «Товарищ майор, а как быть с их санобработкой?»

И тогда «трофейщикам» предложили пройти в баню – мол, строгий приказ командира дивизии... Старший группы начал отказываться, говоря, что перед отправкой они прошли осмотр, но начальник хозчасти твердо стоял на своем – приказ есть приказ, мы люди военные, сами понимать должны...

Пока объяснялись, из бани вывели всех военнослужащих, а вокруг нее скрытно разместили группу захвата... После того «гостей» повели в палатку – принять душ и пройти санитарный осмотр. Те разделись в палатке-раздевалке, сложили обмундирование на специальную полку, положили туда автоматы и ранцы и пошли в палатку-баню, что была в двух метрах. Но охранника с автоматом в раздевалке все же оставили...

Минут через несколько в раздевалку зашел старший оперуполномоченный Каратуев, переодетый санитаром, и одним ударом вырубил часового. Тут же взяли под охрану и всех остальных – их связывали прямо как были, в голом виде. Диверсанты пытались брыкаться, но группа захвата в «Смерш» была сильная.

В ранцах задержанных нашли взрывчатку – порядка 100 килограммов на всю группу. «Офицер» оказался кадровым сотрудником Абвера, родом из поволжских немцев, остальные «бойцы» были из числа изменников Родины, ранее служивших в полиции и карательных отрядах. Группа имела задание взорвать эшелон с боеприпасами и уничтожить стрелочные коммуникации...

Противник становился все изощреннее, но и военным контрразведчикам мастерства и опыта было не занимать. К той пятидневной оперативной подготовке, которую майор Матвеев получил в начале своей службы, прибавилась трехлетняя школа войны. А на войне, как известно, день идет за три – вот и считайте...

Впрочем, главная «школа» и главный «экзамен» были еще впереди, на германской территории, ибо как поется в известной песне, «последний бой – он трудный самый». Понимая неизбежность расплаты, руководители и сотрудники гитлеровских спецслужб спешили «замести следы», уничтожить документы, свидетельствующие об их преступлениях. К тому же, военным преступникам хотелось не только самим «лечь на дно», но и сохранить свою агентуру, которую впоследствии можно было выгодно продать – чем они впоследствии и занимались, не безвозмездно передавая свои «кадры» западным спецслужбам. «Покупателей» не волновало, что руки этих людей обагрены кровью невинных жертв, что они должны нести ответственность за преступления нацизма. Как говорят в спецслужбах, «нет отбросов, а есть резервы». Вот эти «резервы», а также их небрезгливых руководителей, и должны были выявлять сотрудники «Смерш».

«Оперативным группам удалось захватить архивы многих германских учреждений, включая тайную политическую полицию (гестапо) и Абвер. Особо отличились контрразведчики отдела Смерш 47-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. О проведении операции вспоминал генерал-лейтенант в отставке А.И.Матвеев: «Перед 47 гв. сд, где я был начальником отдела, стояла боевая задача: преодолеть сопротивление противника и выйти на окраину Берлина в район Целендорф. В полосе наступления дивизии дислоцировалось одно из центральных учреждений Абвера, замаскированное под сельскохозяйственный институт. Прибывшие в особый отдел 47 гв. сд начальник отдела контрразведки «Смерш» по 8 гв. армии генерал-майор Витков Григорий Иванович[5] и начальник отдела 4 гв. корпуса полковник Кузьмин Александр Николаевич[6] поставили задачу: организовать захват личного состава, агентуры и документов абверовского центра. Мы обсудили возможные варианты решения этой задачи.

---

[5] Витков Григорий Иванович (1902–1975) – генерал-майор, начальник ОКР «Смерш» 8-й гвардейской армии.

[6] Кузьмин Александр Николаевич (1912 – ?) – полковник, начальник ОКР «Смерш» 4-го гвардейского корпуса; начальник Особого отдела КГБ по Приволжскому военному округу – 1954–1957 гг., по Северной группе войск – 1957–1961.

Было признано наиболее целесообразным подготовить и провести десантную операцию, чтобы исключить возможность эвакуации абверовского центра на запад Германии. Витков по телефону договорился с командующим 8 гв. армии Чуйковым о выделении для десантной операции танковой роты и мотострелкового батальона. Для руководства десантной операцией была создана оперативная группа в составе пяти человек, которую я и возглавил.

В состав оперативной группы входили старшие оперуполномоченные отдела контрразведки «Смерш» по 47 гв. сд Голубцов, Каратуев, Маринин, Шишин и прикомандированный из разведотдела дивизии переводчик Васильев. Операция развивалась успешно. После огневого налета на узком участке фронта десант при содействии частей поддержки прорвал линию обороны и, не ввязываясь в бои, устремился вперед к намеченной цели. Надо было преодолеть около 12 км. Сельскохозяйственный институт, где находились абверовцы, был взят с ходу, без особого сопротивления, поскольку охранялся только часовыми и налет для абверовцев был совершенно неожиданным. Во дворе стояли снаряженные для эвакуации грузовые машины и 5 бронетранспортеров сопровождения без экипажей.

Обитатели «заведения» спали перед предстоящей эвакуацией. Всего взято было в плен более 100 человек. Среди них офицеры и лица в гражданской одежде различных национальностей, в том числе русские...

Сомнений не было – цель достигнута. Теперь задача состояла в том, чтобы все захваченные документы и людей сохранить до прихода наших основных сил. По условиям плана десантной операции с наступлением рассвета должен был быть осуществлен прорыв основных сил дивизии с задачей выхода на рубеж западнее города Фертенвальде, и таким образом предполагалось деблокировать десант. Задача десанта состояла в том, чтобы занять круговую оборону и не допустить противника на территорию разведывательного органа. Но получилось не все так, как планировалось. На рассвете части дивизии не смогли прорвать оборону противника. Когда же немцы обнаружили, что разведорган захвачен десантом, они предприняли одну за другой яростные атаки, но были отбиты. Затем немцы открыли артиллерийский и минометный огонь, в основном зажигательными снарядами, чтобы уничтожить груженые автомашины с документами. Множество возгораний удалось ликвидировать, а автомашины вывести на противоположную сторону здания, куда снаряды практически не достигали. Круговую оборону пришлось держать целые сутки. Все бойцы и командиры, танкисты и мотострелки, а также оперативные работники десантной группы вели себя как настоящие герои... Только на следующее утро основным силам дивизии удалось потеснить противника и деблокировать десант. Мы оказались в тылу наступающих войск, сохранив в целости все трофеи. Документы и показания пленных оказались весьма ценными. Они, в частности, неопровержимо доказывали, что фашистские разведывательные органы действительно концентрируют свои силы на юге Германии. Об этом свидетельствовало и то, что захваченный нами абверовский центр разведки должен был «эвакуироваться» на юго-запад Германии в район Баварии... прихватив с собой наиболее ценные кадры (по русским делам) и оперативную документацию».

После захвата центра Берлина оперативные группы вели активную работу по задержанию интересующих контрразведку лиц и изъятию документов в зданиях гестапо, министерств авиации и пропаганды и на других аналогичных объектах. Активные мероприятия проводились оперативными группами и по розыску нацистских главарей».

Но и это не было еще финальной, так сказать, задачей, решавшейся майором Матвеевым. Ему пришлось допрашивать командующего обороной Берлина генерала артиллерии Вейдлинга[7] – думал ли он когда о подобном?! – а затем вообще заниматься дипломатическими делами. Александру было поручено интернировать сотрудников японского посольства, которых он передал потом официальному сотруднику Наркомата иностранных дел. Если бы японцы оказались в руках англичан или американцев, с которыми находились в состоянии войны, им пришлось бы «ответить за Перл-Харбор» – их могли бы и перестрелять, пользуясь безнаказанностью... А вскоре по окончанию боевых действий Матвееву пришлось побывать в лагере для «перемещенных лиц», убеждая соотечественников, оказавшихся по тем или иным причинам на чужбине, возвращаться домой, на Родину. На многих его уговоры подействовали.

Война закончилась, и люди возвращались не просто домой – они возвращались к мирной жизни. Многие сотрудники «Смерш», дав «подписку о неразглашении», вновь становились учителями, инженерами, научными работниками, журналистами... Александр Матвеев вполне мог бы заняться уже не комсомольской, но партийной работой или прийти в органы советской власти. Но он принял другое решение – остаться в рядах «Смерш». Он объяснил это так: «Эта работа увлекла меня прежде всего тем, что военная контрразведка внесла очень большой вклад в Победу. Известно было и то, что германские разведывательные органы оставили большое "наследство" – массу агентуры, заброшенной в наш тыл. При этом они – в частности, Абвер – установили связь с новыми хозяевами, американской и английской разведками, которым передавали свою наиболее ценную агентуру. Было ясно, что война разведок не закончится и после Победы... Вот потому я и решил остаться в строю».

---

[7] Вейдлинг Гельмут (1891–1955, г. Владимир, СССР) – генерал артиллерии германской армии. С конца декабря 1941 г. – командир 86-й пехотной дивизии. С 20 октября 1943 г. – командир 41-го танкового корпуса, которым командовал до полного его разгрома в начале апреля 1945 г. Командующий обороной и последний комендант Берлина.

Думается, что Александр Иванович ни разу не пожалел о сделанном выборе – хотя службу его легкой назвать было нельзя.

Сразу после войны он руководил подразделениями военной контрразведки в дивизиях, перестраивавшихся на мирный лад – кстати, очень сложный процесс, служил в Группе советских оккупационных войск в Германии. Потом повышал свои теоретические знания в Высшей школе МГБ, а в январе 1952 года возглавил Отдел контрразведки по Горьковскому военному округу. С апреля 1953 года руководил Особым отделом по ОО КГБ по Московскому округу ПВО, поначалу именовавшемуся «Московским районом» – и, очевидно, именно тогда увлекся (или как это точнее сказать? – может и полюбил) самым современным вооружением: авиацией и ракетами. Поэтому, очевидно, пройдя должности начальника Управлений Особых отделов КГБ по Дальневосточному военному округу и по Группе советских войск в Германии и окончив при этом факультет заочного обучения ВКШ КГБ им. Ф.Э.Дзержинского, генерал Матвеев (генерал-майором он стал в 1961 году, а генерал-лейтенантом – в 1974-м), став заместителем, а затем и первым заместителем начальника 3-го Управления КГБ, то есть военной контрразведки, курировал Ракетные войска стратегического назначения и Военно-воздушные силы, занимался Космосом, обеспечивая надежную защиту этих направлений от интересов недружественных спецслужб.

Начальник он был очень жесткий, но при этом пользовался огромным уважением сотрудников. Вот что пишет военный контрразведчик полковник Александр Александрович Вдовин: «Запомнилось мне и собеседование с первым заместителем начальника 3-го Управления КГБ генерал-лейтенантом Матвеевым Александром Ивановичем. <...>

Сотрудники управления отмечали его высокий профессионализм, предельную конкретность и мудрость. Ему чужды были пустые рассуждения и словесная шелуха. Как руководитель он отличался строгостью, не терпел бездельников и болтунов.

Сотрудники оперативных отделов раз в месяц заступали дежурными по управлению. В отсутствие начальника управления в их обязанности входили доклады генералу Матвееву обо всех происшествиях за время дежурств по всем подразделениям Вооруженных сил. Многие боялись ходить к нему на доклад, потому что он строго спрашивал с оперативного дежурного, какие меры были приняты по тем или иным происшествиям, кого проинформировали и, если не проинформировали, то почему. Когда в последний раз разговаривали с подчиненными органами, как проходила беседа, какие мероприятия планируется провести, когда и какие задействованы силы и средства и т.д.

Будучи оперативным дежурным, я с волнением ходил к нему на доклад с шифротелеграммами, но в то же время и с большим интересом. Прочитав телеграммы по мере их поступления, я пытался набросать мероприятия, которые надо осуществить, кого из начальников отдела в управлении надо проинформировать, какие вопросы задать руководителю или дежурному местных органов, какие мероприятия необходимо провести и т.д.

Затем я шел к генералу Матвееву, докладывал по форме, передавал ему папки с шифротелеграммами. Александр Иванович выслушивал обычно доклад сидя, очень редко стоя, приглашал сесть, брал папку, доставал телеграммы, брал ручку с перышком-“солдатиком” и, глубоко вздохнув, начинал чтение. Делал это вдумчиво, медленно опускал перышко в чернильницу, обязательно проводил им по краю чернильницы, опять вздыхал.

Редко задавал уточняющие вопросы, после чего писал резолюцию. Его резолюции – это, можно сказать, шедевр оперативной мысли. Десять – двенадцать пунктов, которые необходимо сделать, уточнить, продумать или спланировать. Однажды при мне он написал 18 пунктов по одной телеграмме.

Когда прочитаешь такую резолюцию, сравнишь со своими пунктами, то сразу понимаешь с прискорбием свое место под контрразведывательным солнцем. Для меня это была учеба высшего уровня, учеба без назиданий, без укоров и т.д., только живая практика.

И сегодня я словно вижу взгляд его невероятно чистых голубых глаз. Глубина взгляда поражала, создавалось впечатление – Матвеев видел человека насквозь. Я испытывал к Александру Ивановичу большую симпатию и профессиональное глубокое уважение».

– Надежный человек! – так сказал о Матвееве, некогда своем первом заместителе, генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов. – В делах он хорошо разбирался, особенно по линии ракетных войск и авиации – и эту линию он всегда контролировал. У меня никогда и мысли не было, что он что-то не так сделает. Не было такого! Я вспоминаю его только в положительном плане...

Службу на Лубянке Александр Иванович закончил в марте 1979 года и перешел в Главное таможенное управление Министерства внешней торговли СССР – заместителем начальника. Работал там до 1986 года, а 27 октября 1989 года возвратился в военную контрразведку – возглавил вновь учрежденный Совет ветеранов, которым руководил до последних дней своей жизни.

За свои боевые подвиги, совершенные как в военное, так и в мирное время, Александр Иванович был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, тремя орденами Красной Звезды, орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени и «Знак Почета». Он был удостоен звания «Почетный сотрудник госбезопасности».

Генерал-лейтенант Матвеев скончался 13 мая 2007 года и похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

МОСКОВСКИЙ ФРОНТ КОНТРРАЗВЕДЧИЦЫ
(АННА КУЗЬМИНИЧНА ЗИБЕРОВА)

Хотя Анна Овсянникова родилась в Москве – произошло это 14 октября 1921 года, – но семейные ее корни уходят в заповедные литературные места: Мценский уезд, Тургеневской волости, Тульской губернии (теперь это – Орловская область). Родители Анны, Кузьма Михайлович и Матрена Осиповна (девичья фамилия – Волченкова) Овсянниковы, перебрались в Москву в конце XIX века, а ранее их предки, из поколения в поколение, принадлежали дворянам Лутовиновым, из рода которых происходила Варвара Петровна[1]. «Она была единственной наследницей большого Лутовиновского состояния, заключавшегося в нескольких тысячах крепостных душ...» По причине этих душ на Варваре Петровне, отнюдь не отличавшейся привлекательностью, в 1816 году женился сосед – красавец-кавалергард Сергей Николаевич Тургенев[2], наследник всего только 140 крестьян. В этой семье в 1818 году родился писатель Иван Сергеевич Тургенев. Заметим, что один из рассказов его цикла «Записки охотника» назван «Однодворец Овсянников» – отец Анны говорил, что героем этого произведения является кто-то из его предков; говорилось и о том, что к фамилии Овсянниковых принадлежал один из мальчишек, описанных в рассказе «Бежин луг». Ни подтвердить, ни опровергнуть всего этого нельзя, а потому просто принимаем информацию к сведению.

Детство и юность Анны Овсянниковой проходили в районе Таганке, на Мясной Бульварной улице (не путать с Мясницкой!), позднее переименованной в улицу Талалихина. Большая трудовая семья, бедная жизнь: «В нашем дворе было много детей, и все мы бегали босиком», – вспоминала Анна Кузьминична. Радостей в жизни было немного: можно было пойти в магазин «Детский мир» на Таганской площади и посмотреть на игрушки, а можно – погулять на старинном Калитниковском кладбище, поскольку в их дворе зелени не было...

Жили бедно, жили трудно, однако в 1939 году, окончив десятилетку, Аня успешно сдала вступительные экзамены на филологический факультет Московского городского педагогического института имени Потемкина[3] (разумеется, не светлейшего князя Григория Александровича[4], но напрочь забытого ныне советского дипломата и педагога). Потом, кстати, этот институт соединился с Государственным педагогическим институтом имени Ленина. Считая, что для поступления на филфак нужно выбрать для сочинения самую трудную тему – и блеснуть, Аня, единственная из всех абитуриентов, выбрала тему «Гамлет и гамлетизм», за что была «удостоена» отметки «3/5». «Тройка» – за «раскрытие темы», «отлично» – за грамотность. Профессор, принимавший у нее потом устный экзамен, сказал, что сам бы он за такое сочинение не взялся, и рекомендовал в будущем брать что полегче... Но так как все прочие экзамены были сданы на «пятерки», поступление состоялось.

Вообще, почти весь их класс тогда перешел в студенты. Но, к сожалению, ненадолго. В сентябре того же 1939 года вышло постановление правительства, чтобы всех выпускников школы призывать на срочную службу сразу после окончания 10-го класса. Мальчишкам, уже поступившим в институты, пришлось идти в РККА – на два года, с таким расчетом, чтобы вновь возвратиться на институтские скамьи 1 сентября 41-го. Кто бы тогда знал, что эти два года закончатся аккурат в начале войны? А потому почти все ребята из их класса погибли в боях за Родину и, очевидно, в первый год этих боев...

Народ, конечно, обучался там очень разный: так, перед самой войной институт окончил Александр Кологривов[5], удивительно похожий на своего великого прапрадеда – студентки младших курсов бегали на него смотреть; однокурсницей Ани была Юлиана Алкснис – дочь командарма 2-го ранга Якова Алксниса[6], замести-

[1] Тургенева (Лутовинова) Варвара Петровна (1787–1850) – помещица, мать писателя И.С. Тургенева.

[2] Тургенев Сергей Николаевич (1793–1834) – полковник, участник Отечественной войны 1812 г., отец писателя И.С.Тургенева.

[3] Потёмкин Владимир Петрович (1874–1946) – дипломат, нарком просвещения РСФСР, президент Академии педагогических наук.

[4] Потёмкин-Таврический Григорий Александрович, светлейший князь (1739–1791) – генерал-фельдмаршал; генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний (1776–1791), президент Военной коллегии; фаворит Екатерины II.

[5] Александр Всеволодович Кологривов (1916–1968) – праправнук поэта А.С.Пушкина. С начала войны – курсант Муромского училища связи. В октябре 1941-го защищал Москву, был ранен под Вязьмой, попал в госпиталь. В апреле 1942 г. – младший лейтенант, командир взвода связи стрелковой дивизии 2-го Белорусского фронта. Дошел до Берлина. Награждён орденом Красной Звезды, боевыми медалями; в 1946 г. уволен в запас подполковником. Работал на Всесоюзном радио.

[6] Алкснис Яков Иванович (1897–1938) – командарм 2-го ранга. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. В январе 1937 г. был назначен на должность заместителя народного комиссара обороны по авиации.

Участвовал в проведении репрессий в РККА. Входил в состав Специального судебного присутствия, которое 11 июня 1937 г. приговорило к смертной казни группу военачальников во главе с М.Н.Тухачевским. 23 ноября 1937 г. снят со всех постов, исключен из рядов ВКП(б) и арестован. Военной коллегией Верховного суда СССР 28 июля 1938 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Определением Военной коллегии от 1 февраля 1956 г. – реабилитирован.

теля наркома обороны по авиации, репрессированного в 1938 году. Анна Кузьминична вспоминала, что Юлиану, как «дочь врага народа», не приняли в комсомол – но впоследствии ни в каких публикациях о реабилитированном командарме она не встречала упоминаний о его дочери, хотя однажды и увидела ее на семейной фотографии в книжечке «Алкснис», спешно изданной в 1956 году...

А далее была самая обыкновенная студенческая жизнь: лекции – очень интересные и скучные, молодежные вечера, спортивные состязания, сдача нормативов ГТО, учебная практика в школе... Про то время Анна Кузьминична говорила так: «Я стала более общительной, свободной и каждый месяц получала стипендию». И еще – как сказал поэт – «Пора пришла, она влюбилась».

Анатолий Харитонов был летчиком Гражданского воздушного флота и очень хорошим, достойным человеком. Описывать строгие нравы того времени с походами в кино, на концерты, встречи в больших компаниях и обязательное возвращение домой к 11 вечера, мы не будем. Когда же в 1940 году Анатолий предложил Анне выйти за него замуж, Кузьма Михайлович решительно воспротивился: молодая еще, сперва институт закончи!

Потом началась война. Тут же выросли очереди у продуктовых магазинов; Москва погрузилась во тьму светомаскировки, а оконные стекла перекрестились полосками бумаги; завыли сирены учебных тревог, на которые москвичи вскоре перестали обращать внимание – зато потом, ровно через месяц, в ночь на 22 июля, когда был первый воздушный налет, это привело к панике... Вскоре к налетам привыкли, и Аня, как и многие, наловчилась тушить немецкие зажигательные бомбы – «зажигалки», или спускаться по сигналу тревоги в бомбоубежище.

Затем институт был отправлен в эвакуацию. Анна подумала, подумала – и уехала в Магнитогорск, туда, где тогда дислоцировалась эскадрилья Анатолия. Она перевелась в тамошний пединститут – и тут же с другими студентами была отправлена в колхоз на уборку картошки. Между тем летчиков отправили на переучивание в Среднюю Азию... Потом Харитонов совсем ненадолго прилетел оттуда, 29 ноября они расписались, а в декабре его эскадрилья была переведена в Подмосковье, в Раменский район. Анну, теперь уже Харитонову, на Урале более ничего не держало, и в феврале 1942 года она возвратилась в Москву, восстановилась в своем институте и вскоре успешно сдала государственные экзамены. 14 августа она получила назначение в Калининский областной отдел народного образования – преподавателем русского языка и литературы. Возможно, был учтен тот факт, что ее муж проходил службу на Калининском фронте.



А.К.Зиберова.

Не будем вдаваться в подробности, почему оно так получилось, но в это время на выпускницу пединститута поступил запрос из НКВД. Ее решили зачислить на службу в Управление особых отделов. Чтобы ускорить этот перевод – Наркомат высшего образования не хотел разбрасываться кадрами и не отпускал выпускницу – Анну пригласили для беседы к начальнику УОО НКВД Виктору Семеновичу Абакумову, за которым оставалось последнее слово.

Вот как Анна Кузьминична описала эту встречу в своих воспоминаниях:

«Очень доброжелательно, с улыбкой смотрит он на меня и предлагает сесть. Я села напротив него в глубокое кресло, не рассчи-

тала и провалилась в нем. Получилось, что ноги поднялись вверх. Еле-еле выбралась и подумала, как же я опозорилась, но Виктор Семенович даже виду не подал и, улыбаясь, стал со мной разговаривать. Перед ним лежало мое личное дело. Листая его, задавал вопросы. Прежде всего спросил, люблю ли я мужа, есть ли у нас дети. Поинтересовался, как я училась, чем увлекаюсь и так далее. На все вопросы я ответила полно и четко, и мне показалось, что мои ответы ему нравятся. Абакумов поблагодарил меня и сказал, что я свободна».

Много чего сейчас говорят о Викторе Семеновиче Абакумове, но перед нами – впечатление «из первоисточника». Как видим, весьма положительное.

По оперативной информации также известно, что после этой встречи Абакумов назвал Анну красивой девушкой, что вполне соответствовало истине.

И вот еще одно наблюдение нашей героини: «Абакумов был очень тактичным человеком, никогда не отчитывал офицера в присутствии кого-либо, всегда делал это наедине»...

20 ноября 1942 года Анна Харитонова приступила к работе. Отдел, в который она была зачислена, состоял из двух отделений: «наружки» – то есть наружного наблюдения, и «установки» – это объяснить сложнее, ну, в общем – выяснения, кто есть кто, где он находится и всех о нем подробностей. Была также еще и группа обыска и ареста. Анну определили в «установку». Как оказалось – на двенадцать лет и два месяца.

Работа была тяжелая, день – ненормированный. Трудиться приходилось с самого утра и где-то до часу ночи, порой даже не хватало времени на обед. Было строгое правило: если вдруг заболел, то обязательно позвони в отдел, сообщи, где ты, что с тобой, нужна ли помощь. Но при всей напряженности, руководство считало, что «сотрудники органов всегда должны быть на голову выше других, в курсе всего, что делается в стране». Поэтому каждый день в отделе начинался с политинформации – ведь в те времена нельзя было посмотреть за завтраком утренние «Новости», «Вести» или «Сегодня», потому как телевизоры в жизнь трудящихся еще не вошли.

Кстати, перед тем как Анну зачислили на службу, руководство отдела пригласило ее мужа, которому в общих чертах объяснили характер будущей работы жены, предупредив, чтобы он не беспокоился и не ревновал, если супруга вдруг слишком задержится на службе или вообще не придет домой ночевать. Но так как по ночам Москву нередко бомбили, то Анатолий в таких случаях звонил по утрам в отдел, чтобы узнать – жива ли? Он ведь и сам «ходил по лезвию» – летал в немецкий тыл, к партизанам, на большом американском «Дугласе», а потому чаще Анна звонила на аэродром сама, выясняя, прилетел ли? Но, возвращаясь в Москву, Анатолий, как вспоминала Анна Кузьминична, часто говорил ей, что находиться здесь гораздо опаснее, нежели на фронте...

Анатолий имел в виду общую опасность, которой подвергались все москвичи, фактически живущие в прифронтовом городе. А ведь была еще и опасность того самого «невидимого фронта», на котором сражаются сотрудники спецслужб.

Вот как писала об одном из таких своих «незримых боев» сама Анна Кузьминична: «Летом 1943 года запеленговали рацию в доме на Рождественке. Мне было приказано установить, в какой квартире эта рация и кто на ней работает. Тщательно проверила весь дом, выяснила, что в одной из квартир остановился офицер, приехавший в командировку с фронта. Поселился у своей сестры, которая работала на заводе и часто отсутствовала по несколько дней. Соседи же уехали в эвакуацию, и этот офицер фактически жил в квартире один. Установили за ним слежку, проверили документы. Все в порядке. И вдруг он передает по рации, что в такой-то день и час он выходит из дома, и тогда-то будет переходить линию фронта. Наш отдел приготовился. Я должна была находиться в подъезде и, увидев, что офицер вышел из квартиры, махнуть белым платком в окошко повыше того этажа (стекло из форточки наша ребята заранее выставили). Прибыла я рано, вошла в подъезд и вдруг вижу, что этот офицер уже спускается вниз. Увидев меня, остановился, пропустил, и боковым зрением я замечаю, что он смотрит мне вслед. Прохожу один этаж, второй, третий – он все стоит! Дошла до последнего этажа, стучу в квартиру, захожу и прошу стакан воды. Когда старушка пошла за водой, быстренько выскакиваю обратно и, сняв туфли, спускаюсь к окну. Выдавливаю стекло из форточки, порезав при этом руку (я ведь была на другом этаже), и машу окровавленным платочком. Когда увидела, что со всех сторон к подъезду пошли пары наших сотрудников, то села на ступеньку лестницы и... заплакала. После мне рассказали, что к объекту подошли Антропов и Булеха, наша группа обыска и ареста, заломили ему руки за спину и втолкнули в подъехавшую машину».

Казалось бы, ну и что? Девушка ручку порезала... Но в данной ситуации, если бы гитлеровский агент ее раскусил, то в окно вполне могла бы полететь она сама, а так называемый «объект» попытался бы исчезнуть через чердак или другие квартиры. Предатель ведь прекрасно понимал, что его ждет.

Кстати, это было уже время «Смерш». Отдел, в котором служила Анна, стал тогда 10-м отделом Главного управления контрразведки НКО и в постановлении Государственного Комитета Обороны, которым утверждалось положение о ГУКР «Смерш» был обозначен следующим образом:

«10-й отдел «С» – работа по особым зданиям».

Возглавлял это подразделение полковник Леонид Максимович Збраилов, о котором Анна Кузьминична всегда очень тепло вспоминала.

Чтобы было понятно, что и в Москве сотрудники «Смерш» могли подвергаться смертельной опасности, приведем еще один эпизод из воспоминаний нашей героини: «На Гончарной улице, на

Таганке, в своей квартире остановился некий полковник, приехавший с фронта (его семья находилась в эвакуации). Мы знали, что он был завербован немцами и вот-вот должен вернуться обратно через линию фронта. Наша оперативная группа выехала к нему. Я пошла в квартиру узнать, дома ли он. Квартира на верхнем этаже, но электричества нет, лифт и звонок не работают. Стучу в дверь, никто не открывает. Повернулась спиной к двери и стала бить по ней ногами, чтобы меня услышали. Неожиданно открывается дверь, и я буквально падаю в коридор. Чувствую, что меня кто-то схватил за шкирку и бросил в маленькую комнатку, закрыв снаружи дверь на защелку. Я поняла, что нахожусь в туалете. Слышу, кто-то бегает по квартире. Раздается сильный стук в дверь, кто-то бежит к черному ходу, но там уже ждут наши ребята. Вошли в квартиру, один схватил этого полковника, другой побежал к парадной двери, куда еще стучали. Влетает Збраилов, его первый вопрос к задержанному:

– Где наша девушка?

– Если бы знал, что ваша – убил бы! – закричал неприятный плюгавенький полковник».

А ведь мог, мерзавец, убить, шкуру свою поганую спасая!

И возникает вопрос: какой был смысл использовать в качестве «установщика» женщину с высшим образованием, профессионального педагога? Да такой, что все перечисленные качества очень помогали Анне в работе – недаром же она была в числе лучших сотрудников отдела. Как она сама рассуждала, она была «тихая, стеснительная, очень спокойная, всегда улыбающаяся» – может быть, именно поэтому ей удавалось легко входить в доверие. Мужчинам – особенно, когда приходилось работать с женщинами, – сделать это было гораздо сложнее. Народ московский в ту пору жил, как правило, в «коммуналках», все у соседей на виду, основное место времяпрепровождения и общения у женщин – общая кухня. Тем более, что у подавляющего большинства из них мужья находились на фронте, и четыре стены опустевшей комнаты действовали воистину угнетающе.

А тут, вдруг, заявляется какой-то мужичок, явно что призывного возраста, да и никакой не калека, даже можно сказать, что наоборот, и так как ему надо задать собеседнице какие-нибудь конфиденциальные вопросы, то он должен пройти с ней в ее комнату. Все остальное зависит от уровня фантазии соседок – чего они там могут понапридумывать...

Если же в дверях появляется очень милая и скромная девушка, то это, скорее всего, не вызовет ни вопросов, ни интереса. Ведь она говорит, что пришла с почты или из домоуправления. Во многих случаях, зная, к кому она идет, Анна держала в руках какую-нибудь хорошую книгу. Страна в то время реально была «самой читающей», что порождало неизбежный «книжный дефицит». Тут уже у собеседника возникали естественные вопросы – либо по содержанию книги, либо о том, где ее удалось достать, между женщинами начинался разговор, который затем, как бы и сам собою, постепенно переходил на нужные рельсы. И так нередко бывало, что возникшая к собеседнице симпатия заставляла женщин открывать ей какие-то тайны, делиться сомнениями или подозрениями.

Правда, один раз книга ее и подвела – в домоуправлении поселка «Сокол», где находились кооперативные дома для писателей и артистов, она познакомилась с Валентином Костылевым[7], автором гремевшей в ту пору трилогии «Иван Грозный», вскоре удостоенной Сталинской премии. Увидев в руках у красивой девушки второй том своей знаменитой книги, писатель пригласил ее к себе, обещая подарить третий том, только что полученный им из издательства. Анна поблагодарила, но твердо отказалась, сказав, что, мол, скоро сможет приобрести эту книгу сама. Валентин Иванович явно был обижен таким небрежением – обычно читатели просят у писателей подписать книгу, а тут... В общем, наступила девушка на авторское самолюбие! Костылев же не знал, что сотрудникам спецслужб, каковой являлась его случайная знакомая, запрещалось брать какие-либо подарки!

Разумеется, причастность свою ни к Управлению особых отделов, ни к ГУКР «Смерш» Анна Харитонова никоим образом не афишировала. У нее были «документы прикрытия» – вплоть до удостоверения сотрудницы МУРа, Московского уголовного розыска, но и народ вокруг был тертый, опытный, и кое-кто сразу понимал, почему эта милая девушка вдруг заинтересовалась человеком, неожиданно приехавшим в столицу после долгих месяцев отсутствия и молчания. Все-таки, была война...

А вообще, как известно, любая война сближает людей в погонах. Анна Кузьминична вспоминала, что ежемесячно, а то и дважды в месяц, к ним в отдел заходил Виктор Семенович Абакумов, отвечал на вопросы сотрудников, разговаривал с ними, интересовался, что им мешает в работе. Напоминал, кстати, что «товарищ Сталин учит, чтобы не было неприятностей, карманы нужно держать закрытыми». Между прочим, некоторые сотрудники воспринимали это указание буквально: когда отправлялись по заданию в какой-нибудь магазин – а ведь там, чтобы встретиться с начальством, следовало «посветить» МУРовским удостоверением – они зашивали себе карманы. Что ж, это давало гарантию, что никто туда ничего не подсунет – в смысле, денежных средств, банальной взятки.

Хотя, было один раз, что именно на этом удостоверении Анна «погорела». Известно, что некоторые очень серьезные документы имеют свои особенности или секреты. Вот и отправилась она однажды для «установки» кого-то, показала свою «корочку» и напоролась на не в меру бдительную гражданку, решившую, что Харитонова задает вопросы не очень подходящие для «милиционерки». У нее возникла мысль: а вдруг это шпионка? Бдительная гражданка под каким-то предлогом предложила перенести встречу на следующий день и по-

[7] Костылев Валентин Иванович (1884–1950) – писатель, автор исторических романов «Иван Грозный», «Козьма Минин», «Питирим» – лауреат Сталинской премии.

спешила позвонить в МУР, поделиться своими вполне справедливыми сомнениями.

Назавтра по указанному адресу Анну уже ждали подлинные сотрудники угрозыска. Проверив ее документы, обнаружили, как потом выяснилось, отсутствие какой-то условной точки. Стали допрашивать, кому-то звонить, что-то уточнять... Анна, следуя установленным правилам, четко стояла на своем – мол, я сотрудник МУРа, и все! Оно и понятно: стопроцентной гарантии того, что с ней общались именно сотрудники милиции, не было. Вдруг, это какая-то хитрая операция того же Абвера? На войне всякое бывало...

Отчаявшись, Анна попросила разрешения позвонить по телефону, набрала номер своего отдела, но только в трубке раздался щелчок, означающий, что на том конце провода трубка снята, как милиционер перехватила телефон и с удивлением услышал: «Збраилов слушает!» «Максимыч, ты?! – удивленно воскликнул он. – Так это твоя девушка?» Оказалось, что Анну уже искали по всей Москве, и потому за ней тут же прислали машину.

Кстати, милицейский начальник потом расхвалил сотрудницу «соседей», как это называется в спецслужбах, и заявил, что ему бы таких, надежных...

В общем, всяко случалось – и порой было очень даже непросто.

Достаточно быстро Харитонова – точнее, в отделе ее знали под оперативным псевдонимом «Хаценко» (надо же было придумать такое, да еще для молодой красивой женщины!) – завоевала прочный авторитет среди сотрудников. Про нее говорили, что она была очень дотошная, вытрясала из источников все, что им было известно, до самых-самых мелочей. Узнавая о связях объекта, устанавливала адреса и этих «связей», ездила туда, уточняла. А потому ее «установки» были наиболее полные, она четко отвечала на все вопросы оперативного работника, поставившего ей задачу провести «установку». Сотрудники Управления особых отделов это ценили и указывали на своих заданиях: «Просим исполнить Хаценко». Что ж, как говорится – на том и едут, кто везет. Не будем, однако, забывать, что это было за время...

Но ведь и нормальная человеческая жизнь, вопреки войне, продолжалась. Осенью 1943 года Анна родила сына, которого назвали Валерием, в честь легендарного летчика Чкалова[8]. Вообще, Анатолий был против детей – но только во время войны, понимая, насколько опасна «небесная» профессия летчика... А вот после войны, говорил он, у них с Анной должно быть много-много детей, и, причем, все они должны быть похожи на маму.

30 мая 1944 года он вновь отправился в «партизанский край», на еще не освобожденную от гитлеровцев территорию Белоруссии. Обыкновенный, рядовой полет – вот только стихия в ту ночь разыгралась не на шутку. Над Москвой гремела гроза, и не только Анна никак не могла заснуть, сидела за столом и читала, но и мама ее, Матрена Осиповна, проснулась ночью от раскатов грома и долго молилась...

Ливень буквально захлестнул и тот подмосковный аэродром, где базировались транспортные «Дугласы». Летчики, кроме одного экипажа, лететь в такую погоду отказались. Единственный экипаж, который вылетел в ту ночь, был экипаж лейтенанта Харитонова – Анатолий понимал, что партизаны ждут боеприпасы и продовольствие. К тому же, в отряд следовало доставить женщину-врача для помощи раненым.

Но и там, на линии и за линией фронта, бушевала гроза. Низвергавшиеся с неба потоки заливали посадочные костры, сигнал для летчиков, которые тщетно пытались разжечь партизаны. Озаренный призрачным светом молний самолет метался между небом и землей, его экипаж высматривал место посадки, но все было тщетно. А потом «Дуглас» оказался в эпицентре стихии и, пораженный ударом молнии, свалился на землю огненным крестом. Теперь уже никакой дождь не мог потушить костер из полыхающего топлива и взрывающихся боеприпасов... Только утром партизаны смогли подойти к месту трагедии. Останки девяти человек погребли в трех гробах – в лесу, около деревни Хоросты, Ленинского района Белоруссии...

Возможно, что гибель экипажа Харитонова спасла от наказания, вплоть до трибунала, тех летчиков, которые отказались в ту ночь лететь на выполнение задания. Тут уже у них был «железный козырь»: мол, что, нужно было, чтобы и мы погибли, потеряли боевые машины?

Анна еще две недели ничего не знала о судьбе своего мужа. Обычно он звонил ей по возвращении, а теперь, когда звонила в часть она, ей отвечали, что лейтенант Харитонов отправлен на открытие Второго фронта... Через две недели ее пригласили на аэродром – и только тогда ей открылась страшная правда.

Анна была потрясена потерей горячо любимого человека. «Я сильно болела, – вспоминала она. – Начались галлюцинации. Увижу на улице летчика, бегу за ним, хватаю за руку, он оглядывается, я вижу, что это чужой человек, отворачиваюсь и убегаю. Пропал голос...»

Ей даже предлагали лечь в психиатрическую больницу, но Анна отказывалась, чтобы не расставаться с сыном. К тому же, в это время угасал от рака легких ее отец, Кузьма Михайлович – ему так и не сказали о гибели зятя, а он, быть может, и догадывался, только молчал, еще более прежнего лаская внука, и Анна понимала, что ей следует быть с матерью.

На службе, как она вспоминала, к ней отнеслись с любовью и вниманием. Не только помогли получить еще одну комнату и буквально мгновенно прописать свекровь, приехавшую с оккупированной территории, но и хотели временно перевести Анну из «установки» в «наружку» – наружное наблюдение. Если «установщики» работали в одиночку, то есть она нередко и неминуемо оставалась бы один на один со своими мыслями, то

---

[8] Чкалов Валерий Павлович (1904–1938) – летчик-испытатель, комбриг, Герой Советского Союза.

«наружники» ходили парами, парень и девушка (кстати, впоследствии они все переженилсь – но к Анне это отношения, можно понять, не имело), так что она была бы и не одна, и под наблюдением профессионально внимательного товарища, который в случае необходимости проинформировал бы руководство о том, что что-то не так, что ей требуется неотлагательная помощь. Чекисты ведь тоже отнюдь не железные люди...

Однако она подумала и отказалась, почувствовав, что ни по скромному своему характеру, ни по деликатному поведению не сможет там работать. «Наружник» – это особенная психология, нужно быть решительным, предприимчивым, а порой даже ушлым и нахрапистым. Попробуй, пройди интеллигентным образом – перед всеми извиняясь и расшаркиваясь – через толпу, в которой стремительно исчезает «объект». Тут надо буквально пробиваться...

В общем, Анна подумала, поблагодарила и отказалась. Начальник отдела полковник Збраилов особенно не настаивал: терять прекрасную «установщицу» не хотелось, а девушка она была разумная, и было ясно, что с горем своим она справиться сумеет. Впрочем, и по ее профилю работы хватало – правда, характер этой работы постепенно менялся: война подходила к концу, агентуры противника становилось все меньше, зато приходилось искать бывших гитлеровских приспешников, власовцев и прочее отребье, которые пытались замести следы и затеряться в «новой жизни», изображая из себя добропорядочных фронтовиков. Так, кстати, Анне удалось разыскать некоего аккордеониста, в свое время неотступно сопровождавшего генерала-предателя Власова[9].

Разное бывало – причем, совершенно разное. Вот еще один эпизод, описанный Анной Кузьминичной в ее воспоминаниях: «Однажды я получила «установку» на Капитолину Васильеву[10]: охарактеризовать ее и связи – обычное, очень простое задание. Жила она со своей матерью где-то в районе шоссе Энтузиастов. Но в беседе с людьми, там проживавшими, я узнала, что Капитолина – лучшая пловчиха СССР, недавно вышла замуж и переехала с матерью к мужу по адресу: Гоголевский бульвар, дом 7. Поехала туда: огороженный двухэтажный дом, во дворе, в будочке, стоит солдат. Подхожу к нему и прошу пропустить меня к коменданту. «Подождите», – вежливо отвечает солдат, а я оглядываюсь, не понимая, что это за здание. Вдруг ко мне подбегает офицер, который посмотрел мое удостоверение уголовного розыска и говорит:

– К нам больше не приходите!

– Почему?

– Узнаете в своем уголовном розыске! – офицер записал номер моего удостоверения и пошел обратно в дом. <...>

Потом мне стало известно, что с Гоголевского бульвара позвонили Збраилову, который объяснил, что это была обыкновенная проверка для выдачи пропуска на трибуну Мавзолея. От Леонида Максимовича я узнала, что в этом особняке живет Василий Иосифович Сталин[11], а Капитолина Васильева была его очередной женой».

Но это, пожалуй, было уже после войны...

За все военное время Анна Кузьминична Зиберова ни разу не выезжала из Москвы в западном направлении – только на восток, на Урал, в эвакуацию. Но все равно, она являлась и считалась участником Великой Отечественной войны – правда, по причине пресловутого «режима секретности», только с 1992 года. Прошедшая война очень больно ударила по всей ее семье, по родным и близким для нее людям.

«Мне часто задают вопрос, страшно ли было во время войны? Помню слова из популярной в те годы песни: «Ах война, война, что же ты наделала...» Во время войны погибли мой муж Анатолий Харитонов, мой брат Алексей Овсянников, два брата мужа. Отец умер 4 января 1945 года. Великий праздник Победы в майские дни 1945 года навсегда запомнился тем, кто пережил страшную, разрушительную войну. А все не вернувшиеся с войны остались в памяти, значит они живы. Мы видим их на фотографиях в семейных альбомах. В день Победы 9 мая все идут счастливые, веселые, а у меня это праздник радости и боли утрат, праздник “со слезами на глазах”...»

Вот так вот...

9 мая, а потом и 3 сентября 1945 года страна наша отпраздновала Победу: сначала над гитлеровскими фашистами, потом над японскими милитаристами. Однако сотрудники советских спецслужб так и не вышли из боя – нужно было искать предателей, карателей, затаившуюся агентуру немецких разведок.

Но время и жизненные обстоятельства вносили свои коррективы в службу Анны Кузьминичны – как, разумеется, и всех других сотрудников. В сентябре 1952 года она была переведена в Особый отдел Московского района ПВО, в сентябре 1954 года преобразованного в Московский округ ПВО, и там уже работала в отделе кадров. 1 ноября следующего года, в ходе очередных реформ, она была уволена с военной службы и продолжала работу в качестве, как это называлось, «вольнонаемной», на должности старшего инспектора.

В конце того самого 1954 года стало известно о казни Виктора Семеновича Абакумова. Это сообщение неприятно поразило многих военных контрразведчиков и вообще сотрудников органов безопасности, но большинством было воспринято как-то абстрактно. Начальник очень высокого ранга, ко-

[9] Власов Андрей Андреевич (1901–1946) – советский военачальник, в ходе Великой Отечественной войны перешедший на сторону врага. В 1946 г. осуждён по обвинению в государственной измене, лишен воинского звания, государственных наград и казнен через повешение.

[10] Васильева Капитолина Георгиевна (1918–2006) – спортсменка, чемпионка СССР по плаванию. Третья жена Василия Иосифовича Сталина; брак продлился с 1949 по 1953 гг. Дочь Капитолины от первого брака Лина Васильева удочерена В.Сталиным, в связи с чем носит фамилию Джугашвили.

[11] Сталин Василий Иосифович (с 9 января 1962 года – Джугашвили; 24 марта 1920–19 марта 1962) – военный летчик, генерал-лейтенант авиации (1949 г). Командующий ВВС Московского военного округа (1948–1952). Младший сын Иосифа Виссарионовича Сталина.

торого многие из его подчиненных никогда не видели – разве что на высокой трибуне из задних рядов переполненного зала – он был бесконечно далек для основной массы своих подчиненных. Не будем, к тому же, забывать, что с конца 1953 года начались казни руководителей и высокопоставленных сотрудников госбезопасности, в том числе и героев «Смерш», внесших очень большой вклад в достижение Великой Победы, ведомство сотрясали очередные реформы и реорганизации – к этому чуть ли не привыкли, и больше думали не о начальниках, а о себе самих.

Но ведь Анна Кузьминична встречалась с Абакумовым далеко не один раз, достаточно часто общалась с ним, видела его, что называется, в процессе повседневной деятельности. Вот почему произошедшее с Виктором Семеновичем стало для нее личной трагедией. В своих воспоминаниях она писала, никого не щадя, воздавая по заслугам каждому: «В 1951 году был арестован министр госбезопасности Абакумов. На него накатал донос следователь по особо важным делам МГБ Рюмин. Как считали все чекисты, Михаил Рюмин – это полное ничтожество, последняя мошка в этой системе, полуграмотный, завистливый, патологически злой человечишка. Донос Рюмин передал Маленкову, а потом и самому Сталину. Абакумов надеялся, что Сталин разберется в этой интриге и обязательно освободит его. Но 5 марта 1953 года Сталин умер, и у Абакумова не осталось никаких шансов на освобождение. Берия видел в Абакумове соперника, а Хрущев боялся его до холодного пота, поскольку был самым жестоким секретарем ЦК Компартии Украины. По количеству расстрелянных Украина намного обгоняла все остальные республики СССР. Сталин бросил Абакумова в застенок по причине своей патологической подозрительности, а Хрущев, добивая его окончательно, имел на то вполне веские личные причины: Абакумов про него все знал...»

...Через несколько лет Анна вновь вышла замуж – за бывшего своего начальника полковника Михаила Ивановича Зиберова, с которым прожили они душа в душу более сорока лет – до 1990 года.

Сорок лет она прослужила и проработала в военной контрразведке, а затем, выйдя на пенсию, активно включилась в работу Совета ветеранов.

...В 1996 году, впервые после войны, Анна Кузьминична пришла в свою родную 464-ю школу – на ее 60-летие. Так получилось, что из всех собравшихся она оказалась самой старшей по возрасту: тех самых учителей, кто когда-то ее учили, уже не было на свете – только их бережно сохраненные портреты на стендах, да пожелтевшие классные фотографии первых выпусков, да портреты ребят, не вернувшихся с полей Великой Отечественной войны... Согрело душу, когда услышала, как почтенная бабушка, некогда бывшая девочкой из какого-то младшего класса, сказала подругам, указывая на один из снимков: «А это Нюрочка Овсянникова. Она ездили с нами вожатой в пионерский лагерь, часто выступала в художественной самодеятельности. Однажды мой папа, услышав ее пение, сказал, что это будет актриса».

Могла стать актрисой... должна была стать учителем и, вполне возможно, дорасти до директора школы... – но судьба и время направили ее по совершенно иному пути, в военную контрразведку, о чем она никогда не жалела.

Потом, когда выпускники собрались в актовом зале, именно Анне Кузьминичне, как, скажем так, «дуайену школы»[12] – в общем, самой старшей по выпуску, предложили выступить первой, рассказать о первых днях школы, и о том, как впоследствии сложилась ее жизнь. Про школу все слушали очень внимательно, но когда Зиберова сказала, что после института она стала не учителем, но сотрудником контрразведки «Смерш», в зале словно бы сгустилась гнетущая и какая-то неловкая тишина. Многие из тех, кто только что с интересом на нее смотрел, вдруг опустили глаза.

Что такое?! Анна Кузьминична смутилась. Промелькнула мысль: неужели что-то не так с ее костюмом? Но тут раздался «глубокомысленный» мужской голос: «"Смерш" – это страшно!»

Реакция Зиберовой был мгновенной – она рассмеялась. Искренне, весело и чистосердечно. Стало понятно, что мозги слушателей были просто забиты «перестроечными» и «постперестроечными» измышлениями о советских спецслужбах... «Разве я страшная?» – спросила эта 75-летняя, невысокая, очень обаятельная и улыбчивая женщина. И все, посмотрев на нее, как-то смутились... А потом Анна Кузьминична достаточно долго рассказывала – в пределах возможного, разумеется – о боевых делах военной контрразведки, о своих товарищах, о войне и послевоенном противостоянии спецслужб... Когда этот рассказ, который все слушали буквально на едином дыхании, – все-таки, оставался у нее педагогический талант! – закончился, весь зал встал и все стоя ей аплодировали. Директор школы в искреннем душевном порыве сгребла в охапку все цветы, предназначенные для выпускников, и вручила ей огромный букет...

...Анна Кузьминична Зиберова ушла из жизни в 2013 году, оставив сына и дочь, внуков и правнуков – и светлую о себе память. А еще, в канун своего девяностолетия, она успела написать книгу «Записки сотрудницы "Смерш"», в которой рассказала обо всей своей долгой и прекрасной жизни. Издать эту книгу ей помогли нынешние военные контрразведчики – ее ученики и молодые коллеги, ее наследники.

[12] Дуайен – глава дипломатического корпуса, старший по дипломатическому классу и по времени аккредитования в данной стране дипломатический представитель.

ОН СТОЯЛ У «ШТУРВАЛА» «АВРОРЫ»
(БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ПИДЕМСКИЙ)

Известно, что в основе исторического знания лежит документ.

И вот перед нами – пожелтевший (старый документ непременно должен быть таким!) «Наградной лист на оперуполномоченного ОО НКВД 20 стр. дивизии НКВД политрука ПИДЕМСКОГО Бориса Михайловича». «Изложение личного боевого подвига» звучит так: «Несмотря на то, что т. Пидемский молодой чекист, оперативную работу освоил хорошо и практически по обеспечению государственной безопасности в частях Кр. Армии работает так же хорошо. Инициативный и дисциплинированный товарищ.

Будучи уполномоченным 8-го стр. полка 20-й стр. дивизии, находясь на передовой линии (левый берег р. Невы), сорганизовал 50 человек красноармейцев и в целях отбития контратаки противника сам лично повел в атаку красноармейцев.

Благодаря этому атака противника была отбита с большими потерями для фашистов, а тов. Пидемский занял выгодный рубеж, на котором закрепился. С занятого рубежа т. Пидемский путем продуманного прицельного ружейно-пулеметного огня нанес большой урон живой силе противника».

Подписал начальник 4-го отделения Особого отдела НКВД Ленинградского фронта старший политрук Костюшко, а датировано оно 15 декабря 1941 года.

Думаете, этот документ дает представление о совершенном подвиге? Реально говоря – никакого! Ведь в «Представлении» нет главного – очевидного для того, кто его писал и для того, кто будет принимать решение, но не для последующего исследователя – все то, о чем рассказано выше, происходило на Невском «пятачке», за одно только нахождение на котором можно было бы давать, как минимум, медаль «За отвагу», самую почитаемую бойцами.

«Пятачок» – «Невский плацдарм», как его официально именовали, это «плацдарм на левом берегу реки Невы (в районе Московской Дубровки), который войска Ленинградского фронта удерживали на протяжении почти всей блокады Ленинграда. В ходе Синявинской операции 1941 г. в ночь на 20 сентября соединения Ленинградского фронта форсировали Неву в районе Невской Дубровки (правый берег Невы; ныне поселок городского типа Дубровка) и захватили плацдарм в 4 км по фронту и до 800 м в глубину. Первыми форсировали реку части 115-й стрелковой дивизии и 4-й бригады морской пехоты. Противнику в результате неоднократных атак удалось сократить плацдарм до 2 км по фронту. Ожесточенная борьба за этот плацдарм продолжалась непрерывно почти 7,5 месяцев. Защитники Невского плацдарма отражали в день по 12–16 атак противника, на них обрушивалось до 50 тысяч снарядов, мин и авиабомб в сутки...»

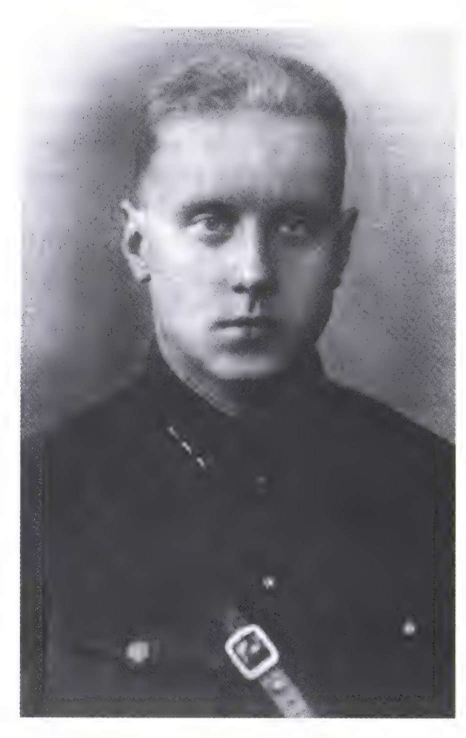
Хотя 29 апреля 1942 года гитлеровцам и удалось захватить «пятачок», но через пять месяцев, 26 сентября, советские воины овладели им вновь – при прорыве блокады отсюда наступала 45-я гвардейская дивизия...

Вот в таких жутких условиях политрук Пидемский сумел «сорганизовать 50 человек красноармейцев» и отбить атаку противника. А ведь иного варианта, как выстоять, там не было – на новый рубеж не отойдешь, за спиной несла свои черные воды Нева. Но страх порой парализует человека, а паника рождает «стадное чувство», когда перепуганная толпа мчится неведомо куда.

Вот и тогда Борис увидел бегущих бойцов, истошно кричавших: «немцы!» – причем за ними уже никто не бежал, «фрицы» не очень-то старались подставлять головы под пули. Как заведено в армии, политрук остановил красноармейцев «незлым тихим словом», а когда кто-то по инерции вякнул про «немцев», сразил ответным вопросом: «А вы что, с французами, что ли, пришли воевать? Мать их так...» И все обалдели, и кому-то даже стало смешно от этой убийственной логики, а кто-то в оправдание стал говорить, что, мол, СВТ, самозарядные винтовки Токарева, не стреляют. Пидемский знал тому причину, а потому, видя, что противник не атакует, приказал вконец растерявшимся бойцам садиться на землю, разбирать и чистить винтовочные затворы. Постепенно красноармейцы пришли в себя, и оперработник, сказав несколько ободряющих слов, повел их в атаку. А ведь артиллерийские и минометные обстрелы (50 тысяч снарядов в сутки на «пятачок» 2 км на 800 м!) не прекращались, пожалуй, ни на минуту.

Однако всего этого в «наградном листе» нет – тем, кто его заполнял, и так было понятно, зато мы себе подобного и представить не можем!

Политрук Пидемский был представлен к ордену Красной Звезды, однако, как часто случается, из «вышестоящего штаба» было виднее, а потому наградой стала медаль «За отвагу». Один



Б.М.Пидемский.

опытный фронтовик, прошедший всю войну, говорил, что за те подвиги, за которые в 41-м давали «За отвагу», в 44-м представляли к Герою. И вообще, в 41-м награждали редко. Ну, это к сведению...

Впрочем, мы не сказали, кто это такой – политрук Борис Пидемский.

Он родился 7 января 1918 года в Вологодской области, в селе Петропавловское (затем – село Чарозеро, теперь – поселение Чарозерское). Родители его были из крестьян, но смогли получить начальное медицинское образование. Михаил Матвеевич в 1900 году возвратился со срочной службы со специальностью «батарейного фельдшера», а Елизавета Андреевна в 1905 году окончился «курсы повивальных бабок» и тридцать с лишним лет трудилась акушеркой. В семье было пятеро детей, четверо – от первого брака отца. Вскоре после рождения Бориса его родителей перевели в Белозерский район, в Мегру.

«Борис Пидемский родился на Вологодчине, жил там в селе Мегра, а когда ходил в школу, то младшими его товарищами, дружбу с которыми он пронес через всю жизнь, были Сергей Орлов[1], писавший позднее пронзительные строки «Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат...», и Сергей Викулов[2], с 1968 по 1989 год редактировавший журнал “Наш современник”».

Жизненный путь представлялся ему вполне понятным: следуя семейной традиции, он в 1934 году поступил в Череповецкий медицинский техникум, надеясь, отработав три года фельдшером, пойти в Военно-медицинскую академию. При этом, следуя широко известному лозунгу «Молодежь – на самолет!» и зову сердца, разумеется, Борис окончил в 1936 году летно-планерную школу, но все-таки решил оставаться на земле.

Техникум он закончил в 1937 году, а под самый выпуск приехали три военврача 1 ранга из Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД. Пидемскому как комсомольскому активисту, секретарю бюро, предложили (на что уже была рекомендация райкома комсомола) «добровольно поступить на пожизненную службу в войска НКВД в кадры начальствующего состава». Понятно, что служба по медицинскому профилю, и что приглашали не его одного. От таких предложений в те годы отказываться было не принято, так что уже 1 июля Борис был зачислен в кадры войск НКВД. Пройдя ускоренную подготовку, он сдал экзамены по военным дисциплинам за военно-медицинское погранучилище, что оказалось не так уже и сложно – военная учеба в техникуме была поставлена серьезно. Однако по выпуску Пидемский получил назначение не в погранвойска, а в 51-й Октябрьский железнодорожный полк войск НКВД, дислоцировавшийся в Новгороде. Ему было присвоено звание «военфельдшер» – то есть лейтенант.

В том же году ему довелось содействовать медицинскому обеспечению войсковых частей, перебрасываемых в Польшу, как военфельдшеру участвовать в войне с Финляндией, в том числе три дня – в экипаже бронепоезда. Так и дошли до города Виипури (Выборга), где Борис, как знающий фармакологию, в течение года работал начальником аптеки – внештатной, оставленной финнами...

А в марте 41-го Пидемский был переведен в военную контрразведку – 3-й отдел Ленинградского военного округа. Вместо спецзваний госбезопасности, как было, когда существовал Особый отдел ГУГБ, контрразведчики получили звания политсостава – и Борис, добавив себе на петлицы третий «кубик», стал политруком. Изначально он оперативно обеспечивал 442-й окружной военный госпиталь, а вскоре, когда началась война, прибавилось еще много всякой работы. Так, в июле, Борис получил задание вывести агента за линию фронта.

Начальник разведотдела штаба Ленфронта генерал Евстигнеев[3] обратился к заместителю начальника 3-го отдела майору госбезопасности Сидневу[4], сообщив, что есть подготовленный агент из поволжских немцев, которого можно внедрить в абверовскую разведшколу. Но поначалу переброска агентуры через фронт осуществлялась только с разрешения «самого верха», а времени зря терять не хотелось... Борис Михайлович вспоминал: «Впоследствии мы много забрасывали для внедрения в разведшколы и разведцентры, так что в полосе действия войск Ленинградского фронта не было, пожалуй, ни одной школы Абвера, где бы не было нашего агента. Это признали сами немцы: у них во всех разведшколах были провалы...

Начальством был установлен такой порядок, что при выводе

[1] Орлов Сергей Сергеевич (1921–1977) – русский советский поэт и сценарист. Участник Великой Отечественной войны, командир взвода тяжелых танков.

[2] Викулов Сергей Васильевич (1922–2006) – русский советский поэт. Участник Великой Отечественной войны, командир зенитно-артиллерийской батареи на Калининском и Сталинградском фронтах.

[3] Евстигнеев Петр Петрович (1901–1970, Москва) – генерал-лейтенант, начальник разведывательного отдела штаба Ленинградского фронта.

[4] Сиднев Алексей Матвеевич (1907–1958) – генерал-майор. Август 1941 – май 1942 гг. – заместитель начальника Особого отдела НКВД Ленинградского фронта. Май 1942–1943 гг. – начальник Особого отдела НКВД Карельского фронта, затем – начальник Управления контрразведки (УКР) «Смерш» Карельского фронта. Июнь 1944 – июнь 1945 гг. – заместитель начальника УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта.

агента выползаешь вместе с ним. До тех пор, пока не убедишься, что он перешел на ту сторону. У нас был заместитель начальника отделения Володя Герасимов, очень толковый парень, ему и поручили переброску через линию фронта. Ну, а кого второго? А вот, говорят, – госпитальник! Здоровый, крепкий мужик. Если что, так сам и фельдшер. Так я и попал «в первую тройку». Мы с Герасимовым поехали в район Котлов <деревня в Ленинградской области>, повезли нашего паренька... Выбрали наиболее подходящее место, где кустарник был, старые траншеи и прочее. Договорились с командиром полка, что в 23.30 мы парня с правого фланга поведем, а в это время на левом фланге он откроет огонь – типа разведки боем, чтобы отвлечь внимание немцев. Агент тем временем проскользнет...

Ну, поползли. Болото, помню, еще такое было... Когда увидели немецкие заграждения, то пустили его вперед, а сами затаились... Слышим, как он заворошился с проволоками, потом раздался окрик, и он в ответ по-немецки чего-то шпарит. Там пошумели-пошумели, и стало ясно, что они его взяли... Ну, дальше его дело, а мы поползли обратно. Но ни когда мы туда ползли, ни обратно, с нашей стороны огня не было! Оказалось, командир полка сменился и не передал новому, что с контрразведчиками договорился о поддержке.

А потом немцы вдруг открыли огонь. Вверх полетели ракеты, как у них всегда было, началась стрельба. И чувствую, будто обухом топора ударило в колено, а боли нет. Я стал разгибать ногу – больно! Толкаю: «Володя, я, кажется, ранен!» Герасимов выругался, подхватил меня под левую руку, доползли до траншеи... Меня оттуда сразу доставили в гостиницу «Нева», где у контрразведки был свой медстационар, затем свозили в Военно-медицинскую академию, там еще рентген работал. Привезли обратно. Строго-настрого предупредили: "Никуда не ездил, нигде никого не перебрасывал! Ни-ни-ни!"».

На следующий день Пидемского навестили лечащий врач и профессор из академии. Ему был показан снимок, на котором четко была видна пуля, засевшая в коленном суставе. «Она там хорошо устроилась!» – резюмировал специалист и рекомендовал «пульку», как он выразился, не вынимать... Действительно, прохромав месяц, Борис о ней и забыл, хотя проносил ее в своем колене более семидесяти пяти лет, до конца жизни. А боевое ранение никем и нигде не было засчитано, потому что, не дай Бог, высшее начальство узнает!

...О судьбе того парня, переправленного через линию фронта, Пидемский ничего не слыхал – в спецслужбах каждый знает лишь то, что должен знать в соответствии со своими обязанностями.

27 октября Борис прибыл на Невский «пятачок», где пробыл семнадцать суток. Всего или целых? Последнее вернее.

О подвиге, совершенном там политруком Пидемским, за что он был награжден медалью «За отвагу», мы уже знаем. Были в эти семнадцать дней и другие яркие мгновения, но про одно из них Борис Михайлович вспоминать не любил, хотя много лет спустя описал этот случай в документальной повести «Поздней осенью сорок первого», имеющей так же подзаголовок «В наркомзем или наркомздрав». Объясним, что про «Невский плацдарм» говорили, что отсюда две дороги: либо в наркомозем, то есть Народный комиссариат земледелия, либо, если очень повезет, в Народный комиссариат здравоохранения. Оказавшись в «наркомздраве», на госпитальной койке, Борис в 1942 году и начал писать ту повесть, которую закончил в 1999-м.

В главном ее герое, сотруднике Особого отдела политруке Белозерове, без труда узнается сам автор. А произошло вот что...

Вечером особиста разыскал какой-то ефрейтор, сообщивший, что у них в роте, после того как погибли в бою все офицеры, «происходит буза». Сержант Тахиров, которого сейчас назвали бы «неформальным лидером», убеждает бойцов отходить к реке, а потом плыть на правый берег. Между тем политрук знал, что скоро начнется наступление. Он отправился в роту.

Нет смысла описывать, как особист пытался образумить бойцов, как дерзко и нагло вел себя сержант, отказываясь выполнять приказание и убеждая других оставить позиции, чтобы спасти свои жизни... Красноармейцы колебались, Тахиров начал отталкивать политрука, и тогда Белозеров – или Пидемский? – срывающимся голосом зачитал приговор: расстрелять сержанта за трусость и нарушение присяги, и сам, на месте, тут же привел приговор в исполнение.

А потом была дружная, озверелая атака этой и других рот, и немцы вновь были отброшены... Оборона Невского «пятачка» продолжалась.

И вот что далее написано в повести:

«Через час, в землянке, Белозеров, выведя на бумаге «...ноября 1941 года, я... рассмотрев... материалы на...» вынул из кармана документы Тахирова. Из бумажника торчал недавно свернутый треугольник письма. В красноармейской книжке – фото. Молодая женщина держит на коленях веселого узкоглазенького мальчугана с кудряшками, спадающими на лоб. Пухлая ручонка поднята в приветствии папе. Конечно, по подсказке фотографа или матери...

Не было ни раньше для политрука, ни позднее ничего страшнее вот этого увиденного маленького снимка. Не было более страшной мести за его, казалось ему – справедливый и единственно возможный шаг, чем месть от взгляда на эту ручонку, на излучающего свет малыша, приникшего к груди озабоченной женщины. <...>

Не в силах от какого-то овладевшего страха перед собой прочитать, что написано на обороте фотографии, записал с красноармейской книжки фамилию, имя,

отчество в помятый листок постановления, подписал его и дал подписать, в соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего, свидетелям происшедшего, сидевшим тут же... <...>

Свернув «постановление» и сунув в карман, Белозеров протянул бумажник с документами капитану, исполнявшему обязанности начальника штаба...

– Кроме красноармейской книжки отправьте, пожалуйста, все по адресу, что в письме, – снова каким-то дрогнувшим голосом сказал политрук.

– А как сообщить, что написать о смерти? – спросил начштаба.

– То есть как что? – растерялся тот. – Извещение, обычное извещение...

– Похоронку: «Погиб смертью храбрых»? – с какой-то в растянутости слов уловимой издевочкой произнес язвительно капитан.

– Да, да, черт возьми, погиб смертью храбрых! – не ожидая от себя опалившей вспышки нервов, заорал Белозеров.

– Но это же явная ложь, политрук, – приняв эту вспышку за личное оскорбление, также в несколько повышенном тоне возразил начштаба...

– Капитан, делайте, что вас просят! – <раздался вдруг голос командира полка.> – Все правильно...»

Думается, здесь ничего объяснять не нужно...

20-я стрелковая дивизия войск НКВД, в Особом отделе которой служил Борис Пидемский, сражалась на левом берегу Невы в течение двадцати суток, начиная с 27 октября 1941 года. Когда дивизия переправлялась из Невской Дубровки в Московскую Дубровку, ее численность составляла порядка девяти тысяч человек, к тому же, через реку постоянно приходили пополнения. Через двадцать суток на правый берег высадились 785 человек – и это считая специалистов службы тыла, в основном в боях не участвовавших...

Мы спросили у Бориса Михайловича, удалось ли ему там, на «Невском пятачке», разоблачить хотя бы одного немецкого агента или шпиона? Он отвечал:

«Какие там, в огне, шпионы? Кого там можно было разоблачить? Там даже нужного тебе человека невозможно было отыскать – все передвижения в основном ползком, народ по ямам сидел... Наша надежда была просто на порядочных людей. Что если что-то где-то кто-то обнаружит или что-то случилось, то сообщат... Но контрразведывательной работы и там хватало. Мало, но и там бывало неисполнение приказов, паникерство. Надо было допрашивать военнопленных и решать вопросы их использования. Проверка документов, использование коротких расстояний и прикрытия огнем для переброски агентуры. Пресечение, хотя и редко, попыток дезертирства, измены Родине – вплоть до применения оружия.

А методы? Метод один: опираться не только на своих помощников, поскольку их воистину «с огнем не сыщешь», а на контакт со всем личным составом. К примеру, когда у очередного погибшего уполномоченного по 8-му полку Миши Зуева я принял полк, в нагрудном кармане у него нашли блокнот, в нем были вырваны несколько страниц и написано: «Оперуполномоченному после меня. Не ищи никакого списка. Он был здесь и, видишь, похерен. По указанию был должен обеспечить.... Подобрал людей. Только понял: все здесь хреновина, что бы там ни требовало начальство. Глупая игра. Обопрись лучше, друг, не на одного-двух, а на всех в отделении. Все они наши. Поймешь это сам, как походишь, поползаешь. Будь жив!»

И он действительно остался жив – не потому, что прятался от пуль, а потому, что просто повезло, и из двух зол ему выпало меньшее – в «наркомздрав».

Даже не один раз повезло, а несколько – какая-то цепь везений. 14 октября в землянке, где находился Борис, разорвался снаряд – политрук получил тяжелую контузию, но остался жив. Это было первое везение. Потом, когда его вместе с другими ранеными переправляли на правый берег, то в самом конце пути возле лодки разорвалась мина, и она перевернулась. Раненые оказались в ледяной воде, большинство из них, очевидно, погибло, а Пидемского хотя и ранило осколком, но выбросило на обледенелую палубу уткнувшегося в берег катера. Это было второе везение. Хотя все могло кончиться до нелепости трагично: ночь, ледяная палуба и совершенно мокрый, беспомощный человек, медленно уходящий в небытие... Но повезло в третий раз – его стон услышали пробегавшие мимо (берег был под обстрелом, передвигаться возможно было лишь перебежками) красноармейцы. Увидели раненого, отнесли в медсанбат...

Затем был госпиталь в Лесотехнической академии – и вся блокада Ленинграда, «от звонка до звонка». В апреле 1943 года капитан Пидемский стал сотрудником Управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта.

Много чего было сделано за это время. Продолжая оперативно обеспечивать 442-й госпиталь, он сумел выявить женщину-агента, не только разбрасывавшую по госпиталю немецкие листовки, но и «позаимствовавшую» из стола начальника командировочные предписания. С его участием была проведена «разработка», а затем обезврежена шпионская группа, засланная в Ленинград и имевшая свою штаб-квартиру на Петроградской стороне, на Большой Пушкарской улице. Уже в 1945-м он разоблачил агента-диверсанта разведоргана «Цепеллин», заброшенного на «глубокое оседание»...

За время героической обороны Ленинграда в городе и на передовой погибли в боях и умерли от ран, голода и болезней 1276 офицеров военной контрразведки. Казалось, теперь все самое худшее и страшное осталось позади.

Но знать бы Борису, какие «бои» ожидали его в недалеком будущем!

...Когда-то Борис Михайлович передал нам оригинал своих воспоминаний, которые были опубли-

кованы в одном из журналов. Это рассказ о так называемом «Ленинградском деле» – очередном кремлевском «переделе власти», при котором погиб главный его исполнитель (но отнюдь не организатор!) Виктор Абакумов...

Не будем говорить о «политических играх», ограничимся тем, что непосредственно коснулось Пидемского. В основе рассказа – его воспоминания.

После разгрома партийно-советских органов города на Неве, «московские товарищи» решили взяться за Ленинградский военный округ. В ЛенВО для проверки прибыла комиссия Главного политического управления Вооруженных сил СССР (как оно тогда называлось), имевшая четкие указания. Но тут их ожидал, как говорится, «облом»: доносчиков и клеветников среди военных не нашлось.

«Начальник Управления военной контрразведки ЛенВО генерал А.С.Быстров[5] тоже не дал, несмотря на нажим, никаких компрометирующих материалов на командующего войсками округа, его заместителей, члена Военного совета, начальника штаба. Быстрова обвиняли в укрывательстве, грозили санкциями, если хоть что-либо не даст негативного на лидеров округа. Не дал ничего. Расплату за честное поведение он вскоре почувствовал.

В результате «проверки» округа столичное руководство на основании доклада комиссии было вынуждено ограничиться снятием с должности, «для пользы службе», командующего войсками ЛенВО генерал-полковника Д.Н.Гусева[6] – в войну начальника штаба фронта, кавалера высших наград страны, в том числе четырех орденов Ленина, орденов Суворова, Кутузова и многих других».

Но, к сожалению, в Управлении контрразведки округа нашлись люди, недовольные своим начальником (в записках Пидемский говорит о некоем К., не называя фамилии) – и Андрианов[7], вновь назначенный первый секретарь обкома, присланный в Ленинград «для наведения порядка», дал указание подготовить партийное собрание. Фактически – для разбора «персонального дела» генерала Быстрова, хотя официально это и не говорилось.

Пересказывать хода собрания не будем – чтобы все понять, достаточно того, что сказал Пидемский. Он говорил так: «Мне непонятно, во-первых, то, почему сегодняшние «обличители» генерала все годы, когда он, по их словам, «разлагался» и разлагал подчиненных «совместной пьянкой», молчали, хотя партийных собраний за это время прошли десятки. Ни разу не заходили они и в партбюро. Во-вторых, можно ли считать моральным разложением совместный воскресный выезд начальников и подчиненных, не занятых работой, на рыбалку или по грибы и «распитие» там за завтраком по сто-сто пятьдесят «фронтовых». Пусть выступят и скажут, кто и где пил меньше? Это коллективный отдых на природе, общепринятый, и не разлагающий, а сплачивающий коллектив.

Грубость коммуниста Быстрова – дело другое. Она требует партийного осуждения и исправления. Но почему никто раньше... ему по-партийному не подсказал, что негоже генералу промахи в работе подчиненных разъяснять матом? И проработку начальнику сегодня устроили, по моему мнению, только потому, что в данное время это стало модным для тех, «кто вполне не уразумел политику партии».

А затем я задал вопрос, почему товарищи, выступая, забыли, что под руководством морально «разложившегося» начальника, «разложившийся» или «разлагающийся» коллектив заставил фельдмаршала Кейтеля[8] признать: «Мы ни разу из-под Петербурга не получили разведданных, которые оказали бы серьезное воздействие на развитие военных событий», а немецкий генерал-полковник Йодль[9] на допросе признал: «В нашей <германской> разведке были крупные провалы... Основную массу разведданных в ходе войны (до 90 процентов) составляли материалы радиоразведки и опросы военнопленных». Это он говорил о Ленинградском фронте и Северо-Западе. А где были тысячи их агентов? Да в наших лагерях, в нашей русской земле и в их абверовских разведшколах, куда наше управление их внедрило. Это лучшие из оценок «разложившемуся» начальнику нашей контрразведки.

Не скажу, что слова были именно эти, но память сохранила смысл той моей речи.

Зал ответил одобрением. Коммунисты начали выступать с осуждением «партспектакля», специально устроенного для компрометации руководства. Соответствующим этим настроениям оказалось и постановление».

Вскоре генерал-лейтенант отправился на должность заместителя начальника Управления контрразведки МГБ по Прикарпатскому военному округу – дальнейшие унизительные служебные понижения и лишение погон будут позже. А майор Пидемский был уволен «за невозможностью дальнейшего использования».

Однако и в нашей жизни бывают чудеса. Когда Борис совсем отчаялся – работы и накоплений

[5] Быстров Александр Семенович (1904–1964) – генерал-лейтенант; начальник Особого отдела НКВД по Ленинградскому фронту с июня 1942 г., начальник УКР «Смерш» Ленинградского фронта.

[6] Гусев Дмитрий Николаевич (1894–1957) – генерал-полковник (1944). Командующий 21-й армией, командующий войсками Ленинградского, Восточно-Сибирского и Забайкальского военных округов. Герой Советского Союза (1944).

[7] Андрианов Василий Михайлович (1902–1978) – первый секретарь Свердловского (1939–1946) обкома ВКП(б); с февраля 1949 г. по протекции Г.М.Маленкова – первый секретарь Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б). С октября 1952 г. – член Президиума ЦК КПСС. После смерти Сталина выведен из состава Президиума ЦК, а позже был освобожден от руководства Ленинградской парторганизацией. С декабря 1953 г. – заместитель министра государственного контроля СССР. С августа 1956 г. – на пенсии.

[8] Кейтель Вильгельм Бодевин Йоханн Густав (1882–1946) – начальник штаба Верховного командования вермахта (Вооруженных сил Германии) в 1938–1945 гг., фельдмаршал. Казнен в Нюрнберге по приговору Международного военного трибунала.

[9] Йодль Альфред Йозеф Фердинанд (1890–1946) – начальник штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта, генерал-полковник (с 1 февраля 1944). По приговору международного военного трибунала в Нюрнберге казнен через повешение.

нет, за душой – фельдшерское образование пятнадцатилетней давности, недавние коллеги предложили ему должность старшего военного цензора 25-й воздушно-истребительной армии. Благодаря хорошим людям, он был не просто вновь принят на службу, но и получил звание подполковника... Но главное, что Пидемский в очередной раз почувствовал, что такое порядочные, нравственные люди, что такое воинская взаимопомощь и войсковое товарищество.

Вскоре же в стране в очередной раз «задули новые ветры», и в 1952 году Борис Михайлович был возвращен на службу в органы военной контрразведки, «как ошибочно уволенный». Примерно в то время он заочно окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета...

Служба Пидемского в органах безопасности продолжалась до 1964 года – он уже был полковником, возглавлял Особый отдел КГБ по 6-й (Ленинградской) отдельной армии ПВО – когда стали давать знать о себе боевые раны, и Борис Михайлович вышел в запас.

Без дела он не остался – в 1965 году возглавил ленинградское отделение издательства «Советский художник». Работа была творческая, интересная, но, очевидно, не совсем устраивали масштабы – хотелось большего, чтобы в полной мере использовать уникальные возможности Ленинграда, культурной столицы России. Было видно, что потенциал города на Неве во многом остается невостребованным – не зря же прозвучала эта горькая фраза, с каждым годом становящаяся все более актуальной: «Великий город с областной судьбой»...

У Бориса Михайловича возникла идея создания воистину уникального издательства, чтобы его книги и альбомы знакомили зарубежных читателей с теми великими сокровищами искусства, которые хранятся в музеях нашей страны – в первую очередь, разумеется, Ленинграда. Было также понятно, что продажа такой высококачественной печатной продукции обеспечит поступление иностранной валюты в бюджет нашего государства.

«Правдами и неправдами Борис Михайлович добился, дойдя до отдела культуры ЦК КПСС, создания в Ленинграде ставшего впоследствии знаменитым на весь мир издательства «Аврора». О деятельности Бориса Михайловича Пидемского на этом поприще можно написать еще две отдельные книги».

И вот – конкретный результат его «хождений по инстанциям»: «Постановление Совета Министров СССР о создании «Авроры» было принято 17 сентября 1968 года. А несколько раньше состоялось Решение секретариата ЦК КПСС по этому вопросу. Приказ Председателя Комитета по печати при СМ СССР был подписан Н.А.Михайловым[10] 10 октября 1968 года... Тогда же были утверждены разработанные и согласованные с Главной редакцией художественной литературы Комитета по печати (куратором «Авроры») структура «Авроры», «Положение об «Авроре»», штатное расписание, лимиты на бумагу, полиграфические мощности и финансовое обеспечение тематического плана изданий и плана по труду. Все эти документы были разработаны с учетом возможных их изменений в связи с увеличивающимися объемами работ издательства».

Борис Михайлович уверенно встал у «штурвала» «Авроры».

Энциклопедический справочник «Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград» так пишет об этом издательстве: «Выпускает художественные альбомы, иллюстрированные путеводители, факсимильные репродукции, комплекты открыток, буклеты. Альбомы сопровождаются текстами на иностранных (иногда на русском) языках. Тематика изданий: теория и история русского, советского и зарубежного изобразительного и прикладного искусства, отечественной архитектуры с древнейших времен до наших дней. Массовым тиражом издаются комплекты художественных открыток «Хранится в музеях СССР» и др. ... Издания «Авроры» экспортируются более чем в 80 стран мира. На всесоюзных и международных конкурсах «Искусство книги» они завоевали свыше 300 дипломов и медалей».

Можно понять, что новое издательство занималось не чистой коммерцией, «гоня» за рубеж «русскую экзотику» и всякого рода «лубочную продукцию», но в полном смысле слова осуществляло высокую культурно-просветительскую миссию, пропагандировало русское и советское искусство, укрепляло международные связи и авторитет нашей державы.

«Аврору» по избранному им курсу Пидемский вел с 1969 по 1981 год. Потом он стал заместителем начальника Главиздатэкспорта, а в 1990-м, когда страна вошла в свое опасное пике, и это пагубным образом отразилось на всех составляющих ее жизни, его опять попросили встать у «штурвала» созданного им издательства... И еще десять лет жизни, посвященные «Авроре». Затем Борис Михайлович три года возглавлял Издательский совет Санкт-Петербурга.

Пидемский не только издавал книги, но и писал их сам – его книга «Под стук метронома», уже нам знакомая, в 2008 году была удостоена премии ФСБ России.

Остальные его лауреатства, почетные звания и награды – одних только орденов за бой и за труд было шесть – мы перечислять не будем, таковых немало.

...До векового своего юбилея Борис Михайлович Пидемский не дожил всего лишь полгода. Он продолжал творческую работу до самых последних своих дней и ушел из жизни 25 августа 2017 года в Санкт-Петербурге – Ленинграде, городе, который он защищал в годы Великой Отечественной войны и искренне любил.

---

[10] Михайлов Николай Александрович (1906–1982) – 1965–1970 гг. – председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР.

БОЕВАЯ СЛУЖБА ПИСАТЕЛЯ
(ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ АБРАМОВ)

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в общественное сознание вошло такое понятие, как «лейтенантская проза» нашей советской литературы. Предвоенные выпускники вузов, студенты, а то и десятиклассники, закончившие затем ускоренный курс военных училищ, – Григорий Бакланов, Юрий Бондарев, Василь Быков, Константин Воробьев, Виктор Курочкин и другие – стали писать о той войне, которую они прошли и помнили.

Федор Абрамов принадлежал к тому же писательскому поколению как по возрасту, так и по биографии. Он родился 29 февраля 1920 года, уже 22 июня 1941 года записался в народное ополчение, воевал – но о войне практически не писал. Возможно потому, что о его войне и боевой службе писать было категорически нельзя. Федор Александрович, о чем стало известно сравнительно недавно, служил в контрразведке «Смерш», а «смершевцы», возвращаясь к мирной жизни, давали «подписку о неразглашении»: «Хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе органов и войск НКВД, ни под каким видом не разглашать их и не делиться ими даже со своими ближайшими родственниками и друзьями...» Зато Федор Абрамов стал – было, опять-таки, такое понятие – писателем «деревенской темы», «деревенщиком», как их тогда окрестили. Причем – из лучших, из самых известных и уважаемых в стране.

Разумеется, этот творческий путь определило его крестьянское происхождение: родился на Русском Севере – в селе Веркола, Пинежского уезда, Архангельской губернии, был младшим из пяти детей. Места суровые, «ссыльные»: в начале XVIII столетия в Пинеге, тогда еще не бывшей уездным центром, скончал свои дни князь Василий Васильевич Голицын[1], а два века спустя там отбывал ссылку будущий «красный маршал» Климент Ефремович Ворошилов[2].

Александр Степанович, отец Федора, занимался извозом в Архангельске, находящемся в трех с половиной сотнях верст от Верколы. Там он и умер – через год после рождения младшего сына. Но можно понять, что семья не бедствовала: окончив школу-четырехлетку в родном селе – для большинства ребятишек это был тогда образовательный предел – Федор пошел в пятый класс в школу в деревне Кушкопала, в двадцати пяти верстах от Верколы; в 1933 году семья вообще переехала в райцентр – село Карпогоры, где он смог окончить десятилетку. Причем – с отличием, что позволило ему летом 1938 года быть зачисленным без экзаменов на филологический факультет Ленинградского университета.

О студенческих годах, так же как и о творческом пути писателя Федора Абрамова, написано немало, а нас, в данном случае, Федор Александрович интересует как воин и контрразведчик, и потому мы обращаемся непосредственно к этим темам, оставляя вопросы его творчества литературоведам и критикам. Так что сразу же переходим к черному дню 22 июня 1941 года: «Когда по радио было передано заявление Советского правительства и стало известно, что началась война, жизнь города как бы вошла в новое русло, – пишет Абрам Вениаминович Буров[3], автор замечательной книги "Блокада день за днем" – хроники Ленинградской блокады. – В 13 часов 25 минут введено угрожаемое положение. Еще до этого к районным военкоматам начал стекаться народ. Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации предписывал военнообязанным явиться на призывные пункты 23 июня 1941 года. Но уже в 12 часов 30 минут 22 июня у военкоматов начали выстраиваться очереди добровольцев».

В тот день, 22 июня, записался добровольцем в народное ополчение и третьекурсник Федор Абрамов. Что такое «народное ополчение», сегодня мало кто знает, а те, кто что-то слыхал, в большинстве своем уверены, что дали тогда гражданскому люду «трехлинейки» и бутылки с зажигательной смесью – теперь их на западный манер именуют «молотовский коктель» – и бросили их, неорганизованных и необученных, под немецкие танки. Реально же дело было не совсем так. Возьмем официальный источник – энциклопедический справочник «Санкт-

---

[1] Голицын Василий Васильевич, князь (1643–1714) – русский боярин, дипломат, государственный деятель и фаворит царевны Софьи Алексеевны. Фактический глава русского правительства во время ее регентства.

[2] Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – с 1925 г. нарком по военным и морским делам, в 1934–1940 гг. нарком обороны СССР, Маршал Советского Союза.

[3] Буров Абрам Вениаминович (1912–2000) – журналист и писатель, во время Великой Отечественной войны – корреспондент газеты Ленинградского фронта «На страже Родины», подполковник.

Петербург. Петроград. Ленинград» и, посмотрев статью «Народное ополчение», перейдем по ссылке на «Армия народного ополчения (с 4 июля 1941 г. Ленинградская армия народного ополчения)»:

«...Первоначально предполагалось создать 7 дивизий народного ополчения, ряд истребительных и пулеметно-артиллерийских частей (100 тыс. человек). 4 июля горком партии постановил увеличить численность армии до 200 тыс. человек. Фактически в начале июля – сентябре 1941 г. было сформировано 10 дивизий, которые по мере готовности отправлялись на фронт, 7 истребительных (партизанских) полков, 16 пулеметно-артиллерийских батальонов, а также несколько маршевых батальонов. Общая численность Армии народного ополчения – свыше 135 тысяч человек...» Уже в сентябре ополченческие дивизии были преобразованы в регулярные соединения Ленинградского фронта.

Студент Федор Абрамов превратился в рядового бойца 377-го ПУЛАБа – пулеметно-артиллерийского батальона, и осенью 41-го сражался на ближних подступах к Ленинграду. Вот как писал об этих боях сам Абрамов, оформляя документы при поступлении в «Смерш»: «В боях под д. Пиудузи, на окраинах Старого Петергофа, батальон был разбит. Остатки батальона, в том числе и я, вышли в гор. Новый Петергоф.

В гор. Ораниенбаум батальон был вновь укомплектован. По приказанию командования батальон занял оборону в гор. Старый Петергоф. Участок обороны нашей роты проходил по деревням, расположенным на окраине города.

В течение 2-х дней мы вели беспрерывный бой с численно превосходящим противником. Я лично работал на пулемете. 24 сентября в полдень я был ранен в предплечье левой руки.

До 18 ноября 1941 года я находился на излечении в ленинградских госпиталях...»

«Работал на пулемете» – красиво сказано! По-писательски. По-военному. И вообще понятно, что это писал солдат – масштаб роты, остатков батальона, то есть то, что сам видел и знал. А ведь тот бой, что, разумеется, было тогда неведомо рядовому Абрамову, сыграл важную роль в обороне Ленинграда.

«24 сентября сорвалась попытка гитлеровцев прорваться к Ораниенбауму. Они рассчитывали, что, захватив и отрезав Кронштадт, смогут ликвидировать эту важную военно-морскую базу. Но совместными усилиями пехотинцев, подразделений моряков и артиллерии фортов и кораблей Краснознаменного Балтийского флота наступление врага на этом участке было остановлено».

А враг, есть такой хороший «штамп» – в бессильной злобе – продолжал рваться к Ленинграду, Кронштадту, Ораниенбауму. На счету у защитников «Невской твердыни» был воистину каждый штык, поэтому уже 18 ноября, в тот самый день, когда он вышел из госпиталя, Абрамов вновь оказался на передовой.

Обратимся опять к его отчету: «С 18 ноября по 28 ноября 1941 года снова участвовал в боях с немцами на том же Ленинградском фронте рядовым 1 ударного батальона 225 стрелкового полка 70 стрелковой дивизии (командир дивизии – полковник Виноградов).

28 ноября утром при наступлении полка (названия роты не знаю, ибо в бой вступили перед утром прямо с марша) я был вторично тяжело ранен. Разрывной пулей у меня пробило обе ноги в верхней области бедер».

Но тут, пожалуй, многое перепутано: 225-й стрелковый полк входил в состав 23-й стрелковой дивизии, которая в ту пору дралась где-то в районе Демянска. В состав 70-й дивизии, которой тогда еще не командовал полковник Виноградов, входил 252-й стрелковый полк, и к 20-м числам ноября это соединение, прекратив бесплодные атаки на мощные гитлеровские укрепления по западному берегу реки Тосна, вновь заняло рубеж Пулково – Большое Кузьмино. Однако понятно, что боец, отвоевавший десять дней, вряд ли сохранил в памяти наименование воинских частей и их командиров, равно как и географические названия... Как мы когда-то шутили в военном училище на занятиях по тактике, это сейчас указывается направление по карте, типа «роща Круглая», «деревня Серово», а в бою все будет проще: «Сарай видишь? На него и ...» Наступай, в общем, в том самом направлении! Действительно, чего задурять себе голову каким-то названиями?

В результате тяжелого ранения Абрамов возвратился в Ленинград, в университет, – но на исторический факультет, превращенный в госпиталь. Хотя ЛГУ продолжал функционировать и по своему прямому назначению. В известной нам книге Абрама Бурова есть информация, датированная 2 декабря 1941 года – как раз тем временем, когда наш герой вновь оказался в стенах университета:

«...Несмотря на бомбежки и артиллерийский обстрел, от которого в городе <в этот день> пострадало более 100 человек, в Актовом зале Ленинградского государственного университета состоялось заседание Ученого совета, посвященное 50-летию присуждения В.И.Ленину диплома первой степени об окончании юридического факультета. Доклад "Ленин и защита социалистического Отечества" сделал ректор университета А.А.Вознесенский[4]...»

Можно понять, что Ленинград не просто выживал, но жил и сражался.

В университетской аудитории – вернее, в палате – Абрамов находился до начала февраля 1942

[4] Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950) – экономист, деятель науки и культуры; профессор (1939). В 1941–1947 гг. – ректор Ленинградского университета. В 1947 г. депутат Верховного Совета СССР, в 1948 г. назначен министром просвещения РСФСР. 19 августа 1949 г. арестован по «Ленинградскому делу». Осужден и расстрелян в 1950 г. Брат Н.А.Вознесенского.

года, практически всю первую блокадную зиму, самую трудную, самую жуткую, самую лютую. Потом был смертельно опасный переезд по льду Ладожского озера и эвакогоспиталь в городе Сокол, Вологодской области, неподалеку от областного центра, где Федор оставался до 10 апреля. По выписке он получил трехмесячный отпуск и отправился в родные края, в село Карпогоры, где оканчивал десятилетку. В эту свою школу Абрамов пришел теперь в качестве учителя. Пусть на три месяца, но все же – учителя были очень нужны...

Однако были нужны и солдаты. По окончании отпуска, 27 июля 1942 года, он становится заместителем политрука роты в 33-м запасном стрелковом полку Архангельского военного округа. На свои петлицы Федор прикрепил четыре треугольника, как у старшины, на рукава гимнастерки – комиссарскую звезду; его обязанностью стало проводить партийно-политическую и воспитательную работу во взводе. Для недоучившегося студента-гуманитария, да еще и обстрелянного воина – задача не самая сложная. Но в октябре того же года институт комиссаров в Красной армии был упразднен, и с 1 февраля 1943 года Федор Абрамов, переименованный в старшего сержанта, становится помощником командира взвода в Архангельском военно-пулеметном училище.

В подавляющем своем большинстве курсантами училища были вчерашние старшеклассники 17–18 лет, так что на их фоне 23-летний старший сержант с медалью «За оборону Ленинграда» (в те времена командование на награды было весьма скупо) и двумя нашивками за ранения смотрелся очень солидно и, безусловно, пользовался непререкаемым авторитетом. Вполне возможно, что и не все преподаватели и командиры имели такой боевой опыт, как он – если вообще имели. Была же такая практика, что лучших выпускников оставляют в училище.



Лейтенант Ф.А.Абрамов.

А он, судя по приведенной ниже характеристике, был именно из самых-самых: «Абрамов Ф.А., находясь в Архангельском военно-пулеметном училище, показал себя только с лучшей стороны. С первых же дней пребывания в роте Абрамов проводил большую политико-воспитательную работу. Он, как комсомолец, был выделен взводным агитатором. Его беседы и лекции пользовались большим авторитетом среди личного состава роты, как одного из лучших мастеров слова... Дисциплинирован, выдержан, комсомольские поручения выполняет аккуратно и добросовестно. Взысканий не имел. Являлся одним из лучших командиров. Морально выдержан, политически устойчив».

Можно полагать, что Абрамову «светила» перспектива до конца войны воспитывать будущих командиров, писать рапорта с просьбой отправить на фронт и получать в ответ неизменное: «А кто молодежь учить будет?». Но тут свое веское слово сказала военная контрразведка. Человек с такими данными вызвал естественный интерес контрразведчиков. К тому же в это время происходило серьезное реформирование спецслужб, и потому требовались люди – разумеется, не абы какие, не из тех, чтоб только «заполнить клетку».

Таким образом, 17 апреля 1943 года (за два дня до «официального рождения» «Смерш», но мы уже будем говорить «по-современному»), старший сержант Абрамов был зачислен в Отдел

контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа.

Округ этот, включавший территорию Архангельской и Вологодской областей и Коми АССР, был создан незадолго до войны, в марте 1940 года. На его территории формировались и готовились резервы и маршевое пополнение – то есть, как это трактуют военные энциклопедии, «обученные контингенты военнослужащих различных категорий, отправлявшиеся в организованном порядке из резерва в действующую армию для пополнения частей». 1 января 1945 года Архангельский округ будет переименован в Беломорский, границы его значительно расширятся, а в 1956 году он будет расформирован. Впрочем, это нас уже не интересует.

Гораздо важнее то, что по территории округа проходила Северная железная дорога, по которой к началу Великой Отечественной войны перевозилось порядка восьмидесяти пяти процентов всех грузов в стране. В войну дорога приобретала особое значение: во-первых, по ней шли грузы, доставленные в Архангельск союзными морскими конвоями по ленд-лизу; во вторых, после того, как Ленинград оказался в кольце блокады, а Петрозаводск заняли финские войска и таким образом была перерезана ведущая к Мурманску железная дорога имени Кирова, по Северной дороге пошли и грузы из главного Заполярного порта. В сентябре 1941 года была спешно достроена Сорокско-Обозерская линия, протяженностью в 351 километр, связавшая по берегу Белого моря, через глухомань и болота, эти два основных железнодорожных пути – дороги Северную и Кировскую. Понятно, что гитлеровцы делали все возможное и даже невозможное, чтобы отсечь сражающуюся Россию от ее северных морских портов, от союзнической поддержки.

В подтверждение сказанного – всего один эпизод того времени. 16 мая 1943 года сотрудники НКВД по Вологодской области задержали двух диверсантов-парашютистов – в документах они значились военнослужащими 391-го запасного полка Орловым и Дмитриевым. На месте приземления были обнаружены, как значилось в спецсообщении об их задержании, «15 шт. толовых шашек (по 400 граммов) и к ним 24 капсюля-детонатора, 6 шт. электровзрывателей и один прибор для электровзрывания, 3 термитные цилиндрические шашки, 9 штук взрывателей замедленного действия, бикфордов шнур и другие принадлежности для изготовления зарядов и производства взрывов. Кроме того, там же находились ампулы большого размера с зажигательной жидкостью, гранаты Ф-1 с запалами, винтовочные и револьверные патроны...»

В общем, экипировка была серьезная – но и задержанные агенты вполне ей соответствовали. Как выяснилось, перед заброской в советский тыл они закончили специальные курсы диверсантов.

«Объектом их диверсионной деятельности должна была явиться Северная железная дорога, эшелоны с воинскими грузами на участке Вологда – Тихвин. По выполнении задания диверсанты с помощью указанных ниже документов должны были явиться в одну из частей РККА, направляемых на фронт, и перебраться обратно – на территорию, оккупированную немцами».

Задачей контрразведчиков «Смерш» было не дать этим и подобным людям, которых на территорию Архангельского военного округа гитлеровские спецслужбы засылали буквально «пачками», сбрасывая на парашютах или высаживая на озера с гидросамолетов, выполнить их задания и затем оказаться в рядах воинских формирований.

Федор Абрамов начал службу в военной контрразведке с должности помощника оперативного оперуполномоченного, но уже в августе 1943-го был назначен следователем.

Впрочем, его карьера в «Смерш» могла и завершиться, буквально не начавшись. Не прослужив еще и месяца, Федор, разговаривая с сослуживцами, задал вопрос о том, какой смысл имеет конспектирование приказов Верховного Главнокомандующего? Уточним для тех, кто не знает, что в Советском Союзе было воистину трепетное отношение к этому самому «конспектированию первоисточников». Ты должен был не просто прочитать или изучить какую-то работу «классиков марксизма-ленинизма» и, если есть у тебя такая необходимость, сделать соответствующие пометки, но именно законспектировать, то есть кратко записать основную суть – чтобы потом к этому конспекту никогда не возвращаться. В общем-то, это были формализм и начетничество, а сама «передовая теория», вместо того чтобы творчески развиваться, воистину каменела... Думается, что в подобном отношении к «трудам классиков» кроется одна из причин крушения Советской системы – партийные идеологи, говоря по-русски, задолбали народ всеми этими формальными требованиями! Но кто-то наверху был уверен – или просто традиция сложилась такая, и никто уже ни в чем уверен не был – что все написанное в книгах надо еще и непременно конспектировать в рабочих тетрадях.

Ну так вот, только начиная службу в окружном отделе контрразведки, Абрамов откровенно сказал сослуживцам, что дел и без того много – а тут сиди и переписывай приказы товарища Сталина. Какой смысл?!

Кто-то, как говорится, «стуканул» – доложил начальству. Скорее всего, и этот человек был согласен с Федором, но попробуй угадай, что у новичка за душой? Умный, толковый – а может, и карьерист, который решил «подставить» товарищей, чтобы потом доложить, что, мол, «не прореагировали»... Как знать?

Вот и доложили – ничего личного! – сняли груз со своих плеч, переложили на начальство. По счастью, в отделе был очень толковый руководитель – полковник, а затем и генерал-майор Илья Иванович Головлев[5]. Думается, что и он не был большим сторонником «конспектирования первоисточников», но прекрасно знал установленные «правила игры». Можно предполагать, что он как следует «врезал» новичку tête-à-tête, то есть в личной беседе, объяснив, что не всегда следует публично оглашать свою точку зрения, после чего приказал написать «объяснительную».

Образец самого что ни на есть «верноподданнического» текста, вполне оправдывающего неосторожные слова, прилагаем: «...приказ тов. Сталина является квинтэссенцией мысли, каждое предложение, каждое слово его заключает в себе столь много смысла, что в силу этого необходимость конспектирования приказа в принятом значении сама собой отпадает.

Я сказал далее, что приказ тов. Сталина представляет собой совокупность тезисов, дающих ключ к пониманию основных моментов текущей политики, и что каждый тезис может быть разработан в авторитетную публицистическую статью. В том же разговоре я обратил внимание собеседника на изумительную логику сталинских трудов вообще, что не всегда можно найти в речах Черчилля и Рузвельта, на сталинский язык, обладающий всеми качествами языка народного.

Что касается изучения приказа тов. Сталина лично мною, то я внимательно прочел его 4 раза и, по совету тов. Р., тщательно законспектировал.

Приказ тов. Сталина внес ясность в мое понимание международной обстановки».

Интересно, когда это он успел читать речи сэра Уинстона Черчилля и президента Рузвельта? Ну да ладно, главное, что звучит убедительно и даже красиво! «Объяснительную» положили в «личное дело» – и вопрос был закрыт. В «Смерш», в основном, служили умные люди.

Итак, уже в августе 43-го Абрамов был назначен на должность следователя. В самом ГУКР «Смерш» НКО следственной работой занимался 6-й отдел. Согласно соответствующему «Положению», «Структура местных органов “Смерш” устанавливается применительно к структуре Главного управления контрразведки НКО (“Смерш”)...» В отделе контрразведки «Смерш» военного округа существовало Следственное отделение. Вопреки досужим современным рассуждениям, что, мол, зловещие «смершевцы» исключительно по своему разумению (или коварному умыслу) хватали какого-нибудь беднягу-солдатика или генерала (ненужное зачеркнуть), что-то торопливо расследовали – вернее, «шили ему дело», сами его осуждали и тут же, выйдя за угол, приводили приговор в исполнение, работа военных контрразведчиков была очень строго регламентирована.

Обратившись к тому же самому «Положению», можно узнать, что «Управление контрразведки НКО (“Смерш”) и его органы на местах имеют право:

<...> в) проводить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов или Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР; <...>». И далее, что очень важно:

«1. Органы “Смерш” проводят аресты военнослужащих Красной Армии в следующем порядке:

а) аресты рядового и младшего начсостава – по согласованию с прокурором;

б) среднего начсостава – по согласованию с командиром и прокурором соединения, части;

в) старшего начсостава – по согласованию с военными советами и прокурором;

г) высшего начсостава – с санкции народного комиссара обороны».

То есть, уличенного в измене Родине солдату́шку можно было взять под стражу только по разрешению прокурора, которому еще следовало доказать, что это – немецкий шпион, а не простой дурак и болтун. Если же нужно было арестовывать какого-то генерала, то за санкцией требовалось идти к самому товарищу Сталину, который 19 июля 1941 года был назначен наркомом обороны.

Конечно же, в правах и обязанностях сотрудников «Смерш» было и право «вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной Армии», но ведь если что окажется не так – все равно потом придется объясняться с прокурором, а то и с самим Иосифом Виссарионовичем.

В общем, к вопросам организации и проведения следственных мероприятий в подразделениях «Смерш» относились, скажем так, весьма трепетно.

В 2013 году в газете «Культура» была опубликована беседа с ветераном органов безопасности полковником в отставке Федором Ивановичем Ястребовым, служившим с Федором Александровичем Абрамовым в ОКР «Смерш» Архангельского военного округа. Федор Иванович вспоминал: «Нашей главной задачей было объективное расследование. У нас был замечательный начальник отдела – генерал Головлев Илья Иванович, москвич, большой законник. Он настаивал, чтобы при допросах всегда присутствовал представитель военной прокуратуры. Мы никогда не допускали нарушений социалистической законности. Кстати, прокурорские работники и сами не отказывались от уча-

[5] Головлев Илья Иванович (1902–1977) – начальник ОКР «Смерш» Архангельского, затем – Беломорского военного округа, генерал-майор.

стия в допросах, особенно в ночное время. Потому что ночью нам давали сто граммов хлеба, кружку свежезаваренного крепкого чая и полную ложку сахара.

– Столовую? <– уточняет корреспондент.>

– Да что вы – чайную! С сахаром было очень тяжело, да и с другими продуктами тоже. Мы снабжались по третьей категории, недоедали, были постоянно голодными...

– Вы сказали, что не нарушали социалистическую законность. А разве ночные допросы официально были разрешены?

– Речь же не идет о ночных допросах как о средстве физического воздействия. Это были вынужденные ситуации, и только с ведома прокурора. Шел огромный людской поток, у каждого следователя было в производстве до сорока дел. Мы сами не спали, валились с ног от усталости...»

Вот такая вот была служба.

Закономерен вопрос: откуда шел этот самый людской поток, что на следователя могло приходиться аж по сорок дел?

«Условия, в которых работали архангельские военные контрразведчики, были чрезвычайно непростыми. Оперативная обстановка осложнялась большой территорией ответственности, близостью линии фронта, сотнями немецких диверсантов-парашютистов, стратегической важностью Северной железной дороги, поставками по ленд-лизу, разведывательной деятельностью союзников по коалиции. При этом нельзя забывать о частых воздушных налетах, страшном голоде в Архангельске, а также в воинских частях, включая "Смерш" и органы НКВД. Информационные сводки отдела контрразведки, направляемые в Центр, содержат сведения о злоупотреблениях, воровстве отдельных командиров, дезертирстве, случаях мародерства в армии, необходимости принятия мер по улучшению санитарно-бытовых условий в тыловых частях, засилии в них уголовного элемента и прочем. Это тоже составляло работу военной контрразведки, будни следователя Абрамова».

Картину происходившего дополняет Федор Ястребов. Он так характеризует «контингент», проходивший через руки следователей: «В основном – бандеровцы. Тех, кого ловили в ходе спецопераций на Западной Украине, для проведения следствия вывозили как можно дальше, многие попадали к нам в Архангельск. Вот характерная деталь. Наш отдел занимал двухэтажное деревянное здание, кабинеты следователей располагались на втором этаже, в принципе, невысоко от земли. Но на окнах решеток не было, а летом мы открывали окна настежь. И не было ни одной попытки побега! Вся эта публика – молодые и трусливые, они нахальные только в бандах. Да и куда убежишь с Севера?»

Конечно, гораздо более серьезным противником была вражеская агентура.

«Следователь отдела контрразведки "Смерш" Абрамов, как удалось на сегодняшний день установить по документам, из указанных 27 разведгрупп противника <выброшенных на парашютах осенью 1943 года в Вологодской и Архангельской областях> принимал участие в производстве следствия по восьми. С осени 1943 г. Вологодская область становится постоянным местом его командировок».

Вроде бы, тыловой округ, война далеко, но дела были понастоящему боевыми.

«26 сентября и 10 октября сего года, – указывалось в докладной записке ГУКР "Смерш" в Государственный Комитет Обороны, – в Харовском районе Вологодской области немцы сбросили с самолетов на парашютах две группы агентов-диверсантов в количестве 10 человек, прошедших специальную подготовку...

После приземления из 10 диверсантов явился добровольно с повинной 1 человек, а остальные были задержаны в результате организованного розыска, причем двое из них – диверсант Раев В.Ф. и радист Шахов К.М. – при задержании пытались оказать вооруженное сопротивление.

Обе группы диверсантов были укомплектованы из числа бывших военнослужащих Красной Армии, попавших разновременно в плен к немцам. <...>

Каждая из групп имела радиостанцию, по которой они должны были сообщать немцам собранные ими разведывательные данные.

Арестованные показали, что в 4 км от м. Халахальня <места прохождения ими спецподготовки – А.Б.>, в м. Печки, немцы обучают несколько десятков агентов, предназначенных к выброске в Советский Союз для совершения диверсионных актов.

Перед отправлением на выполнение задания немцы предупредили разведчиков, что в их задачу входит предварительное выяснение обстановки местности и военных объектов с тем, чтобы в последующем дополнительно выбросить туда группу агентов для осуществления диверсионных актов. <...>».

Далее сообщалось, что из пяти человек, сброшенных на парашютах 16 октября, четверо сразу же прибыли с повинной в НКВД, а некто В.П.Медведев отправился в деревню Семеновскую, к местной жительнице колхознице Ульяновой, на квартире которой был задержан, и впоследствии осужден на 15 лет.

Пришедшие с повинной диверсанты искренне желали искупить свою вину перед Родиной, а потому на допросах были предельно откровенны. В частности, они сообщили что «Цеппелин»[6], агентами которого они являлись, поставил перед ними задачу подготовиться к встрече 30 диверсантов, которые

[6] Организация «Цеппелин», или предприятие «Цеппелин» – немецкий разведывательно-диверсионный орган в структуре VI управления РСХА (внешняя разведка), созданный в марте 1942 г. для работы в советском тылу.

будут «работать» на железнодорожной ветке Вологда – Архангельск.

Впрочем, новость эта для контрразведчиков неожиданностью не явилась: еще 20 сентября была перехвачена и расшифрована радиограмма, отправленная из расположенного под Псковом разведцентра в Берлин, где подробно сообщалось о готовящейся операции.

Разумеется, «смершевцы» не стали демонстрировать раскаявшимся агентам свою осведомленность, а те с понятным энтузиазмом согласились на предложение участвовать в радиоигре, получившей условное наименование «Подрывники».

20 октября в «Цеппелин» ушла радиограмма следующего содержания: «Приземлились благополучно. Долго собирались. Место подготовили. Ищите три костра, расположенные треугольником в условленном месте: в верховьях реки Вожега, в 20 км к юго-востоку от станции Вожега».

Прошла почти неделя ожидания. Наконец, 26 числа пришло указание потушить костры и развести их вновь после получения даты прилета самолета. Через день сообщили, что диверсанты, вероятно, прибудут 28-го, а потому огни должны появляться ежедневно, с 20 до 21 часа. Диверсантов ждали, и не только разводившие костры бойцы 250-го конвойного полка НКВД: в районе места высадки были приведены в боевую готовность истребительные батальоны, так называемые группы содействия и даже местное население.

Однако самолет, прилетевший только 1 ноября, не долетел до костров и места «запланированной встречи». 14 парашютистов были выброшены на лес где-то между Сямженским и Вожегодским районами Вологодской области... По счастью, возвратившиеся на родную землю диверсанты отнюдь не горели желанием подрывать рельсы Северной железной дороги: девять человек тут же отправились с повинной в НКВД, четверо были арестованы в районе станции Вожега, один диверсант при задержании застрелился.

Отметим, кстати, что этот агент, имевший документы на имя сержанта Ивана Ивановича Мартынова, к заброске в советский тыл был подготовлен плохо. За шесть куриных яиц он, не спрашивая, отдал 900 рублей (почти что месячное денежное довольствие фронтового командира роты или же две бутылки водки на «черном рынке»), да еще и электрический фонарик в придачу. Такая не совсем понятная щедрость вызвала у граждан естественные подозрения... Можно полагать, что и другие члены группы также были далеки от понимания советских реалий.

Вообще, насколько известно, чем хуже были дела у германской армии, тем менее качественной становилась реальная подготовка агентуры из военнопленных. Нет, агенты успешно овладевали разного рода спецдисциплинами – могли стрелять, взрывать и прочее, но очень слабо ориентировались в происходящем в СССР. Не слишком доверяя своим приспешникам, немецкие руководители старались оградить их от «советской пропаганды» – готовясь к заброске в советский тыл, курсанты разведшкол не читали советских периодических изданий, а информацию о происходящем на фронтах получали на уровне геббельсовской газеты «Völkischer Beobachter»[7]. Разумеется, в «главной партийной газете» рейха не писали о том, что Красная армия лупит вермахт на всех фронтах и немцы повсеместно отступают. В итоге, оказавшись в советском тылу, эти как бы «бойцы с передовой» не могли ответить на элементарные вопросы граждан о положении на фронте, а потому очень быстро попадали в поле зрения соответствующих органов. Что ж, когда идеология превалирует над здравым смыслом – пиши пропало!

Между прочим, в том самом самолете было 17 диверсантов, но 15-й при прыжке застрял в люке из-за какой-то неисправности, так что пока его вытаскивали, борт уже лег на обратный курс. «Подрывникам» сообщили, что трое оставшихся, а также «багаж», будут досланы «при первой возможности и хорошей погоде». В ответ в «Цеппелин» было сообщено, что тех 14 человек, сброшенных непонятно куда, якобы ищут.

Только через десять дней, 11 ноября, прибыли те самые трое «отставших». Их выбросили очень точно – к кострам и дежурившим при них воинам НКВД. Естественно, диверсантов здесь же задержали. Они стояли с поднятыми руками, а с неба, между тем, спускались на парашютах «подарки», сброшенные с самолета во время его второго захода: 4 пулемета, 12 автоматов ППШ, 21 винтовка, полтонны взрывчатки, ящик противопехотных мин, 18 ящиков патронов, 46 ручных гранат РГД, радиостанция, около 400 различных бланков фиктивных документов, мастичный штамп и две гербовые печати 391-го запасного стрелкового полка, 322 тысячи рублей, фотографические карты... К тому же, были еще и большой запас продовольствия, воинское обмундирование и снаряжение.

Полученные «посылки» лучше всяких слов подтверждали, что в проводимой радиоигре однозначно выигрывает «Смерш»: никаких сомнений по поводу «Подрывников» у «Цеппелина» не возникало.

Однако в контрразведке прекрасно понимали, что в проводимой операции есть весьма уязвимый момент – «временной провал» от момента приземления группы до ее выхода в эфир. В первом случае, как оправдались агенты, высаженные в наш тыл 16 октября, они «долго собирались». Во втором, 1 ноября, хотя группа и была сброшена не там, где нужно, но при ней оста-

[7] «Völkischer Beobachter» – «Фелькишер беобахтер» («Народный обозреватель») – печатный орган НСДАП.

валась рация – значит, следовало немедленно выходить на связь и сообщать о «нештатной ситуации».

Так сотрудники ОКР «Смерш» Архангельского военного округа начали вспомогательную радиоигру, получившую условное наименование «Подголосок». Насколько известно, руководить ею было поручено Федору Абрамову.

Кстати, в известном нам интервью полковник Ястребов этот факт отрицает – мол, Абрамов, как следователь, вряд ли мог этим заниматься. Но в спецслужбах есть правило, что каждый делает исключительно свое дело и не спрашивает коллег, чем они в данный момент заняты или занимались ранее. К тому же, радиоигра «Подголосок» проводилась еще до прихода Ястребова в отдел – он вообще мог про нее не знать. А если на следователя приходилось по сорок дел, то и оперативные сотрудники были достаточно заняты – вот и могли поручить Абрамову «непрофильную» задачу.

К тому же, Федор Александрович был, что называется, «в теме», и вот тому подтверждение:

«В ночь на 8 октября 1943 года на территорию Мяксинского района Вологодской области была сброшена группа из двух диверсантов-парашютистов. В тот же день оба диверсанта явились с повинной в Мяксинский сельсовет. По исследованным архивным материалам первый подробный допрос радиста из этой группы 25 октября 1943 года осуществлял Абрамов. При этом протокол допрос, как и ряд более поздних аналогичных документов, позволяет сделать вывод о высокой компетенции Абрамова в своем деле. Протокол содержит подробнейшее описание техники шифрования, которая должна была применяться указанной группой. Необходимо отметить, что Абвером применялись чрезвычайно изощренные системы шифрования с огромным числом условностей, постоянной сменой ключей, а для успешного проведения радиоигры требовалось детальное уяснение всех нюансов радиообмена».

Поэтому и могли поставить руководить радиоигрой человека, понимающего что к чему – вне зависимости от его должности.

«Легенда» радиоигры была разработана такая: группу основательно разбросало по лесу, поэтому пока что вместе собрались только радист и три диверсанта, которые разыскивают всех остальных, находящихся непонятно где.

«Цеппелин» откликнулся незамедлительно: «Очень рады установлению связи. В том, что вы сброшены неправильно, виноваты летчики. Будьте стойкими и осторожными. Скоро соединим вас с главной группой».

Что следовало делать в этой ситуации, когда стало ясно, что в германском «центре» поверили? Естественно, просить о помощи – мол, неизвестно куда пропали не только «боевые товарищи», но и сброшенные вслед за ними ящики с продовольствием и снаряжением. 16 ноября группа «Подголосок» получила «подарок с неба» – на четырех парашютах им были сброшены продовольствие, оружие, боеприпасы и медикаменты...

Если три диверсанта, прибывшие к «Подрывникам» 11 ноября, как бы вошли в отряд, то «Подголосок», по «легенде», долго не мог соединиться со «своими». Зато рации двух групп передавали примерно одинаковую информацию относительно движения эшелонов по Северной железной дороге, тщательно составленную соответствующими специалистами, – и это дублирование создавало видимость ее достоверности. В частности, после того, как «Подрывники» сообщили о совершении ими двух «диверсий» на дороге, рация «Подголоска» просто информировала «хозяев» об этих фактах: мол, произошло то-то и то-то, а кто это сделал – нам про то неведомо...

Через некоторое время «Цеппелин» помог группам соединиться – по крайней мере, это они там, в германском «центре», так считали. После «объединения» радиоигра «Подголосок» была успешно завершена.

Зато радиоигра «Подрывники» продолжалась еще довольно долго.

Вот какую справку по этой радиоигре дал историк (и в прошлом – сотрудник) спецслужб Эдуард Прокофьевич Шарапов: «Проводилась на территории Вологодской области в 1943–1944 годах. В результате было выведено на советскую территорию и арестовано 22 немецких агента. Кроме того, по этому каналу в разведцентр противника систематически передавались ложные сведения о передвижении воинских частей и боевой техники по Северной железной дороге. Учитывая ее тогдашнее стратегическое значение в общем объеме перевозок, эта дезинформация позволила ввести немецкие штабы в заблуждение относительно намерений советского командования».

Есть версия, что именно за проведение радиоигры «Подголосок» Абрамов был награжден часами. Однако, судя по документам, награда все-таки была дана за другое:

«27 июня 1944 года приказом начальника Отдела контрразведки “Смерш” Архангельского военного округа полковника Головлева “за лучшие показатели в следственной работе” был награжден часами старший следователь следственного отделения контрразведки “Смерш” Архангельского военного округа лейтенант Ф.А.Абрамов».

Отметим также, что в июне 1944 года Федор Александрович был назначен старшим следователем Следственного отделения Отдела контрразведки. В общем, его карьера складывалась успешно. В коллективе он пользовался уважением и авторитетом – понятно, что было за что. Ястребов вспоминал: «Вообще, Федор учил нас не рубить сплеча, стараться видеть мотивы человека, и даже если тот

виноват, понимать, что степень вины может быть разная. Например, был случай: в Архангельске контрразведку заинтересовала одна очень красивая женщина с набором наград, с каким бы и мужчина в героях ходил. Оказалось, она действительно была на фронте, но ее командир, испытывая к ней определенные чувства, чтобы уберечь от возможной гибели на передовой, фальсифицировал наградные документы и отправил ее в тыл. Мы с Федором вели это дело, и он как старший в итоговом документе изложил все так, чтобы ей вышло минимальное наказание».

А вот, кстати, служебная характеристика, датированная уже 11 июля 1945 года: «Тов. Абрамов всесторонне развит, достаточно грамотен, следственно-оперативную работу любит, вкладывает в нее много ума и изобретательности.

Усидчив и настойчив. В работе объективен и требователен. Систематически работает над повышением общеобразовательного уровня и своей квалификации.

В морально-бытовом отношении выдержан. Среди оперативного состава пользуется авторитетом. Физически здоров».

Все же Абрамов понимал, что служба эта только на время войны, и что вскоре ему надо будет возвращаться к мирной жизни. А это прежде всего значило, что нужно получить высшее образование. Федор принял, как ему тогда казалось, оптимальное решение: не откладывая в долгий ящик, еще до окончания войны, поступить на заочное обучение в Архангельский педагогический институт – благо все рядом. 27 ноября 1944 года он подал руководству соответствующий рапорт и разрешение получил. Разумеется, вновь начинать с первого курса Абрамов не собирался, а потому был направлен запрос в ЛГУ – мол, пришлите справку!

Ответ пришел только через год, уже после Победы, причем совсем не такой, как ожидалось. Ректор ЛГУ профессор А.А.Вознесенский адресовался к начальнику ОКР «Смерш» теперь уже Беломорского военного округа генерал-майору Головлеву с просьбой «направить для завершения образования бывшего студента 3-го курса филологического факультета... т. Абрамова Федора Александровича...»

Начальство препятствовать не стало, и 2 октября 1945 года старший следователь ОКР «Смерш» БелВО лейтенант Федор Александрович Абрамов был уволен в запас. Как указано в приказе: «для завершения высшего образования». В том же приказе было сказано, что он «аттестуется отлично».

Дальнейшее хорошо известно почитателям творчества лауреата Государственной премии СССР Федора Абрамова, одного из наиболее известных наших писателей-«деревенщиков», публициста и литературоведа.

В 1948 году он окончил университет, уже в 1951 году защитил кандидатскую диссертацию по творчеству М.А.Шолохова, в 1956 году возглавил кафедру советской литературы Ленинградского университета, а с 1960 года, как говорится, «ушел в большую литературу», сосредоточив свои силы исключительно на писательском труде. В 1975 году, за трилогию «Пряслины», писателю Абрамову была присуждена Государственная премия СССР.

Федор Александрович скончался в мае 1983 года и был похоронен в своем родном селе Верколе, что стоит на берегу реки Пинега.

...Вроде бы, сказано все, но тут возникает вопрос: неужели этот замечательный писатель так-таки ничего и не написал про контрразведку «Смерш», в которой служил в годы Великой Отечественной войны?

Не написал. Но не потому, что не хотел, а потому, что не успел.

Повесть под названием «Кто он?», которую начал писать Абрамов, считают автобиографической – быть может потому, что героем ее был следователь контрразведки «Смерш». Молодой следователь (а они все тогда были молодыми!) сомневается в вине подследственного, некоего Григория, подозреваемого в предательстве, в результате которого погиб партизанский отряд...

Вспомним, что следователям Следственного отделения ОКР «Смерш» Архангельского военного округа приходилось работать по бандеровцам – отсюда, очевидно, и взят был исходный материал.

По содержанию повести выходит так, что – как это нередко бывает в жизни – казавшееся очевидным таковым не является. Как выясняет следователь, скрупулезно проверяя и перепроверяя имевшиеся улики и показания, Григорий – невиновный человек, оклеветанный истинным предателем. При этом получилось так, что молодой офицер коим-то образом напряг собственные отношения с высшим своим руководством – но как и почему это произошло, нам уже не узнать... Это не был бы детектив – скорее, психологическая драма, в которой на прочность проверяется характер человека, его человеческие качества, и сам этот человек, следователь контрразведки «Смерш», задает себе вопрос: «А кто же такой я?»

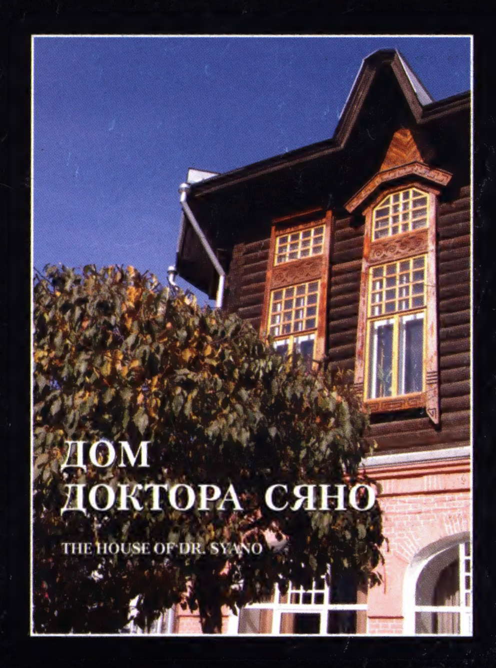
К слову, Федор Александрович считал, что это будет лучшее его произведение – возвращение в молодость, переосмысление давних событий с высоты прожитых лет и богатого жизненного опыта. Да вот, к сожалению, не сбылось...

Фрагменты этой повести – «наброски разных лет» – опубликованы в 6-м томе собрания сочинений Ф.А.Абрамова, изданном в Санкт-Петербурге в 1994 году.

Более подробно о судьбах военных контрразведчиков можно узнать в книгах: А.Бондаренко Герои «СМЕРШ» (М.: Молодая гвардия, 2020) и Военные контрразведчики (М.: Моложая гвардия, 2019).

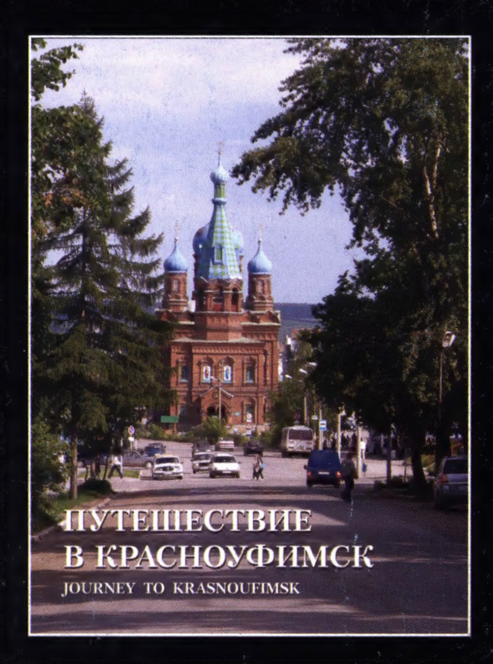


Десантники Тихоокеанского флота.





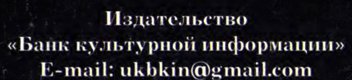






Серия

Национальное достояние России



Издательство
«Банк культурной информации»
E-mail: ukbkin@gmail.com

